

Энрико Ферри.

Преступные типы въ искусствѣ и литературѣ

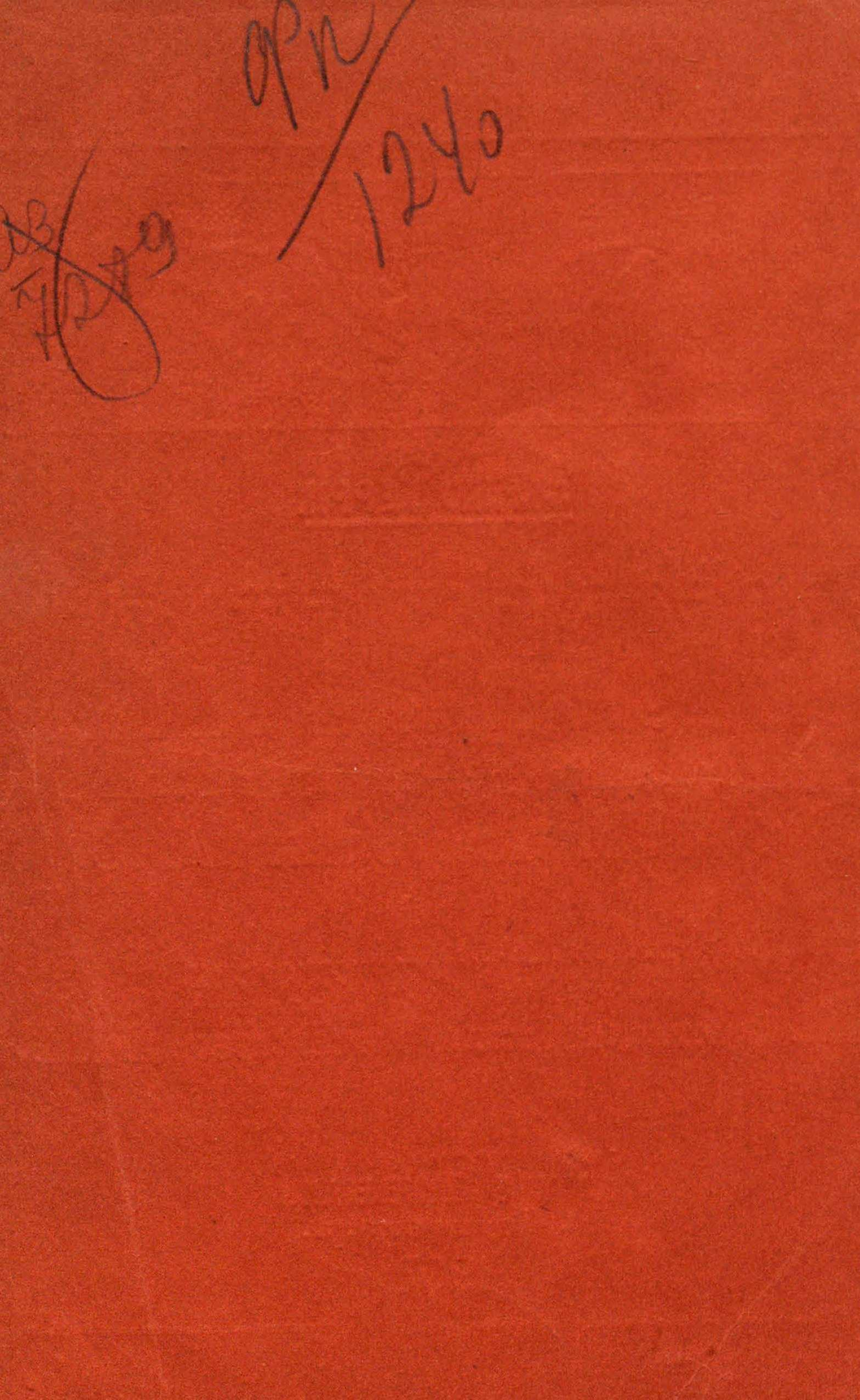

Съ предисловіемъ къ русскому изданію Родольфо Савелли д-ра философіи Генуэзскаго Университета.

Изданіе С. Е. Коренева и К°
С. Петербургъ.
1907.

Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская ул. № 14.

1240

Энрико Ферри.

ПРЕСТУПНЫЕ ТИПЫ

ВЪ ИСКУССТВѢ и ЛИТЕРАТУРѢ

Переводъ съ итальянскаго съ предисловіемъ къ русскому изданію Родольфо Савелли, д-ра философіи Генуэзскаго университета.

Изданіе С. Е. Коренева и Кº.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская ул., д. 14.
1908 г.

Энрико Ферри.

(Очеркъ Родольфо Савелли написанный для русскаго изданія).

Красивое мужественное лицо, высокій ростъ густые волосы, роскошная борода, которая, увы, уже начинаетъ серебриться, большой орлиный носъ, живые и прекрасные глаза — вотъ Ферри, вождь итальянскихъ соціалистовъ, человѣкъ, котораго или любятъ и боготворятъ, или же искренне ненавидятъ, смотря по вкусамъ и интересамъ.

Немного въ Италіи найдется людей, которые проявляли бы такую плодотворную и разнообразную дѣятельность. Ферри является искуснымъ парламентскимъ дѣятелемъ, дѣятелемъ боевымъ и такимъ, котораго враги побаиваются, онъ же стоитъ во главѣ газеты Avanti!, *органа соціалистической партіи, одной изъ самыхъ боевыхъ газетъ въ мірѣ; Ферри же является и знаменитымъ ученымъ извѣстнымъ всюду благодаря своимъ трудамъ по криминальной соціологіи; онъ и профессоръ и адвокатъ и полемистъ и пропагандистъ...*

Кто изъ людей даже средне-образованныхъ не слышалъ о Чезаре Ломброзо и о его школѣ? Въ этой школѣ рядомъ съ уважаемымъ учителемъ занимаетъ первое мѣсто Ферри, благодаря своимъ добросовѣстнымъ, упорнымъ и продолжительнымъ изслѣдованіямъ объ убійствѣ и объ преступности вообще; его книга „Криминальная соціологія" (La sociologia criminale) *имѣющая болѣе тысячи страницъ, богатая мыслями и*

эрудиціей, считается въ Италіи самымъ полнымъ и авторитетнымъ трудомъ въ этой отрасли науки.

Итальянскій народъ, народъ горячій, энтузіастъ и фантазеръ, любитъ характеры порывистые, а такимъ является Ферри, или по крайней мѣрѣ былъ такимъ долгое время; можно ли вообразить себѣ что либо болѣе порывистое, когда Ферри удаляемый изъ палаты депутатовъ во время засѣданія разбиваетъ стекло въ двери и просунувъ въ отверстіе голову, кричитъ во всю силу легкихъ: «Парламентская каморра продолжаетъ существовать!»

Всѣ благонамѣренные люди, даже и соціалисты, притворились возмущенными, продажная печать изрыгала ругательства, но парламентскія трибуны апплодировали. А когда трибуны апплодируютъ, то Ферри всегда очень доволенъ: можетъ быть оттого, что онъ слишкомъ близко знаетъ ученыхъ, чтобы вѣришь въ нихъ по крайней мѣрѣ какъ въ людей дѣйствія.

* *
*

Ферри, какъ ученый принадлежитъ къ позитивной школѣ, а слѣдовательно, какъ всякій добросовѣстный позитивистъ, является въ значительной степени догматистомъ. Онъ не обсуждаетъ какую цѣнность имѣютъ знаніе, опытъ, научные законы, теоріи, напротивъ онъ очень счастливъ когда можетъ повторить фразу въ такомъ родѣ: «неумолимость положительнаго факта» и т. д. и т. д; однако же этотъ недостатокъ философской критики не является большимъ недостаткомъ въ ученомъ эмпирикѣ, можно даже сказать, что это идетъ ему на пользу. Правда, такой ученый кажется не много наивнымъ, если хотите ребенкомъ, со своей вѣрой въ законы природы, которые являются такой-же вѣрой, какъ вѣра народа въ божественное провидѣ-

ніе, но если этотъ ученый одаренъ сильнымъ умомъ, (а въ данномъ случаѣ это такъ и есть) то можетъ сдѣлать важныя открытія. Если позитивистовъ вообще можно упрекнуть въ невѣжествѣ относительно философіи, то все же у нихъ нельзя отнять той высокой заслуги, что они своими нападками потрясли весь міръ старыхъ идей и разрушили вѣковыя вѣрованія и ученія при свѣтѣ своихъ изысканій.

Вотъ въ чемъ заключается значеніе позитивизма.

Позитивная школа уголовнаго права перенесла свои изслѣдованія съ преступленія (разсматриваемаго какъ сущность юридическая) на преступника (то есть на того, кто производитъ самое дѣйствіе).

Знаменитый итальянскій юристъ Франческо Каррара выразился такъ: «Преступленіе не является сущностью фактической, но сущностью юридической», и изъ этой священной формулы съ удивительной послѣдовательностью выводилъ всѣ тѣ выводы, какіе только можно было вывести изъ этого принципа «заключавшаго въ себѣ зародыши всѣхъ истинъ».

Позитивная школа криминалистовъ напротивъ того начала изучать преступленіе, какъ дѣяніе человѣка отличающагося отъ средняго, человѣка, котораго надо было изучить: Такимъ образомъ возникла криминальная антропологія, наука изучающая преступника; эта наука создана Ломброзо; явилась криминальная соціологія изучающая преступника по отношенію къ праву; эта наука создана Энрико Ферри.

Мало по малу, по мѣрѣ того какъ изслѣдованія становились болѣе глубокими, сдѣлалось яснымъ, что не существуетъ типа преступника, но что существуетъ много типовъ преступниковъ; увидѣли, что нельзя смѣшивать напримѣръ

того кто совершаетъ преступленіе съ корыстной цѣлію, съ тѣмъ кто совершаетъ его по страсти, что разница между этими двумя лицами заключается и въ органическихъ признакахъ и главнымъ образомъ въ чертахъ моральныхъ; отсюда вытекаетъ «необходимость отказаться отъ стараго единаго и отвлеченнаго типа преступника и замѣнить его цѣлымъ рядомъ типовъ, что будетъ больше соотвѣтствовать разнообразію явленій въ дѣйствительной жизни» *)

Въ области юридической наказаніе должно имѣть цѣлью безопастность общества, а не мщеніе преступнику и поэтому то именно и должно быть соразмѣрно со степенью опасности преступника для общества, а самъ преступникъ наказывается (или лучше сказать изолируется, запирается) не «quia peccatum est», *(потому что согрѣшили) а* «punitur ne peccetur» *(наказываютъ чтобы не грѣшили). Классификація устанавливаемая Ферри въ главныхъ чертахъ принята антропологами, соціологами и юристами; ее то авторъ и приводитъ въ предлагаемой книгѣ, иллюстрируя наиболѣе яркими типами преступниковъ взятыми изъ произведеній искусства и литературы всѣхъ народовъ, включая и русскій.*

«Геніальныя и проникновенныя произведенія искусства только подтверждаютъ указанія криминальной антропологіи; въ греческой трагедіи, у Шекспира, Данте и новѣйшихъ писателей, а также и въ выдающихся произведеніяхъ живописи мы находимъ преступные типы съ ихъ характерными органическими и интеллектуальными признаками» **).

Великіе художники чувствовали, что человѣкъ

---

*) E. Ferri—La sociologia criminale, стр. 263.

**) См. настоящую книгу.

совершающій необыкновенныя дѣйствія непохожія на дѣйствія всѣхъ прочихъ людей, долженъ былъ также имѣть и душу устроенную иначе.

Всякій любитель литературы можетъ найти въ классическихъ ея произведеніяхъ много примѣровъ. Я со своей стороны упомяну, что былъ пораженъ, какъ Эврипидъ (реалистъ греческой трагедіи) изобразилъ своихъ героевъ-преступниковъ поразительно вѣрно также и со стороны физической: Орестъ убиваетъ мать, но этотъ Орестъ— эпилептикъ; въ «Ифигеніи въ Тавридѣ» онъ изображенъ въ эпилептическомъ припадкѣ съ такой подробностью и точностью, что внѣшнія проявленія этой ужасной болѣзни кажется списаны съ новѣйшаго психіатрическаго сочиненія; галлюцинаціи и разсуждающее сумасшествіе того-же Ореста въ другомъ мѣстѣ изображены съ такою же вѣрностью дѣйствительности.

У Эврипида вообще встрѣчается столько примѣровъ подобнаго рода, что я имѣю въ виду написать объ этомъ отдѣльную монографію.

Rodolfo Savelli

Genova 9 Marzo 1907.

Предисловіе автора.

О преступныхъ типахъ въ литературѣ и искусствѣ (Delinquenti nel Arte) я читалъ лекцію въ Пизѣ въ Мартѣ 1894 года и затѣмъ былъ приглашенъ повторить ее въ Веронѣ, Флоренціи, Ливорно, Вольтерра, а въ Декабрѣ 1895 года имѣлъ дерзость прочесть ту-же лекцію на французскомъ языкѣ въ Брюсселѣ.

Это были краткія замѣтки о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя я какъ психологъ-криминалистъ (потому что у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ) вынесъ изъ чтенія романовъ или же изъ представленія на сценѣ драматическихъ произведеній. Я не имѣлъ однако-же намѣренія печатать эти замѣтки потому что предпочитаю прочесть десять лекцій, или сказать десять защитительныхъ рѣчей, нежели написать одну.

Когда вопросъ изученъ въ главныхъ чертахъ, то остальное приходитъ уже во время произнесенія рѣчи, дополняется различными отступленіями. Возбуждаешься присутствіемъ слушателей, не можешь побѣдить своего волненія, несмотря на то, что не разъ приходилось говорить публично, волнуешься отъ пріема оказываемаго слушателями, недовѣрчиваго или благосклоннаго... Но писать потомъ, когда промчался этотъ вихрь наслажденія, при спокойномъ размышленіи, когда очень трудно увлечься такъ, какъ увлекаешься живымъ словомъ; писать подъ неотвязнымъ впечатлѣніемъ, что для читателей это будетъ «разогрѣтымъ супомъ»... вотъ что мнѣ было крайне трудно и вотъ почему только черезъ три года я выпустилъ въ свѣтъ мои публичныя лекціи исправленныя, приглаженныя и... ухудшенныя. Если эта попытка невинной контрабанды будетъ имѣть хоть не-

большую часть того успѣха какой имѣла публичная лекція, то я приношу теперь-же мою глубокую благодарность тѣмъ изъ читателей, которые захотятъ указать мнѣ на мои промахи и ошибки, а также на тѣ художественные типы преступниковъ, которые слѣдуетъ освѣтить данными криминальной антропологіи; эта настоящая позитивная наука оставляетъ академическую замкнутость для того, чтобы войти въ общеніе съ живыми и дѣйствительными человѣческими характерами въ жизни, или же въ изображеніяхъ художниковъ слова и кисти.

Фіезоле. Іюнь 1896 года.

Энрико Ферри.

Преступные типы въ жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ и литературѣ.

Искусство, являясь отраженіемъ жизни, съ первыхъ же своихъ шаговъ не могло не заниматься преступленіями и преступниками: вѣдь и тѣ и другіе столь часто встрѣчаются въ жизни, столь разнообразны по своимъ проявленіямъ и типамъ. Оно не могло не отражать волненія общества передъ преступленіемъ; художники старались всегда представить состояніе души тѣхъ людей, которые участвуютъ въ человѣческой драмѣ, будучи палачами или жертвами, дѣйствуя путемъ обмана или путемъ насилія.

Очень долгое время только искусство занималось изображеніемъ преступленій и преступниковъ и психологическимъ анализомъ ихъ; иногда эти изображенія отличались геніальнымъ проникновеніемъ въ дѣйствительную жизнь, но часто это были чисто условныя изображенія міра чувствъ и идей, міра существовавшаго только въ воображеніи художника. Наука уже позднѣе освѣтила яркимъ факеломъ экспериментальнаго метода печальную и опасную личность преступнаго человѣка, подтверждая или исправляя художественныя изображенія полученныя путемъ болѣе или менѣе точныхъ наблюденій дѣйствительности. Наука разсматриваетъ всякое преступленіе, начиная съ самаго обманчиваго и кончая самымъ открытымъ, съ самаго легкаго до самаго ужаснаго; наука разсматриваетъ преступленіе во всѣхъ видахъ, причемъ для выясненія его причинъ и характера служитъ цѣлый рядъ наукъ: анатомія, психологія соціологія гигіена и судебная медицина.

Напротивъ того, искусство занимается наиболѣе типическими и наименѣе частыми видами преступленія

также и въ томъ случаѣ, когда самостоятельный характеръ художника, или же требованія публики въ тотъ или другой моментъ, заставляютъ избѣгать повторенія обычнаго въ искусствѣ изображенія типа: преступника изъ за любовной страсти, типъ, который въ дѣйствительной жизни встрѣчается довольно рѣдко.

I.

Главная масса преступленій совершается тѣми, кого можно назвать микробами преступнаго міра; они, подобно микробамъ міра біологическаго, прошли бы незамѣченными, быстро появляясь и изчезая на судебныхъ засѣданіяхъ, или же въ болѣе или менѣе заплесневѣлыхъ стѣнахъ тюремъ, если бы наука не открывала время отъ времени безотрадныя цифры статистики, доказывая всю серьезность симптомовъ патологическаго состоянія общества, состоянія, на которое не обращается достаточно вниманія, потому что оно сдѣлалось хроническимъ.

Напримѣръ въ Италіи за десять лѣтъ 1883—1892, число осужденныхъ судебными мѣстами за преступленія и проступки, какъ всякаго рода показаніями, начиная со штрафа и кончая каторжными работами, было ни много ни мало 3.552,910 чел.

Другими словами, даже выключая отсюда лицъ осужденныхъ нѣсколько разъ, выходитъ, что одна десятая всего населенія Италіи и около *тысячи* человѣкъ *въ день* карается символическимъ мечемъ правосудія, при помощи котораго по выраженію Прина (Prins), генеральнаго инспектора тюремъ въ Бельгіи, «суды Европы льютъ наказанія на несчастныхъ, какъ кранъ выпускаетъ каплю за каплей на землю».

Изъ 3.352,910 лицъ осужденныхъ за эти десять лѣтъ—2.734,452 были присуждены къ различнымъ наказаніямъ преторами *) осужденные этой категоріи и являются тѣми микробами преступнаго міра, которыя появляются и изчезаютъ не привлекая ничьего вниманія

*) Соотвѣтствуютъ русскимъ мировымъ судьямъ.

за исключеніемъ особенно выдающихся случаевъ отмѣчаемыхъ каррикатуристами.

По отношенію къ нимъ правосудіе воодушевляемое метафизическимъ идеализмомъ старыхъ школъ, ограничивается подыскиваніемъ соотвѣтствующей статьи уголовнаго уложенія; статья эта примѣняется къ живому человѣку, но печальный *манекенъ* правосудія — судья, не знаетъ, или дѣлаетъ видъ, что не знаетъ всѣхъ волненій физической и нравственной жизни этого человѣка; судья припечатываетъ его статьей закона, а затѣмъ больше ничего не знаетъ о дальнѣйшей судьбѣ осужденнаго.

Это происходитъ всюду; въ отношеніи уголовнаго судопроизводства всѣ страны свѣта одинаковы; эта фарисейская и уродливая условность въ отправленіи правосудія обращающаяся въ дорого-стоящее и опасное производство рецидивистовъ, прекратитъ свое существованіе только тогда, когда въ судахъ наконецъ пахнетъ свѣжимъ оздоровляющимъ воздухомъ, который несутъ съ собой изслѣдованія психологіи и физіологіи личности и общества; позитивная школа криминалистовъ уже всюду разноситъ эти данныя.

Во Франціи положеніе дѣла еще хуже нежели въ Италіи. Тамъ число лицъ присужденныхъ къ различнымъ наказаніямъ за десять лѣтъ съ 1879 по 1888 г. было 6.439,933! И въ этой огромной арміи людей понесшихъ кару закона, громадное большинство составляютъ люди совершившіе мелкіе проступки и преступленія, потому что изъ общаго числа 4.404,808 чел. было осуждено полицейскими судами (juges de paix); если же относительное число осужденныхъ мировыми судьями во Франціи меньше нежели въ Италіи, то это объясняется тѣмъ, что итальянскіе pretori (преторы) имѣютъ болѣе обширную юрисдикцію нежели французскіе juges de paix (мировые судьи).

Само собою разумѣется, что не изъ этой сѣрой массы мелкихъ преступниковъ выходятъ чудовищныя и безумныя или даже геніальныя личности, дѣянія которыхъ сначала подробно описываются въ газетахъ въ отдѣлѣ

хроники, затѣмъ переходятъ на столбцы судебной хроники, а затѣмъ дѣйствуютъ на воображеніе художника давая ему матеріалъ для драмы, романа или мелодрамы.

Однако преступленіе въ его выдающихся видахъ даетъ раньше матеріалъ для самыхъ характерныхъ произведеній народнаго творчества. Наиболѣе жизненными являются народныя драмы, которыя удерживаются даже съ распространеніемъ цивилизаціи. Всѣ другіе виды народного творчества вытѣсняются изъ городовъ иллюстрированными романами и газетами и иногда только встрѣчаются гдѣ-нибудь въ деревенской глуши: таковы напр. картины съ соотвѣтствующими подписями, которыя разносятся странствующими разскащиками послѣдними представителями почти совершенно изчезнувшей въ наши дни артистической фауны: такъ по словамъ Стэнли въ центрѣ Африкѣ теперь находятся еще кремневыя ружья, которыя уже изчезли въ такъ называемыхъ цивилизованныхъ странахъ съ появленіемъ новыхъ усовершенствованныхъ орудій братоубійства.

Въ самомъ дѣлѣ, кто не видалъ на какой-нибудь ярмаркѣ или базарѣ большихъ картинъ на которыхъ изображены болѣе или менѣе выразительныя фигуры: какой нибудь неизвѣстный Апеллесъ изобразилъ на этихъ картинахъ выдающіяся эпизоды преступной драмы; уличный разсказчикъ сначала разсказываетъ эту исторію, а затѣмъ начинаетъ пѣть пѣсню, сюжетъ которой заимствованъ изъ этой драмы. Обыкновенно дѣло идетъ объ какой либо любовной драмѣ; любовь переплетается съ убійствомъ, которому предшествуетъ измѣна и т. п. Обыкновенно начинается съ того, что «красивый юноша встрѣчаетъ прелестную дѣвушку и воспламеняется къ ней любовью»— а затѣмъ послѣдняя картина, гдѣ «обманутый юноша нѣсколькими ударами... убиваетъ ее!»

Въ настоящее время вмѣсто этихъ ярмарочныхъ разсказовъ является отдѣлъ хроники происшествій и судебной хроники и разныя литературныя приложенія въ видѣ уголовныхъ романовъ въ 99 случаяхъ изъ 100 являющихся фантастическими разсказами объ разныхъ фанта-

стическихъ преступленіяхъ при самой обыкновенной фабулѣ; подобные романы являются торговой спеціальностью французской литературы блещущей такими «именами», какъ Понсонъ дю-Террайль, Габоріо, Монтепенъ и. т. д. Эти романы дали новый матеріалъ для драмъ народнаго театра, которыя въ большинствѣ случаевъ являются передѣлками этихъ романовъ для сцены.

Если въ настоящее время въ городахъ образованіе и привычка сдѣлали то, что публика не участвуетъ больше съ наивной непосредственностью въ драмѣ, принимая сторону, жертвъ и освистывая тирановъ и палачей, то во всякомъ случаѣ драмы, гдѣ изображаются преступленія, имѣютъ очень сильное вліяніе на фантазію и чувства народа; только теперь это вліяніе начинаетъ оспариваться другими пьесами, гдѣ разбираются животрепещущіе общественные вопросы,

И это хорошо, потому что нельзя назвать хорошимъ то воспитаніе, которое уже столько лѣтъ дается народу театромъ и газетами гдѣ изображаются и разсказываются самыя ужасныя преступленія съ мельчайшими подробностями; подобные разсказы будятъ атавическія воспоминанія преступныхъ инстинктовъ, покрытыхъ только очень тонкимъ слоемъ цивилизаціи, еще слишкомъ проникнутой насиліемъ личнымъ и коллективнымъ. Между тѣмъ самыя высокія добродѣтели, постоянныя жертвы, самыя ужасныя лишенія остаются неизвѣстными большой публикѣ и появляются въ ежедневной печати мелькомъ: на нихъ почти никто не обращаетъ вниманія, развѣ кто нибудь пожалѣетъ, прочитавъ объ самоубійствѣ несчастной жертвы борьбы съ тяжелыми условіями жизни, или объ голодной смерти въ богатомъ городѣ; но развѣ эти самоубійства, эти голодныя смерти не позоръ для человѣчества?

II.

До самаго недавняго времени наука пренебрегала наблюденіями и изученіемъ натуры преступника; она все свое вниманіе сосредоточивала на самомъ преступленіи;

она изслѣдовала преступленіе не какъ одно изъ проявленій жизни, а только какъ «нарушеніе закона», она смотрѣла на преступленія холодными глазами, не разыскивая глубокихъ корней въ патологической области вырожденія личности и общества.

Эта задача выпала на долю искусства, которое болѣе непосредственно соприкасается съ дѣйствительностью, стоитъ къ ней ближе; глубокій анализъ натуры преступника мы находимъ или въ рѣчахъ защитниковъ на судѣ присяжныхъ, или же на страницахъ романовъ и драмъ; такимъ образомъ этотъ анализъ главнымъ образомъ въ психологической его части явился предшественникомъ науки не очень давно начавшей въ Италіи заниматься органическимъ и психологическимъ изслѣдованіемъ преступнаго человѣка (Работы Чезаре Ломброзо и позитивной школы криминалистовъ).

Цѣлью настоящей книги является показать, что въ наиболѣе замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства типы преступныхъ людей схвачены съ поразительной вѣрностью; причемъ выводы, къ которымъ пришла наука, изучая преступленія и преступниковъ поразительно сходятся съ тѣмъ, что даетъ искусство.

Классическая школа криминалистовъ, начиная съ Беккаріа и кончая Франческо Каррара, занимаясь исключительно разборомъ преступленій, оставляла въ сторонѣ самого преступника, представляя его въ видѣ одного средняго типа ничѣмъ отъ другихъ людей не отличающагося; исключенія дѣлались только для такихъ случаевъ, когда ненормальность бросалась въ глаза: когда преступленія совершались дѣтьми, глухонѣмыми отъ рожденія, явно-сумашедшими или пьяными. За исключеніемъ этихъ случаевъ, точно указанныхъ въ законѣ, судьи не знаютъ, или не желаютъ знать, что каждый подсудимый представляетъ изъ себя человѣка не похожаго на другихъ такихъ же подсудимыхъ (благодаря различію физическихъ и психическихъ данныхъ); судьи стараются только найти статью закона наиболѣе подходящую не къ человѣку, котораго судятъ, но къ «нарушенію закона имъ совершенному.

Самое большее (за исключеніемъ менѣе частыхъ случаевъ необычайныхъ или звѣрскихъ преступленій, которые, худо или хорошо изслѣдуются экспертами-психіатрами) бываетъ, что въ случаяхъ говорящихъ сами за себя вродѣ напримѣръ кражи подъ вліяніемъ голода, или насилія вызваннаго невѣжествомъ и т. п., судья успокаиваетъ свою совѣсть, признавая обычныя «смягчающія вину обстоятельства».

Признаніе смягчающихъ вину обстоятельствъ кажется актомъ справедливости, но въ дѣйствительности является краснорѣчивымъ доказательствомъ отсутствія справедливости, благодаря существованію несчастныхъ условій жизни, которыя приводятъ человѣка на скамью подсудимыхъ за преступленія, которыя повторяясь хронически, являются непремѣннымъ спутникомъ жизни человѣческихъ обществъ; искусство не занимается такими тусклыми обыденными типами.

Положительная наука мало обращаетъ вниманія на искусственныя, плохо обоснованныя различія между преступленіями, какими являются византійскія формы различающія преступленія противъ движимой собственности, которыя всѣ сводятся къ прямому или не прямому обкрадыванію ближняго; однако же благодаря этому византизму воры крупные ускользаютъ отъ примѣненія къ нимъ статей уголовнаго кодекса, а попадаются только воры мелкіе. Новая наука, освѣщая различіе характеровъ преступныхъ людей, характеровъ являющиися выраженіемъ извѣстной психической организаціи въ данной общественной средѣ и при данныхъ условіяхъ климата, почвы и т. д., вмѣсто классическаго безцвѣтнаго типа преступника, даетъ намъ рядъ разнообразныхъ преступныхъ типовъ.

Эти типы, согласно моей классификаціи признанной и подтвержденной почти всѣми антропологами криминалистами, суть слѣдующіе: *прирожденный преступникъ*, преступникъ *сумасшедшій*, преступникъ *по пріобрѣтенной привычкѣ*, преступникъ *въ порывѣ страсти* и преступникъ *случайный*. Всѣ эти типы являются ненормальными и въ ярко выраженной формѣ встрѣчаются

болѣе или менѣе рѣдко въ сѣрой массѣ среднихъ преступниковъ, образующихъ какъ бы хоръ греческой драмы [1]).

Преступный типъ, которому я въ 1881 году далъ названіе прирожденнаго преступника, т. е. такой у котораго патологическія аномаліи являются наслѣдственными (преступные неврозы) не ограничивается идіотизмомъ, безуміемъ, самоубійствомъ и т. д., но подъ вліяніемъ самой среды получаетъ антисоціальное развитіе; этотъ, типъ хотя давно смутно угадывался народнымъ сознаніемъ, но тѣмъ не менѣе оставался неизслѣдованнымъ, благодаря вліянію традиціоннаго и поверхностнаго спиритуализма; подъ вліяніемъ того же спиритуализма существованіе этого типа упорно отрицается и теперь, когда антропологія изслѣдовала печальный органическій и психическій типъ преступника, не основываясь на предвзятыхъ положеніяхъ классической науки, но черпая доказательства изъ живой повседневной дѣйствительности.

Прирожденный преступникъ вовсе не является всегда типомъ жестокимъ, какъ это полагаютъ многіе, кто уже привыкъ говорить объ этомъ антропологическомъ типѣ, почерпая свои знанія изъ судебной хроники и популярныхъ книгъ; прирожденный преступникъ можетъ быть не только хладнокровнымъ и звѣрскимъ убійцей, или утонченнымъ развратникомъ, но также и воромъ и мошенникомъ, который не имѣя отвращенія къ запусканію лапъ въ чужое имущество (отвращенія являющагося по большей части искуственнымъ произведеніемъ общественной культуры), въ тоже время недостаточно уменъ, чтобы вытаскивать у ближняго бумажникъ цивилизованными способами не караемыми законами напримѣръ, такъ называемыми спекуляціями торговыми, биржевыми, или банковыми. Вольтеръ начиналъ обыкновенно разсказывать исторію одного знаменитаго опытнаго вора такими сло-

[1]) Ferri,—*Antropologia criminale e diritto penale nell'Archivio di psichiatria e antropologia criminale* 1881. — Ferri, *Sociologia criminale*, III ed. Torino 1892. cop. I. – Bonanno.—*La classificazione dei delinquenti eil reo per passione* nell'*Arch. di psichiatria* 1895. XYI. стр. 364.—Bonani.—*Delinquente per passione*. Torino 1896.

вами: Il y avait autrefois un banquier.. (Жилъ-былъ банкиръ), а когда его просили продолжать, то онъ отвѣчалъ: Mais... c'est fini! (Все!).

Прирожденный преступникъ, въ томъ случаѣ если онъ одаренъ умомъ выше средняго уровня преступниковъ, (средній уровень ума преступниковъ часто, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше обычнаго средняго уровня) можетъ не нарушать ни одной статьи уголовныхъ законовъ, будучи однако безнравственнымъ человѣкомъ, личностью антиобщественной, однимъ изъ тѣхъ, кого Дюма-сынъ въ одной извѣстной комедіи называетъ «вибріонами» общества; эти люди умѣютъ красть, не вытаскивая кошельковъ и убивать, не прибѣгая къ ножу или револьверу.

Очень естественно, что этотъ типъ прирожденнаго преступника только въ настоящее время освѣщенный научными изслѣдованіями не часто встрѣчается въ художественныхъ изображеніяхъ; только геній Шекспира въ изображеніи главныхъ героевъ его трагедій, или геній Достоевскаго въ изображеніи сибирскихъ каторжниковъ, или талантъ Евгенія Сю въ изображеніи подонковъ парижскаго общества могли до появленія трудовъ Чезаре Ломброзо очертить психологическій типъ прирожденнаго преступника; этотъ типъ потомъ уже сталъ часто изображаться въ современной литературѣ причемъ начало этому положилъ главнымъ образомъ Эмиль Зола.

Главной характерной чертою этого типа является прирожденное отсутствіе нравственнаго и общественнаго чувства являющагося самой могучей дисциплинирующей силой опредѣляющей поступки каждаго индивидуума по отношенію къ обществу, среди котораго онъ живетъ. Общественное чувство частью образующееся изъ личнаго опыта въ борьбѣ за жизнь, но въ значительно большей степени унаслѣдованное какъ инстинктъ, только при наличности патологическихъ условій можетъ отсутствовать у тѣхъ, кто и является прирожденнымъ преступникомъ или нравственнымъ помѣшаннымъ.

Въ среднемъ, развитіе этихъ нравственно-ненормаль-

ныхъ людей бываетъ на одинаковомъ уровнѣ съ развитіемъ лицъ того класса, къ которому они принадлежатъ, но часто даже значительно превышаетъ среднiй уровень. Часто случается, что у людей съ высокоразвитыми альтруистическими чувствами умственное развитіе бываетъ очень ограниченное, тогда какъ того у кого отсутствуетъ нравственное чувство природа часто надѣляетъ умомъ, если и не глубокимъ и уравновѣшеннымъ, то однако же очень острымъ и яснымъ, умомъ усиливающимъ злую силу этого человѣка, освобожденнаго отъ всякихъ препятствій со стороны совѣсти, которая въ нашемъ мірѣ такъ называемой свободной конкурренціи т. е. скрытаго и косвеннаго людоѣдства, является слабостью въ жизненной борьбѣ, а не силой. Данте говоритъ:

«Che dove l'argomento della mente
«S'aggiunge al mal volere ed alla possa
«Nessun riparo vi puo far la gente».

(Тамъ, гдѣ умъ соединяется со злою волей и властью, люди не могутъ найти никакой защиты).

У прирожденнаго преступника и другія чувства, кромѣ нравственнаго, могутъ быть довольно нормальными и не только эгоистическія, (что естественно) которыя благодаря нравственной безчувственности бываютъ очень сильными (напр. мстительность, скупость, тщеславіе), но и даже чувства эго-альтруистическія какъ напр. семейная любовь, щедрость, вѣрность и извѣстная примитивная справедливость... когда личность не затрагивается непосредственно.

Именно эта то видимая нормальность ума и чувствъ, которая, (какъ я доказалъ, дѣлая психологическій анализъ личности прирожденнаго убійцы [2]), скрывая глубокую, врожденную нравственную безчувственность, дѣлаетъ для непосвященнаго глаза очень затруднительнымъ различить

---

[2]) *L'omicidio nell'antropologia criminale* (Omicida nato e omicida pazzo) con *Atlante antropologico-statistico* Torino 1895. стр. 312—540.

нравственный обликъ этого преступнаго типа; точно также тотъ, кто не привыкъ къ метафизическимъ антропологическимъ наблюденіямъ въ тюрьмахъ и сумасшедшихъ домахъ и внѣ ихъ, съ большимъ трудомъ можетъ уловить линіи типичнаго лица.

Личность преступника-сумасшедшаго опредѣляется гораздо легче, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея разновидностяхъ, которыя бываютъ не такъ часто, какъ обыкновенно полагаютъ и которыя очевидны даже для человѣка мало свѣдущаго.

Дѣйствительно, какъ часто даже и въ нормальныхъ людяхъ замѣчается какая-нибудь «вѣточка помѣшательства», гораздо чаще наблюдается у прирожденныхъ преступниковъ и рѣже у другихъ ненормальныхъ людей помимо патологическаго нравственнаго состоянія, такое же— умственное; преступленіе и сумасшествіе являются двумя вѣтвями съ одного ствола человѣческаго вырожденія, изъ котораго выходятъ также и самоубійство и проституція по врожденной склонности и всякіе неврозы и психозы.

Подъ преступникомъ сумасшедшимъ подразумѣвается такой человѣкъ, у котораго преступный неврозъ принимаетъ опредѣленную форму сумасшествія, хорошо извѣстную въ психологіи.

Есть два главныхъ типа преступника-сумасшедшаго; люди несвѣдующіе въ психіатріи обыкновенно при словѣ сумасшедшій представляютъ себѣ или человѣка находящагося въ горячечномъ бреду, говорящаго безсвязныя рѣчи и совершающаго дикіе поступки, или же человѣка совершенно утратившаго всякій человѣческій образъ, полнаго идіота. Невѣжды признаютъ сумасшествіе только въ томъ случаѣ, если оно выражается въ этихъ простыхъ формахъ.

Другая разновидность преступника - сумасшедшаго является гораздо менѣе уловимой, такъ какъ выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ (сумасшествіе, какъ и преступленіе, слѣдуетъ за эволюціей цивилизаціи), это есть разновидность преступника страдающаго какой-либо трудно поддающейся опредѣленію формой умственнаго и нрав-

ственнаго разстройства, уклоненія или неуравновѣшенности; самъ больной и его семья часто и не подозрѣваютъ о его болѣзненномъ состояніи, благодаря отсутствію познаній по психіатріи; это болѣзненное состояніе часто не признается и при судебномъ разбирательствѣ, или же общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ подобный типъ менѣе отличается отъ средняго человѣка нежели другіе; такимъ образомъ преступныя или безнравственныя дѣянія совершенныя подобнымъ человѣкомъ приписываются не вырожденію, а «винѣ» или «испорченности».

У преступника сумасшедшаго можетъ преобладать или разстройство умственное, или же нравственное; послѣдній видъ сумасшествія называютъ иногда «разсуждающимъ сумасшествіемъ» (pazzia ragionante), когда разсужденіе и формальная логика, по крайней мѣрѣ въ ихъ поверхностныхъ проявленіяхъ являются довольно нормальными и незатронутыми по сравненію съ болѣе глубокой болѣзнью чувствъ и страстей.

Естественно, что литература мало занимается преступникомъ сумасшедшимъ подобнаго рода. Здѣсь дѣло идетъ объ томъ видѣ яснаго помѣшательства, который является болѣе или менѣе несовершенной формой вырожденія; но сравнительно недавно только теорія Мореля освѣтила этотъ темный уголъ психіатріи, причемъ даны были точныя и полныя описанія вырожденія. Понятно, что художники, руководясь только обыкновенными впечатлѣніями, не могли открыть подъ почти нормальными внѣшними формами патологическую натуру, а потому подобные типы и остались не изображенными въ литературѣ и искусствѣ.

Что-же касается до обыкновеннаго вида сумасшествія, то до настоящаго времени литература и искусство мало могли имъ заинтересоваться: спиритуалистическія иллюзіи о свободной волѣ заставляли большинство думать, что сумасшествіе есть болѣзнь и «несчастіе», (что впрочемъ не признавалось до XIX в.), а что преступленіе напротивъ того есть «вина», поэтому то фигура преступника-сумасшедшаго носила и носитъ въ себѣ по общеприня-

тымъ понятіямъ вопіющее противорѣчіе; понятно, что въ большинствѣ случаевъ этимъ парализуется всякое артистическое творчество.

Вотъ почему за исключеніемъ Гамлета, преступникъ-сумасшедшій является въ литературѣ однимъ изъ наименѣе значительныхъ типовъ, въ большинствѣ случаевъ появляясь въ видѣ жалкой фигуры безсознательнаго безумца исполняющаго въ романѣ или драмѣ болѣе или менѣе странное, или же провиденціальное назначеніе.

Точно также рѣдко встрѣчается въ литературѣ типъ преступника по пріобрѣтенной привычкѣ; такіе типы попадаются только въ романахъ и драмахъ имѣющихъ главной цѣлью воспроизведеніе міра преступниковъ

Дѣйствительно это типъ совсѣмъ не эстетичный; обыкновенно преступникъ по пріобрѣтенной привычкѣ начинаетъ со случайнаго преступленія еще въ дѣтскомъ возрастѣ; чаще всего причиной бываетъ безпризорное дѣтство, а то и прямо подстрекательство со стороны родителей или же со стороны тѣхъ гнусныхъ личностей, которыя живутъ на средства добываемыя дѣтьми нищими; эти то несчастные дѣти и комплектуютъ потомъ армію воровъ, алкоголиковъ, сутенеровъ, которыми кишатъ большіе города.

Затѣмъ, послѣ первыхъ шаговъ по этой дорогѣ слѣдуетъ кратковременное тюремное заключеніе настолько же дорого стоющее обществу насколько нелѣпое и развращающее, а тамъ надзоръ полиціи переходящій во многихъ случаяхъ въ преслѣдованіе губящее менѣе испорченныхъ и нисколько не обуздывающее наиболѣе порочныхъ; такъ окончательно складывается характеръ «потерпѣвшихъ крушеніе въ общественномъ морѣ»; потомъ эти несчастные влачатъ свое существованіе среди ряда мелкихъ преступленій, являясь скорѣе продуктами общественнаго вырожденія нежели дѣйствительно патологическми типами.

Эти скучныя фигуры преступниковъ рѣдко совершаютъ какія либо особенно выдающіяся преступленія, которыя привлекали-бы къ нимъ вниманіе публики, а

потому и кишатъ въ грязи большихъ городовъ, привлекая фантазію художника только въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ послѣдній задается цѣлью изобразить міръ неизмѣнной преступности, какъ часть цивилизованнаго общества, или же какъ фонъ для какой либо главной «рокамболической» фигуры, болѣе или менѣе условной и романтической.

Другіе два преступные типа; преступникъ случайный и преступникъ по страсти гораздо чаще являются въ художественныхъ изображеніяхъ, причемъ надо замѣтить, что очень часто эти типы изображаются совершенно фантастически, безъ всякаго личного анализа, по шаблоннымъ образцамъ.

Преступники интересны для наблюдателя больше чѣмъ честные люди, съ одной стороны потому, что они выдѣляются на сѣромъ однообразномъ фонѣ обыденной жизни, а съ другой потому что инстинктъ самосохраненія заставляетъ насъ знакомиться съ преступниками, чтобы знать какъ отъ нихъ уберечься; честнаго человѣка вѣдь нечего бояться! Такъ министры, гораздо больше ухаживаютъ за депутатами оппозиціи, нежели за послушными овцами правительственнаго стада.

Литература долгое время занималась описаніемъ преступленій и преступниковъ и только теперь, продолжая описывать сумасшедшихъ, d e t r a q u é s, людей съ извращенными вкусами, начинаетъ возбуждать сочувствіе читателей, изображая и несправедливыя страданія столькихъ добрыхъ и честныхъ людей подъ гнетомъ вѣковой нужды.

Случайный преступникъ, который является почти что нормальнымъ человѣкомъ, для изображенія художественнаго подходитъ больше потому, что этотъ типъ очень ужъ часто встрѣчается, нежели по глубинѣ и сложности характера. Я сказалъ, что случайный преступникъ почти нормаленъ; конечно у него имѣются органическія и психическія анормальности (уже потому, что нормальнаго человѣка ни въ физическомъ, ни въ психическомъ отно-

шеніи не имѣется), но онѣ гораздо менѣе значительны и менѣе часты нежели у другихъ преступниковъ.

Болѣе или менѣе открытое прелюбодѣйство, болѣе или менѣе искусный мошенникъ, болѣе или менѣе нечестный игрокъ, болѣе или менѣе ядовитый клеветникъ... вотъ обычная канва романовъ и комедій, все это розыгрывается конечно съ помощью трехъ четырехъ обычныхъ интригъ, однако за исключеніемъ нѣсколькихъ типовъ геніально схваченныхъ тѣмъ или другимъ художникомъ, остальные не представляютъ собою типовъ, показывающихъ глубокій и внимательный анализъ авторовъ.

Въ криминальной антропологіи случайный преступникъ также разсматривается, какъ посредственность среди противообщественныхъ типовъ, но посредственность имѣющая среди людей многочисленныхъ представителей; это нерѣшительные люди колеблющіеся между добродѣтелью и порокомъ, смотря по тому въ какой средѣ они находятся; непрочная ихъ нравственность легко поддается искушеніямъ.

Къ такому типу лучше всего подходитъ извѣстное «*преступленіе мандарина*» въ «Эмилѣ» Ж. Ж. Руссо: «S'il suffisait, pour devenir le riche héritier d'un homme qu'on n'aurait jamais vu, dont on n'aurait jamais entendu parler et qui habiterait le fin fond de la Chine, de pousser un bouton pour le faire mourir, qui de nous ne pousserait ce bouton?»...

(Переводъ) «Если для того чтобы сдѣлаться богатымъ наслѣдникомъ человѣка, котораго мы никогда не видѣли, и о которомъ никогда ничего не слышали, который жилъ бы въ глуши Китая, надо было-бы нажать пуговицу чтобы его умертвить, кто бы изъ насъ не нажалъ этой пуговицы?»

Настоящей областью искусства являются чувства и страсти, а потому преступникъ по страсти естественно долженъ былъ привлекать вниманіе художника, который отмѣчалъ контрасты между насиліемъ и кровавой жестокостью преступленія и всепоглощающей страстью, очень часто вполнѣ простительной, страстью,

которая никогда не бываетъ низкой, но бываетъ даже величественной этой психологической лихорадкой, которая потрясаетъ и увлекаетъ не смотря на его сопротивленіе даже такого человѣка, который обладаетъ крѣпкой нравственностью.

Тайная мысль, скрываемое внутреннее чувство, что съ каждымъ изъ насъ можетъ случиться тоже при тѣхъ-же обстоятельствахъ, естественно увеличиваетъ взволнованное вниманіе публики, давая новую пищу вдохновеніямъ искусства, которое очень часто даетъ лучшія краски для изображенія преступленія по страсти... которое есть все-же преступленіе.

Убійца изъ за неудачной любви, дѣтоубійца благодаря тому что была оставлена на произволъ судьбы подлымъ обольстителемъ, убійца изъ ревности, человѣкъ возмутившійся изъ за того, что не могъ найти правосудія и объявившій войну обществу, гдѣ жизнь легка для флибустьеровъ высокаго полета и страшно тяжела для мучениковъ ежедневнаго подневольнаго труда, мститель за честь семьи или за поруганное сыновнее чувство... все это личности, которыя очень часто не имѣютъ ничего ненормальнаго кромѣ чрезмѣрной чувствительности и извѣстной импульсивности и нервной раздражительности, потому что дѣйствительно нормальный и уравновѣшенный человѣкъ никогда не дойдетъ до братоубійства, развѣ только при необходимой оборонѣ, но тогда дѣло идетъ уже не о преступникахъ, а о псевдо-преступникахъ.

Эти преступники по страсти обыкновенно изображаются юношами охваченными всѣмъ пыломъ страсти; эти юноши характера кроткаго, которыхъ предшествовавшая жизнь была безъ пятнышка; они склонны къ романтизму и мечтательности и представляютъ рѣзкій контрастъ съ прозаическимъ типомъ современнаго человѣка, прозябающаго въ однообразной жизни безъ свѣта идеала, въ вѣковѣчномъ рабствѣ земледѣльческаго или фабричнаго труда, или же въ погонѣ за деньгами среди перипетій торговли и спекуляцій въ вѣчномъ не-

устойчивомъ равновѣсіи въ зависимости отъ капризовъ богины Фортуны и бога Меркурія.

Эти цвѣты страсти, часто отравленные, одинаково доступны и повседневному наблюдателю и вдумчивому художнику; художники по своему психическому складу представляютъ много сходства съ преступниками по страсти, недаромъ же они и даютъ большой процентъ преступниковъ. Лукрецій, великій поэтъ-натуралистъ говоритъ: «homo sum et nihil humani a me alienum puto» (я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо) а Виргилій указалъ по другую сторону характера художника словами Дидоны: «non ignara mali miseris succurrere disco». (Собственныя бѣдствія научили меня помогать несчастнымъ).

III.

Сравнимъ теперь наиболѣе характерныя черты различныхъ типовъ преступниковъ согласно положительныхъ данныхъ новой науки о преступленіи, съ тѣми изображеніями, какія дало намъ искусство руководимое вдохновеніемъ геніевъ.

Прежде всего мы найдемъ, что искусство всегда было близко къ дѣйствительной жизни даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда крайности аскетическаго или философскаго идеализма отрывали взгляды и желанія людей отъ земли, гипнотизируя ихъ порою до помѣшательства въ созерцаніи загробнаго міра, гдѣ идеалы любви и справедливости казалось были болѣе близки къ осуществленію, даже и въ этихъ случаяхъ искусство въ наиболѣе геніальныхъ его произведеніяхъ всегда отражало наиболѣе характерныя черты преступныхъ типовъ.

Очень недавно только наука точнѣе опредѣлила и дополнила эти органическія и психическія черты преступнаго человѣка; во всякомъ случаѣ криминалистъ-антропологъ видитъ, что искусство очень часто предупреждало самыя серьезныя наблюденія, изображая черты наиболѣе рѣзко уклоняющіяся отъ средняго типа. Такъ этнологъ нашелъ-бы въ *Маврѣ*—Бернини на одномъ

фонтанѣ въ Римѣ, или же въ четырехъ *Маврахъ*— Такка на памятникѣ эрцгерцогу Фердинанду I въ Ливорно, что отличительныя черты расы воспроизведены художественно, хотя и безъ той фотографической точности какую даетъ наука. Шарко находитъ также, что въ искусствѣ стигматы и характерныя положенія «уродовъ» и «одержимыхъ бѣсомъ» (какъ напримѣръ, бѣсноватая на картинѣ Рафаэля *Преображеніе*) воспроизводятъ тѣ позы и очертанія какія новѣйшіе ученые открываютъ и изслѣдуютъ въ больныхъ большой истеріей и истероэпилепсіей [3]).

Искусство—мгновенный проблескъ личнаго генія и пословица—вѣковое положеніе коллективной мысли, почти всегда въ наблюденіяхъ преступниковъ оставались вѣрны дѣйствительности, изображая людей и съ физической и съ психической стороны такими, какими они были въ дѣйствительности; противоположностью этимъ правдивымъ изображеніямъ являются заблужденія туманной метафизики, которая долгое время какъ въ философіи такъ и въ педагогіи, какъ въ теоріи такъ и на практикѣ не обращала никакого вниманія на матерію и на тѣло, которыя однако же являются неотъемлемымъ физическимъ основаніемъ силы и идеи [4]).

Затѣмъ поражаетъ также громадная разница въ количествѣ преступныхъ типовъ изображаемыхъ въ живописи и скульптурѣ съ одной стороны, и въ романахъ и драмахъ съ другой.

Дѣйствительно можно сказать, что на сто картинъ (а для статуй отношеніе еще меньше) самое большее одна - двѣ имѣютъ главнымъ сюжетомъ, или же второстепеннымъ, изображеніе преступнаго человѣка, тогда какъ

---

[3]) Charcot—*Les démoniaqnes dans l'art*, Paris 1887. См. также Tebaldi *Fisionomia ed espressione studiate nelle loro deviazioni*, и прибавленіе къ этому труду: *Sulla espressione del delirio nel arte*. Padova 1884.—а также другія соч. цитированныя мною въ иллюстрированномъ очеркѣ «о физіономіи убійцы» (*Lomicidio nell'antropologia criminale*. Torino 1895. гл. III).

[4]) Ломброзо въ *Il delitto nella coscienza popolare* (*Archivio di psichiatria*, III, 4) приводитъ много пословицъ, которыя заключаютъ въ себѣ вѣковой опытъ относительно внѣшности людей и вполнѣ согласуются съ выводами криминальной антропологіи.

на сто драмъ, (а въ романахъ эта пропорція еще выше) по крайней мѣрѣ 90 разыгрываются на почвѣ одного или нѣсколькихъ преступленій.

Мнѣ кажется, что причины этого слѣдующія: во-первыхъ, такое отталкивающее дѣйствіе какъ преступленіе, такую отталкивающую фигуру какъ преступникъ, художнику изображать противно; затѣмъ, въ особенности теперь, художники должны изъ соображеній экономическихъ слѣдить за вкусомъ если не публики, то вѣроятныхъ покупателей; понятно, что въ салонѣ элегантной и свѣтской дамы или въ столовой разбогатѣвшаго промышленника или кровнаго аристократа не легко найдутъ пріютъ статуя или картина напоминающія какое нибудь ужасное преступленіе: они бы только нарушали веселый флиртъ, или портили бы пищевареніе.

Этотъ родъ искусства можетъ найти прибѣжище только въ какой нибудь картинной галлереѣ, какъ напримѣръ въ Луврѣ картина Прудона *Убійца преслѣдуемый Мщеніемъ и Правосудіемъ*, или же въ Брюсселѣ въ музеѣ Вирца, гдѣ выставлены произведенія геніальнаго, но не вполнѣ нормальнаго художника изображающія самоубійства и гильотинированіе.

Но главное дѣло заключается въ томъ, что и живопись и скульптура улавливаютъ и увѣковѣчиваютъ только одинъ моментъ въ жизни одного или нѣсколькихъ людей, а поэтому изображеніе преступленія такимъ путемъ много теряетъ въ смыслѣ интереса. Дѣйствительно интересъ и волненіе рождаются при послѣдовательномъ увлекательномъ описаніи различныхъ психологическихъ моментовъ переживаемыхъ преступникомъ болѣе или менѣе быстро, съ большей или меньшей внутренней борьбой; вѣдь иногда предумышленность не только не является признакомъ большей испорченности а напротивъ представляетъ борьбу нравственнаго чувства съ соблазномъ преступленія, прежде чѣмъ человѣкъ рѣшится на преступленіе; преступленіе зарождается иногда отъ проблеска преступной идеи, которая все болѣе и болѣе развивается въ умѣ, иногда является изъ неяснаго про-

блеска атавическаго инстикта кажущагося новымъ желаніемъ, инстинктомъ, который постепенно развивается въ благопріятной средѣ.

Подобнаго рода психологическій анализъ возможенъ только въ романѣ или драмѣ; этимъ объясняется почему преступные типы рѣже изображаются въ живописи и скульптурѣ. Это не помѣшало однако живописи и скульптурѣ уловить нѣкоторыя характерныя черты преступнаго типа именно черты внѣшнія, которыя легче ускользаютъ отъ глаза поверхностнаго, неглубокаго наблюдателя, почему существованіе ихъ и отрицается до сихъ поръ по привычкѣ, несмотря на точныя указанія криминальной антропологіи; эти черты однако, говорю я, не ускользнули отъ проницательности многихъ живописцевъ также какъ и отъ народной мудрости, являясь почти безсознательнымъ открытіемъ научной истины сдѣлавшейся только въ наши дни общимъ достояніемъ, благодаря трудамъ Чезаре Ломброзо.

Докторъ Эдуардъ Лефоръ издалъ по этому поводу иллюстрированную монографію подъ заглавіемъ: «Le type criminel d'après les savants et les artistes» (Lyon 1892), раньше еще былъ изданъ трудъ Эдмонда Майора: Iconografia dei Cesari (Roma 1885).

Этотъ послѣдній авторъ въ лицахъ римскихъ императоровъ находитъ какъ-бы общую семейную черту: ненормальное удаленіе глазъ отъ основанія носа, а въ императорахъ преступныхъ, въ особенности въ Калигулѣ и Неронѣ видитъ наиболѣе обычныя черты преступнаго типа.

Майоръ такъ описываетъ бюстъ Калигулы: «Въ этомъ бюстѣ отражаются всѣ дурные инстинкты. Громадныя несимметричныя челюсти. Уши оттопыренныя выраженіе лица сардоническое и жесткое. Верхняя губа слегка приподнята съ одной стороны, какъ у животнаго собирающагося укусить». Дарвинъ дѣйствительно указалъ на эту характерную черту атавизма, когда видны клыки; я встрѣчалъ эту особенность у многихъ убійцъ.

Въ галлереѣ Уффици есть статуя Нерона. «Во

взглядѣ выражается ужасъ. Углы рта очень глубоки и опущены внизъ. Никакой несимметричности не наблюдается. Уши немного оттопырены. Общій видъ жестокій. Челюсти ужасныя, огромныя».

Скульптура однако же не представляетъ много такихъ типовъ за исключеніемъ нѣсколькихъ греческихъ головъ Медузы и Фурій, а изъ новѣйшихъ, *Каина-Дюпре*; изображенія знаменитыхъ преступниковъ въ музеѣ Гревинъ въ Парижѣ и въ одномъ изъ большихъ музеевъ Лондона не имѣютъ большаго художественнаго значенія. Не то въ живописи: здѣсь мы встрѣчаемся съ множествомъ изображеній преступнаго человѣка.

Лефоръ, разсматривая самыя замѣчательныя картины итальянской, фламандской, испанской и французской школъ, находитъ что въ художественномъ изображеніи начиная съ легенды о Каинѣ и Авелѣ, Юдифи и Олофернѣ, избіеніи младенцевъ, до Распятія Христа, мученій первыхъ христіанъ и картины Страшнаго Суда (въ изображеніи Органьи на пизанскомъ кладбищѣ и Микель Анжело въ Сикстинской Капеллѣ)—насильники, убійцы, палачи, грѣшники имѣютъ грубыя или отталкивающія лица воспроизводящія характерныя черты преступнаго типа: голова тупая, топорнаго очертанія, несиметричное лицо, маленькіе хищные глаза, огромныя квадратныя челюсти, низкій, откинутый назадъ лобъ, выступающія впередъ бровныя дуги и скулы, уши оттопыренныя, или заостренныя, съ такъ называемой *мочкой* (lobula) *Дарвина*, густые жесткіе волосы, рѣдкая борода, или полное ея отсутствіе.

Эти типы встрѣчаются у художниковъ писавшихъ картины на религіозныя темы; есть также художники спеціалисты по изображенію преступнаго міра и преступныхъ типовъ.

Такъ въ Испаніи, Гойа почти исключительно изображаетъ разбойниковъ и воровъ; чаще всего онъ изображаетъ ихъ во время казни garotte (желѣзное кольцо надѣваемое на шею преступника и сжимаемое особымъ винтомъ душитъ преступника). Этотъ родъ казни

до сихъ поръ еще существуетъ въ Испаніи, какъ гильотина во Франціи, висѣлица, въ Англіи и электрическое кресло въ Сѣверной Америкѣ.

«Разбойникъ подвергаемый смертной казни черезъ удушеніе имѣетъ откинутый назадъ лобъ, рѣзко очерченныя бровныя дуги; носъ прямой, сплюснутый; подбородокъ не отдѣляется отъ очень развитой нижней челюсти» (Lefort. стр. 64). Это именно и есть по большей части тѣ характерныя черты физіономіи убійцы, которые я отмѣтилъ въ книгѣ Omicidio (Torino 1895, часть I, глава III), приложивъ къ ней атласъ съ 36 фотографіями убійцъ.

Во Франціи Прудонъ (XVIII вѣкъ) кромѣ картины *Аллегорія Правосудія*, гдѣ изображенъ преступникъ приведенный предъ лицо правосудія (правда нижняя часть лица преступника закрыта плащемъ), написалъ еще картину: *Убійца преслѣдуемый мщеніемъ и Правосудіемъ* (Лувръ); эта картина внушена распространнымъ заблужденіемъ, что всякій преступникъ испытываетъ угрызенія совѣсти, тогда какъ онѣ совершенно неизвѣстны прирожденнымъ преступникамъ и преступникамъ по привычкѣ; угрызенія совѣсти слабо чувствуются въ нѣкоторыхъ случаяхъ сознательнаго, но импульсивнаго помѣшательства и при преступленіяхъ случайныхъ; сильны эти угрызенія только у преступниковъ по страсти, очень часто поэтому кончающихъ самоубійствомъ послѣ преступнаго припадка.

Однако же художникъ близокъ къ истинѣ, когда изображаетъ убійцу «съ головой въ тѣни, освѣщенной только отблескомъ факела, который онъ держитъ въ рукѣ, съ всклокоченными волосами, короткимъ и широкимъ лицомъ, низкимъ лбомъ, слегка косыми глазами, съ толстымъ приплюснутымъ носомъ искривленнымъ влѣво, съ толстыми губами, съ сильными челюстями, особенно нижняя и съ рѣдкой растительностью на подбородкѣ» (Lefort. стр. 73).

Изъ другихъ французскихъ живописцевъ изображающихъ преступный міръ укажу на Буальи, рисующаго

сцены изъ разбойничьей жизни, Верне изображающаго схватку между папскими жандармами и разбойниками, а въ особенности на Жерико (Géricault) съ его знаменитой *головой казненнаго*, гдѣ воспроизведены тѣ анормальныя черты, о которыхъ говорилось выше, что онѣ принадлежатъ кровожаднымъ типамъ.

Въ знаменитомъ *Поцѣлуѣ Іуды*, Анри Шеффера мы видимъ не только краснорѣчивый контрастъ между слегка мечтательнымъ благороднымъ и яснымъ лицомъ Іисуса Христа и лицомъ предателя, но тонкія очертанія лица, мрачный взглядъ и волчье выраженіе рѣзко отличаютъ лицо предателя отъ лица насильника или убійцы придавая ему именно черты мошенника и обманщика.

Гамлетъ—художника Делякруа представляетъ уже не черты обыкновеннаго преступника, а безпокойное лицо сумасшедшаго.

Въ Бельгіи въ половинѣ XIX вѣка одинъ высокоталантливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ помѣшанный художникъ, Вирцъ, воспроизводилъ съ поразительной вѣрностью дѣйствительности головы гильотинированныхъ и лица разбойниковъ; онъ изобразилъ также и самоубійство; эти то знаменитыя картины Ломброзо воспроизводитъ какъ «человѣческіе документы» въ своей книгѣ. *«Недавнія открытія и приложенія криминальной антропологіи»* (Torino 1893, стр. 337 и 388), а также въ шестомъ изданіи своего Uomo di genio (Torino 1894, табл. III и XXV).

Въ послѣдніе годы подъ косвеннымъ вліяніемъ криминальной антропологіи появились и въ Италіи прекрасныя картины воспроизводящія жизнь преступниковъ, какъ напримѣръ картины Ротта изъ Венеціи изображающія *каторжниковъ* направляющихся скованными на работу въ своихъ тюремныхъ одеждахъ, которыя еще больше оттѣняютъ различныя лица, которыя всѣ имѣютъ преступный типъ, переданный художникомъ съ удивительной правдивостью; въ другой картинѣ этого-же художника: *Домъ Сумасшедшихъ*, мы видимъ живое изображеніе въ общемъ и въ частностяхъ несчастныхъ сумасшедшихъ во дворѣ сума-

сшедшаго дома, причемъ вѣрно изображены различные роды помѣшательства.

По поводу изображенія преступниковъ въ живописи и скульптурѣ Лефоръ говоритъ слѣдующее:

«Художники всѣхъ временъ были проникнуты одною мыслію, что безобразію душевному должно было соотвѣтствовать и безобразіе тѣлесное и что преступный человѣкъ долженъ имѣть физіономію странную, отталкивающую, возбуждающую недовѣріе.

«Живописцы школъ итальянской, фламандской, испанской и французской опытнымъ путемъ пришли къ созданію типа, главными чертами котораго являются: очень широкое лицо при небольшомъ черепѣ иногда имѣющемъ видъ сахарной головы, или же очень развитомъ въ задней части. Лобъ откинутый назадъ, плоскій, внизу ограниченъ бровями въ видѣ буквы S. Глаза разные (эксиметричные), круглые, выпуклые, взглядъ тяжелый, пристальный и стеклянный. Толстыя щеки съ громадными скулами совершенно закрываютъ носъ сплющенный и толстый, горбатый по рединѣ, (какъ клювъ хищныхъ птицъ) и согнутый на сторону. Челюсти выдавшіяся впередъ съ толстыми, разорванными губами, крѣпкій квадратный подбородокъ. Уши оттопыренныя, некрасивой формы, заостренныя къ верху, съ нижней мочкой мало отдѣленной, или квадратной. Волосы густые, бороды нѣтъ [5]).

«Головы преступниковъ изображенныя художниками имѣютъ всѣ перечисленные признаки, или многіе изъ нихъ. Такимъ образомъ преступный типъ открытый Чезаре Ломброзо и научно описанный итальянской антропологической школой встрѣчается въ художественныхъ произведеніяхъ многихъ вѣковъ.

IV.

При разборѣ психологіи нѣкоторыхъ знаменитыхъ преступниковъ увѣковѣченныхъ въ драмѣ или романѣ,

[5]) Всѣ эти признаки подтверждаются криминальной антропологіей, за исключеніемъ толстыхъ и разорванныхъ губъ, которыя у людей кровожадныхъ почти всегда тонкія, блѣдныя и строгихъ очертаній.

мы оставимъ въ сторонѣ двѣ категоріи преступниковъ, менѣе отклоняющіяся отъ психики нормальнаго человѣка къ нимъ труднѣе приложимы характерныя черты преступниковъ раскрытыя криминальной антропологіей.

Я имѣю въ виду во-первыхъ мелкихъ и обычныхъ преступниковъ какъ-то: прелюбодѣевъ, обольстителей, фальшивыхъ монетчиковъ, мошенниковъ, взяточниковъ и тому подобную мразь, которая ужъ черезчуръ часто выводилась и выводится въ разныхъ посредственныхъ романахъ и комедіяхъ, а иногда бываютъ предметомъ геніальнаго творчества, какъ напримѣръ *Донъ-Жуанъ*—Байрона, *Вотрэнь*—Бальзака и *Донъ-Марціо*—Гольдони.

Я не буду говорить о политическихъ преступникахъ, которые могутъ принадлежать къ одному изъ пяти преступныхъ типовъ извѣстныхъ наукѣ; въ литературѣ преобладаетъ типъ политическаго преступника по страсти. Въ *Бѣсахъ* Достоевскаго мы видимъ правдивое изображеніе различныхъ категорій политическихъ преступниковъ, среди которыхъ великій художникъ-психопатологъ видѣлъ уже черезчуръ большое число помѣшанныхъ.

Политическій преступникъ можетъ быть также прирожденнымъ преступникомъ, который прикрываетъ флагомъ политическаго идеала, болѣе или менѣе спорнаго, удовлетвореніе своихъ преступныхъ инстинктовъ насилія и обмана.

Чаще всего политическіе преступники бываютъ преступниками сумасшедшими (въ ясной или разсуждающей формѣ); они появляются въ тѣ моменты общественныхъ волненій, когда свѣтлые идеалы проникаютъ въ общественное сознаніе и нарушаютъ умственное и нравственное равновѣсіе лицъ уже расположенныхъ къ подобнаго рода аномаліямъ.

Въ общемъ исторія человѣческаго прогресса во многомъ обязана геніальнымъ помѣшаннымъ, или даже преступникамъ; эти люди гораздо менѣе другихъ подвержены вліянію условностей, умственныхъ и общественныхъ при-

вычекъ, меньше заботятся о собственной выгодѣ, а потому даютъ рѣшающій толчокъ осуществленію реформъ, которыя уже созрѣли въ общественномъ сознаніи и ждутъ только послѣдняго толчка, который пробилъ-бы кору старыхъ учрежденій и нормъ мумифицированной общественной жизни.

Случайные политическіе преступники образуютъ какъ бы отрядъ добровольцевъ идеала; безъ патріотической или гуманной идеи они никогда-бы не поднялись изъ безымянной массы рожденной работать и страдать; настоящій-же типъ политическаго преступника, къ которому всегда обращается мысль всѣхъ, когда говорятъ о политическихъ преступленіяхъ — это есть преступникъ по страсти могущей дойти до изступленнаго фанатизма, Люди нормальные, но только черезчуръ впечатлительные, которые обыкновенно безупречны въ своихъ поступкахъ. часто способны на невѣдомыя никому жертвы и самоотреченіе... вдругъ увлекаются навязчивой идеей, доходя почти до сомнамбулизма, забываютъ себя, семью, весь міръ, совершаютъ какой либо насильственной актъ, который конечно имѣетъ послѣдствія вовсе не такія значительныя, какія грезятся имъ въ ихъ великодушномъ заблужденіи; какъ ни прискорбны, какъ ни кровавы эти дѣйствія, однако, это не даетъ права смѣшивать этихъ людей съ другими типами политическихъ преступниковъ а еще меньше съ преступниками обыкновенными, хотя съ внѣшней стороны ихъ поступки совершенно одинаковы [6]).

По этой то причинѣ въ неподражаемомъ произведеніи искусства, *Божественной Комедіи*, имѣющей главнымъ предметомъ вины и наказанія, нѣтъ фигуръ настоящихъ преступниковъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ вто-

---

[6]) См. біологическія и соціологическія изслѣдованія о политическихъ преступленіяхъ: Lombroso e Laschi—*Il delilto politico e le rivoluzioni*—Torino 1890.—Lombroso—*Gli anarchici*, II изд. Torino 1894.—Ferri—*Socialismo e la criminalita*. II изд. Torino 1896 и *Socialismo e scienza positiva*. II изд. Genova 1896—Sighele—*Delinquenza settaria* въ *Archivio di psichiatria* 1895, XVI, стр. 385.—Régis—*Les régicides*. Lyon 1889 См. также Hamon—*Psychologie de l'anarchiste-socialiste*. Paris 1895.

ростепенныхъ типовъ какъ Ванни Фуччи или Франческа да-Римини среди прелюбодѣевъ, осужденная на такое странное и сладкое мученіе вѣчно оставаться среди «bufera infernal che mai non resta» (адскаго вихря, который никогда не затихаетъ) но вмѣстѣ съ любовникомъ, о которомъ она сама говоритъ Данте «questi, che mai da me non fia diviso» (тотъ, который никогда не былъ разлученъ со мной)... тогда какъ мужъ, Ланчіотто, убійца изъ ревности находится одинъ въ другой части Ада.

Поэма Данте за этими рѣдкими исключеніями и нѣкоторыми упоминаніями объ обыкновенныхъ преступникахъ, изображаетъ главнымъ образомъ поэтическихъ преступниковъ, которые могутъ быть восхваляемы или порицаемы, смотря по вкусамъ, но однако никогда не уклоняются отъ типа нормальнаго человѣка.

Для криминалиста *Божественная Комедія* представляетъ широкое поле для изслѣдованій и соображеній относительно карательной системы и классификаціи преступленій и грѣховъ, которые изображены Данте въ *Аду* и перечислены подробно въ XI пѣснѣ съ 32-го по 66-й стихъ, гдѣ поэтъ справедливо замѣчаетъ что преступленія имѣютъ основою или насиліе или обманъ; эволюція преступности отъ среднихъ вѣковъ до нашего времени именно и заключается въ томъ, что преступленія основанныя на обманѣ все болѣе и болѣе преобладаютъ надъ преступленіями основанными на насиліи; умъ все болѣе и болѣе преобладаетъ надъ мускульной силой, какъ въ экономической борьбѣ за существованіе, такъ и борьбѣ преступной.

Въ этомъ отношеніи однако, *Божественная Комедія*, можетъ интересовать криминалистовъ классической школы, которые занимаются преступленіями больше нежели преступниками и очень заботятся объ установленіи систематической скалы наказаній соотвѣтственно скалѣ преступленій, подобно кругамъ Дантовскаго *Ада*. Дѣйствительно многіе изъ криминалистовъ этой школы, какъ нар. Ортоланъ, Каррара, Абегъ, Картиньяни, Нико-

лини, писали о поэмѣ Данте съ точки зрѣнія криминалистическихъ теорій. Болѣе подробно, но также часто и болѣе натянуто пишетъ объ этомъ же предметѣ Де-Антонелисъ въ очеркѣ Die principii di diritto penale che si contengono nella Divina Commedia (Napoli 1880 и второе изданіе въ Collezione di opuscoli Danteschi inediti o rari [7]).

Для криминалистовъ позитивной или антропологической школы, которые занимаются больше преступникомъ нежели преступленіемъ, гораздо болѣе богатую пищу для наблюденій даютъ трагедіи и драмы, гдѣ выводятся живые и правдивые типы преступниковъ. Убійства являлись въ прошлые вѣка наиболѣе честными преступленіями въ дѣйствительной жизни и представляли собою излюбленные сюжеты для литературы потому, что въ нихъ выливались самыя ужасныя страсти человѣческаго сердца.

Древняя греческая трагедія почти всецѣло имѣетъ предметомъ убійство и кровосмѣсительство, изображая ихъ часто съ поразительнымъ проникновеніемъ истины и съ пониманіемъ той неизбѣжности, которая виситъ надъ преступной натурой, неизбѣжности, которую подмѣтила положительная наука въ наши дни; разница только въ томъ, что теперь *ананке*, символическій образъ судьбы, замѣняется констатированіемъ послѣдовательной передачи всякой формы вырожденія физическаго и нравственнаго, включая сюда и преступленіе; благодаря этой-то передачѣ предки продолжаютъ жить во врожденныхъ стремленіяхъ являющихся въ ихъ потомкахъ до прекращенія рода, благодаря безплодію или самоубійству; такимъ образомъ библейское проклятіе передается и живетъ въ крови самыхъ отдаленныхъ поколѣній.

Эдипъ является излюбленнымъ героемъ греческой трагедіи. Оракулъ предрекаетъ, что сынъ Лая царя Ѳивъ

---

[7]) См. также *La criminologia dell'Inferno*—Nino Verso Mendola. Catania 1887.

См. также въ *Criminali danteschi*—Alfredo Niceforo психологическій очеркъ согласно критерію позитивной школы.

и Іокасты его жены будетъ убійцей отца и мужемъ матери, поэтому для того чтобы избѣжать этой судьбы, Эдипа—младенца бросаютъ на произволъ судьбы. Спасенный и воспитанный коринѳскими пастухами онъ отправляется въ Ѳивы, убиваетъ отца, не зная кто передъ нимъ, разрѣшаетъ загадки Сфинкса и въ награду получаетъ руку вдовы царицы, которая была его матерью. Отъ этого кровосмѣсительнаго брака родились Этеоклъ Полиникъ, Антигона и Исмена. Когда Эдипъ узнаетъ о своихъ преступленіяхъ, то съ отчаянія ослѣпляетъ себя и послѣ долгихъ скитаній находитъ покой въ лѣсу Эвменидъ.

Кровосмѣшеніе является преступленіемъ почти что вышедшимъ изъ моды и существуетъ еще развѣ въ трущобахъ большихъ городовъ, или въ рабочихъ казармахъ латифундій, гдѣ нищета вынуждаетъ родителей и дѣтей, братьевъ, и сестеръ спать вмѣстѣ въ повалку; кровосмѣшеніе, (которое по библейской легендѣ является однако нечистымъ источникомъ человѣческаго рода потому что первые браки заключались между братьями и сестрами первыми потомками Адама и Евы), постоянно изображается въ греческой трагедіи, неизбѣжно сочетаясь съ самыми жестокими формами убійства, почти по психологическому закону, недавно подтвержденному Маньяномъ о соединеніи нѣсколькихъ формъ вырожденія въ одномъ лицѣ.

Эврипидъ, Эсхилъ, Сенека, Энній, Корнель, Грилльпарцеръ даже Керубини (въ музыкѣ) изображали жизнь Медеи наполненную кровосмѣшеніемъ, дѣтоубійствомъ и братоубійствомъ.

Медея, дочь царя Колхиды Эта, возлюбленная аргонавта Язона помогшая ему своими чарами захватить Золотое Руно, бѣжала изъ родительскаго дома и, для того чтобы избѣжать преслѣдованія, задержавъ преслѣдовавшаго ея отца, она разрѣзала на куски маленькаго брата Абсиста и бросила ихъ въ воду; отецъ остановился чтобы подобрать тѣло несчастнаго сына и Медея ускользнула. Медея имѣетъ характеръ ближе всего под-

ходящій къ преступницѣ-сумасшедшей; въ Коринѳѣ она изъ ревности отравляетъ Креузу, убиваетъ своихъ дѣтей и бѣжитъ въ Аѳины.

Кровосмѣшеніе изображается еще въ трагедіяхъ Эврипида и Расина въ Федрѣ дочерѣ Миноса, женѣ Тезея, которая питая нераздѣленную любовь къ пасынку своему Ипполиту, клевещетъ на него мужу и губитъ его, но потомъ сама кончаетъ самоубійствомъ; этотъ конецъ показываетъ скорѣе преступницу по страсти, нежели по врожденному стремленію.

Такимъ же отцеубійцей по страсти является Орестъ въ трагедіяхъ Эсхила, Софокла и Эврипида, послѣ убійства своей матери Клитемнестры и ея любовника Эгиста. Именно потому, что онъ преступникъ по страсти, онъ чувствуетъ угрызенія совѣсти олицетворенныя въ видѣ преслѣдующихъ его Эринній; онъ по совѣту Аполлона отправляется въ Тавриду, чтобы похитить покрывало Артемиды, причемъ избѣгаетъ кары при помощи своей сестры Ифигеніи, а затѣмъ становится королемъ Микенъ.

Такимъ образомъ уже съ первыхъ шаговъ западной литературы мы видимъ, какъ обрисовываются три наиболѣе характерныя фигуры: преступника прирожденнаго или совершающаго преступленіе по врожденной склонности,— преступника-сумасшедшаго и убійцы подъ вліяніемъ страсти, причемъ этотъ послѣдній чувствуетъ угрызенія совѣсти и кончаетъ иногда самоубійствомъ, что встрѣчается гораздо рѣже у другихъ типовъ преступниковъ.

Геніальное описаніе, этихъ трехъ типовъ преступнаго человѣка, описаніе которому пока еще нѣтъ равнаго, дается Шекспиромъ. Макбетъ— прирожденный преступникъ. Гамлетъ, преступникъ сумасшедшій; Отелло— преступникъ по страсти.

Художественное творчество Шекспира представляетъ собою такую неисчерпаемую сокровищницу, что не только литературные критики, но и юристы и экономисты на-

ходятъ въ немъ много данныхъ представляющихъ серьезный историческій интересъ [8]).

Творенія Шекспира наиболѣе богаты наблюденіями психологическими; Георгъ Брандесъ находитъ, что комическій типъ подобный Фальстафу еще никѣмъ не превзойденъ, точно также какъ въ *Венеціанскомъ Купцѣ* мы имѣемъ великолѣпный примѣръ ростовщической жадности, съ которой Шекспиръ, по словамъ того же критика былъ хорошо знакомъ по собственному опыту. Геніальный писатель далъ также три замѣчательныхъ типа убійцъ, которые изображены съ поразительнымъ искусствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такой вѣрностью дѣйствительности, что самый строгій ученый не можетъ найти въ нихъ ошибокъ.

Макбетъ, который былъ дѣйствительно лицомъ историческимъ, шотландскимъ кондотьеромъ и въ 1040 году убилъ короля Дункана и завладѣлъ трономъ, будучи самъ убитъ сыномъ своей жертвы въ 1057 году— является совершеннымъ типомъ прирожденнаго преступника, этого продукта эпилептическаго и криминальнаго невроза.

Макбетъ въ трагедіи Шекспира является дѣйствительно эпилептикомъ отъ рожденія, но въ менѣе замѣченной формѣ, которая называется психической, или скрытой эпилепсія; при этой формѣ нѣтъ ужасныхъ сокращеній мускуловъ, которые бываютъ при обыкновенной эпилепсіи, а все ограничивается временнымъ безпамятствомъ, иногда незамѣтнымъ, что соотвѣтствуетъ сокращенію мускуловъ.

«Сидите добрые друзья. Съ нимъ это часто,
«И съ дѣтскихъ лѣтъ. Прошу васъ не вставайте.
«Припадокъ мимолетенъ; двѣ минуты —
«И онъ прошелъ. Оставьте не смотрите!
«Онъ только пуще раздраженъ отъ взглядовъ.
«Не обращайте на него вниманья и кушайте.»

(Перев. Кронеберга).

---

[8]) Kohler—*Shakespeare von den Forum des Jurisprudenz.* Stuttgart 1882. См. также критическіе этюды Георга Брандеса въ *„Zukunft“* (Іюнь и Августъ 1895 г.) и въ *„Revue des Revues“* 15 Іюня и 15 Августа 1895 г.

Такъ говоритъ леди Макбетъ гостямъ удивленнымъ страннымъ поведенiемъ хозяина.

Греки символизировали врожденныя наклонности героя, какъ исполнителя воли боговъ или предсказанiя оракула; Шекспиръ въ сценѣ явленiя вѣдьмъ Макбету тоже воспроизвелъ обычай при помощи символовъ выражать врожденныя стремленiя преступника, полная приключенiй жизнь котораго является осуществленiемъ этихъ стремленiй и притомъ гораздо болѣе инстинктивнымъ нежели сознательнымъ.

Въ этой трагедiи имѣются психологическiя наблюденiя, которыя не сходятся съ данными обыкновенной психологiи и не замѣтны для поверхностныхъ наблюдателей, которые переносятъ въ душу преступника свои собственныя ощущенiя, какiя они предполагаютъ были бы у нихъ, находись они въ такихъ же обстоятельствахъ.

Художникъ своимъ генiемъ или же ученый путемъ долгаго терпѣливаго и многократнаго наблюденiя приходятъ въ выводу, что душа прирожденнаго преступника (который по внѣшности походитъ на нормальнаго человѣка, такъ какъ не одержимъ явной и буйной формой помѣшательства) совершенно непохожа по своимъ проявленiямъ на душу нормальнаго человѣка.

Послѣ убiйства короля Дункана Макбетъ врывается съ окровавленнымъ мечомъ на сцену и открываетъ своей женѣ все свое душевное состоянiе до и послѣ злодѣянiя.

Томазо Сальвини, незабвенный истолкователь творенiй Шекспира, въ своей статьѣ Interpretazioni e ragionamenti su talune opere e personaggi di Shakespeare (Fanfulla della Domenica, 1883) находитъ эту сильную сцену *неестественной* «потому что она противорѣчитъ желанiю, которое первымъ является у человѣка — это скрыть свое преступленiе».

Конечно если мы перенесемъ въ психику убiйцы нашу предусмотрительность и наше умственное равновѣсiе, то будемъ думать, что первою мыслiю преступника является желанiе скрыть свое дѣянiе; однако же наблюдая преступниковъ въ дѣйствительности надо признать,

что они очень отличаются отъ насъ какъ въ этомъ отношеніи, такъ и во многихъ другихъ сторонахъ ихъ нравственнаго и физическаго строенія.

Неосторожныя оказательства своего преступленія, въ особенности въ убійствахъ, являются одной изъ наиболѣе достовѣрныхъ данныхъ криминальной психологіи, хотя и мало вѣроятными по психологіи нормальнаго человѣка. Они являются настолько общераспространенными, что именно благодаря имъ, обнаруживается гораздо больше убійствъ, нежели благодаря искусству полиціи столь ярко описываемому въ уголовныхъ романахъ.

Такъ очень часто случается, что еще до совершенія убійства преступники говорятъ о своихъ предположеніяхъ, угрожаютъ; это происходитъ или потому, что у прирожденныхъ преступниковъ мысль о преступленіи не вызываетъ никакого внутренняго отвращенія и напротивъ отвѣчаетъ стремленіямъ и склонностямъ подобныхъ людей, которые поэтому говорятъ о преступленіи, какъ честный рабочій говоритъ о своей работѣ; или же потому, что преступники по страсти мало умѣютъ сдерживать выраженія своихъ чувствъ, которыя и вызываются наружу насильно, какъ излишній паръ вырывается изъ клапана, или какъ сказалъ-бы Манцони, какъ молодое игристое вино изъ плохо закрытаго отверстія въ бочкѣ.

Тѣмъ не менѣе, именно благодаря примѣненію нормальной психологіи къ психологіи преступниковъ, эти неосторожныя проявленія до преступленія разсматривались даже такими людьми, какъ мой профессоръ Пьетро Эллеро,— какъ не соотвѣтствующія дѣйствительности.

Однако эти неосторожности послѣ совершенія преступленія понималъ уже великій художникъ Аріосто, когда говорилъ:

«Il peccator . . . . . .
«Che se medesimo, senz'altrui richiesta,
«Inavvedutamente manifesta.

(Преступникъ. . . . . Который выдаетъ себя неосторожно, безъ всякаго повода).

а судебная хроника богата примѣрами подтверждающими правдоподобность описываемой Шекспиромъ сцены.

Понсе, убѣжавшій изъ Кайенны узнанъ слугой Лавернья, намѣченной имъ жертвы: «онъ это замѣчаетъ и тѣмъ не менѣе идетъ съ ними въ гостинницу ужинаетъ и разговариваетъ со всѣми, чтобы показаться всѣмъ. Въ самый день убійства онъ приходитъ къ Лавернья, и вмѣстѣ съ тѣмъ отправляется въ экипажѣ, говоритъ съ кучеромъ, дорогой останавливается два раза, такъ что многіе любопытные могутъ ихъ видѣть и узнать его; наконецъ онъ отсылаетъ экипажъ, расплачивается съ извозчикомъ около того лѣса, гдѣ намѣревается совершить преступленіе. Вечеромъ того же дня онъ отправляется на балъ и показываетъ всѣмъ часы снятые съ своей жертвы; мало того, говоритъ многимъ, что это часы англійскіе, съ англійскимъ гербомъ съ репетиціей и показываетъ, какъ они бьютъ. Почти то же повторяетъ капралъ Жеомей гильотинированный въ Парижѣ въ 1889 году, который убивъ нѣкую Ру, отправился *въ ресторанъ* и сталъ тамъ показывать сосѣду, *который былъ ему незнакомъ*, часы снятые имъ съ убитой, спрашивая при этомъ какая можетъ быть ихъ цѣна [9]). Знаменитый Пранцини также гильотинированный въ Парижѣ совершившій преступленіе съ большой хитростью попался, благодаря тому, что сталъ раздаривать драгоцѣнности своей жертвы проституткамъ въ одномъ публичномъ домѣ Марселя [10]).

Асселина убиваетъ своего пріятеля Броне и сейчасъ же идетъ играть на награбленныя деньги *надѣвъ пальто своей жертвы* и конечно очень скоро попадается, причемъ на немъ находятъ и другія вещи убитаго.

Во время одного грабежа совершенною шайкой *поджаривателей*, прозванныхъ такъ потому, что для того чтобы узнать, гдѣ ихъ жертвы прятали деньги они обыкновенно жгли имъ подошвы, Ложевенъ старается отво-

---

[9]) Bataille—*Causes criminelles et mondaines dee 1889*. Paris 1890. стр. 180.

[10]) Laurent—*Les habitués des prisons de Paris*. Lion 1890. стр. 376.

рить замокъ на глазахъ хозяина дома. «Оставь эту квашню, говоритъ ему другой товарищъ ты тамъ кромѣ муки ничего не найдешь». «Да развѣ это квашня».— отвѣчаетъ Ложевенъ, это хорошій сундукъ, я его дѣлалъ когда былъ плотникомъ въ Орлеанѣ». Такимъ образомъ онъ выдалъ себя; въ другомъ случаѣ Лепелетье изъ той же шайкѣ на замѣчаніе одной сосѣдки, что убійцамъ легко было справиться съ двумя бѣдными стариками, воскликнулъ. «Ахъ, вы такъ думаете; ну такъ вы ошибаетесь, старуха была полна силъ и энергію» [11]).

Беззабытность относительно сокрытія преступленія, которыя кажется столь неестественной тѣмъ, кто судитъ преступниковъ, руководствуясь собственными чувствами честнаго и осторожнаго человѣка,—бываетъ еще большей.

Четыре преступника совершившіе убійство въ Отейлѣ, (въ Парижѣ, 1889 годъ) казнь двухъ изъ коихъ, Аллорто и Селье я видѣлъ въ Парижѣ (о нихъ я буду еще говорить, сравнивая душевное состояніе осужденнаго на смерть, какимъ мнѣ пришлось наблюдать его въ дѣйствительности, съ манернымъ описаніемъ Виктора Гюго) войдя ночью въ домъ съ цѣлью грабежа, вышли оттуда на зарѣ съ мѣшками полными серебра и бѣлья и такимъ образомъ глупо попались навстрѣчу первому же полицейскому дозору и были тутъ-же арестованы.

Маркиза Бринвилье, знаменитая отравительница, часто показывала шкатулку, говоря что въ ней достаточно матеріялу для мщенія врагамъ и для того, чтобы доставить себѣ хорошее наслѣдство. Удалившись въ монастырь *до судебною процесса*, она пишетъ тамъ свои записки: «причемъ подробно разсказывая о всѣхъ своихъ мерзостныхъ дѣлахъ пишетъ, что разъ подожгла домъ и что будучи всего семи лѣтъ сама отдалась мущинѣ» [12]).

Менелу растлившій и убившій одну дѣвочку на другой день по совершеніи преступленія пишетъ стихи:

---

11) Despine *Psychologie naturelle*. 1878. II. 273, 453, 615.

12) *Repertorio di cause celebri*, I, 906.

«Je l'ai vue, je l'ai prise; le bonheur, n'a qu'un instant, mais la fureur vous grise», со странной непредусмотрительностью, оставляя такимъ образомъ доказательства своего преступленія, не смотря даже на нѣкоторую степень умственнаго развитія.

Наконецъ изъ тѣхъ фактовъ, которыя собраны были мною во время работы надъ книгой L'omicidio nell'antropologia criminale, могу привести слѣдующій: въ Ноябрѣ 1882 года, нѣкій Шомберъ въ Парижѣ убилъ свою жену нѣсколькими ударами молотка по головѣ, затѣмъ перерѣзалъ ей горло и, вытеревъ окровавленныя руки о собственную одежду, спокойно вышелъ въ такомъ видѣ на улицу [13]).

Если эту сцену представить въ шекспировской формѣ, то мы получимъ сцену изъ *Макбета* являющуюся вѣрнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности хотя и кажущуюся неправдоподобной. Скажу къ слову, я не знаю критерія болѣе ложнаго и неправильнаго нежели правдоподобность, которая почти всегда далека отъ истины, въ залахъ суда, гдѣ благодаря этому критерію происходитъ много ошибокъ, такъ и въ сужденіяхъ повседневной жизни. Художникъ при вѣрномъ изображеніи какого либо туманнаго заката рискуетъ, что его картина будетъ казаться неправдоподобной, также точно и сцену изъ Макбета, вполнѣ вѣрную дѣйствительности, многіе находятъ неправдоподобной; между тѣмъ геніальная наблюдательность художника даетъ ему возможность видѣть то, что обыкновенные люди не видятъ, а потому и находятъ это неправдопобнымъ; справедливо замѣчаетъ Руссо: «нужно имѣть большую проницательность для наблюденія того, что окружаетъ насъ въ повседневной жизни».

Примѣромъ ошибочнаго приложенія критерія правдоподобія и перенесенія въ криминальную психологію данныхъ психологіи общей я нахожу въ расиновской *Федрѣ*, когда авторъ, повторяя аргументацію криминалиста Прос-

---

[13]) *Rivista carceraria*, Roma, Bolletino XII, 92.

перо Фариначчіо, положенную этимъ послѣднимъ въ основу защиты Беатриче Ченчи обвиненной въ убійствѣ отца, влагаетъ въ уста Ипполита оправдывающагося передъ Тезеемъ въ обвиненіи въ кровосмѣсительствѣ взведенномъ на него влюбленной мачихой:

«Examinez ma vie et songez qui je suis,
«*Quelques crimes toujours précédent les grands crimes;*
«Quiconque a pu franchir les bornes legitimes
«Peut violer enfin les liens les plus sacrés;
«*Ainsi que la virtu, le crime a ses degrês;*
«Et jamais on n'a vu la timide innocence
«Passer subitiment à l'extrême licence.
«Un jour seul ne fait pas d'un mortel vertueux
«Un perfide assassin, un lâche incestueux».

(Phédre, acte IV, scene II).

Эти доказательства приводимыя Расиномъ не встрѣчаются въ *Федрѣ* Еврипида, но вновь появляются въ Cosmopolis Бурже. Они годятся для преступниковъ по пріобрѣтенной привычкѣ, но совершенно не приложимы къ прирожденнымъ преступникамъ. Одной изъ характерныхъ чертъ этихъ послѣднихъ является именно то, что они начинаютъ съ самаго тяжкаго преступленія — убійства и часто въ дѣтскихъ лѣтахъ, что совершенно лишаетъ всякаго положительнаго основанія это положеніе, кажущееся столь правдоподобнымъ и убѣдительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ несостоятельность мнѣнія тѣхъ, кто вмѣстѣ съ Тардомъ и Топинаромъ утверждаютъ, что преступникъ является *типомъ профессіональнымъ*, а не *біологическимъ*.

Чтобы покончить съ разборомъ *Макбета*, укажу на другое психологическое проникновеніе Шекспира, которое подтверждется теперь изысканіями криминальной антропологіи. Я имѣю въ виду холодную невозмутимость и жестокость леди Макбетъ, значительно превосходящую въ этомъ отношеніи своего мужа.

Криминальная антропологія приходитъ къ тому выводу, что женщины совершаютъ меньше преступленій нежели мущины, но разъ совершаютъ (за исключеніемъ случаевъ всепоглощающей страсти), то являются болѣе жестокими и болѣе упорными рецидивистками и обнару-

живаютъ меньше раскаянія, нежели самые свирѣпые преступники мущины.

Такимъ образомъ большая деликатность чувствъ женщины по сравненію съ мущиной является правдоподобнымъ, но не вѣрнымъ дѣйствительности утвержденіемъ обыденной психологіи.

Ломброзо и Серджи доказали путемъ опытовъ, что чувствительность у женщины ниже нежели у мужчины также точно какъ по изслѣдованіямъ Оттоленги (то же противорѣчащимъ правдоподобности) чувствительность ребенка ниже нежели у взрослаго. Я въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что это происходитъ у женщины благодаря ея материнскимъ функціямъ, которыя съ цѣлью поддержанія жизни рода отнимаютъ столько силъ у женщины, осуждая ее на меньшую степень біологическаго развитія, которое по пищу, голосу и мускульной силѣ, какъ и по психикѣ ставитъ ее между ребенкомъ и взрослымъ [14]).

Женщины - разбойницы заставляли своихъ жертвъ ѣсть собственное поджаренкое мясо, онѣ же продавали мясо карабинеровъ. Умертвить маленькую дѣвочку, посадивъ ее въ ящикъ полной разъяренныхъ осъ—придумала одна мать.....

Въ драмѣ Шекспира, леди Макбетъ является гораздо болѣе безчеловѣчной нежели ея мужъ, который однако представляетъ изъ себя великолѣпной типъ прирожденнаго убійцы; только подъ конецъ она кончаетъ меланхоліей и галлюцинаціями составляющими такой художественный контрастъ съ ея предшествовавшимъ поведеніемъ, когда она постоянно внушала идею цареубійства мужу, колеблясь не изъ нравственныхъ принциповъ, а изъ холоднаго разсчета въ вѣрности успѣха.

---

[14]) Lombroso e Ferrero—*La donna delinqnente e normale*. Torino 1893. Ferri въ журналѣ *La Scuola positiva*. Апрѣль 1893.

Эта неравенство между полами не можетъ однако приводитъ къ отрицанію справедливыхъ требованій сознательныхъ женщинъ, выражающихся въ томъ, что онѣ желаютъ одинаковыхъ правъ съ мужчинами и чтобы на нихъ не смотрѣли, какъ на вьючныхъ животныхъ или какъ на предметы роскоши. См. мою книгу *Socialismo e scienza positiva* II изд. Genova 1896. § II.

Другіе два шекспировскіе типа убійцъ: Гамлетъ и Отелло больше подходятъ подъ всѣ выводы психологіи преступленій; при художественномъ разборѣ этихъ двухъ типовъ очень часто также прилагались недостаточные и неполные критеріи обыденной психологіи.

Такъ Гамлетъ является преступникомъ сумасшедшимъ; это ясно для всякаго, кто знакомъ съ элементарными положеніями криминальной психологіи; однако существуютъ критики, какъ Де-Зерби напримѣръ, который въ своемъ разборѣ личности Гамлета говоритъ, что этотъ послѣдній сдѣлался сумасшедшимъ сначала притворяясь; другіе, руководимые предвзятыми понятіями устарѣлаго спиритуализма, думаютъ что Гамлетъ не сумасшедшій и стараются объяснить его неуравновѣшенное поведеніе преобладаніемъ «однихъ качествъ духа надъ другими» и «состояніемъ анемичности» для того чтобы заключить, что если Гамлетъ и кончаетъ послѣ многихъ колебаній убійствомъ короля убійцы его отца, то это вызвано тѣмъ, что онъ, Гамлетъ узнаетъ, что этотъ король-убійца приготовилъ отравленную шпагу Лаэрту и ядъ въ кубкѣ, изъ котораго будутъ пить за успѣхъ дуэли съ этимъ самымъ Лаэртомъ: «такъ что король убитъ не вслѣдствіи хорошо обдуманнаго намѣренія Гамлета (благодаря ему онъ быть можетъ никогда не былъ бы убитъ) а благодаря событіямъ независимымъ отъ воли Гамлета» [15]) Гамлетъ является напротивъ того геніально очерченнымъ типомъ преступника сумасшедшаго въ одной изъ тѣхъ ясныхъ или разсуждающихъ формъ которыя не поддаются обыкновенному наблюдателю, который въ сумасшедшемъ желаетъ видѣть только человѣка бѣшеннаго или совершающаго странные поступки. Орлиный взоръ великаго англійскаго психолога уловилъ однако эту разновидность.

Психопатологическіе симптомы Гамлета крайне характерны, начиная съ *галлюцинаціи*, когда онъ ви-

---

[15]) D'Alfonso—*La personalita di Amleto (Rivista Italiana di Filosofia.* Январь 1895*)*.

дитъ и слышитъ призракъ своего отца, что является именно характерной чертой помѣшательства.

Самая *симуляція сумасшествія*, которая профанами въ психіатріи объясняется, какъ блажь или притворство съ какой либо цѣлію, совершенно соотвѣтствуетъ научнымъ даннымъ, такъ какъ въ наше время наукою признано, что симуляція сумасшествія очень часто встрѣчается у сумасшедшихъ, тогда какъ по общепринятому мнѣнію, тотъ кто прикидывается сумасшедшимъ—не сумасшедшій [16]).

Сумасшествіе Гамлета принадлежитъ именно къ тѣмъ формамъ яснаго помѣшательства, когда отъ времени до времени проявляется сознаніе собственнаго сумасшествія... а Гамлетъ въ своемъ письмѣ къ Офеліи говоритъ о своемъ болѣзненномъ состояніи и послѣ убійства Полонія восклицаетъ что «не Гамлетъ а его безумство убило друга!» Эта форма помѣшательства которая встрѣчается у тѣхъ, кого французская психіатрическая школа Маньяна называетъ: «dégénerés supérieurs» въ отличіе отъ идіотовъ и глупцовъ—«dégénerés inférieurs»—и обыкновенно соединяется съ другой бредовой формой, которая у Гамлета является въ видѣ паралитической слабости воли (абулія), которая благодаря неврастеніи не имѣетъ достаточной импульсивности, чтобы перевести идею въ дѣйствіе. Этой то патологической абуліи и надо приписать постоянныя его колебанія отомстить за отца, къ этому надо прибавить и инстинктивное отвращеніе къ убійству, которое, какъ я доказывалъ, живетъ въ сумасшедшихъ съ нетронутымъ нравственнымъ чувствомъ, какъ органическая черта ихъ психологическаго характера, несмотря на болѣе или менѣе полную потерю разума. По-

---

[16]) Laseque, а затѣмъ Willy — *Simulated Insanity (Medico Legal Journal.* New-Iork, Декабрь 1885), Ventury—*Simulation chez les aliénés et les épileptiqnes (Actes du I Congrès International d'Antropologie Criminelle.* Roma 1896. стр. 280). Garner *Dégénérescence mentale et simulation de la folie (Actes du II Congrès d'Anthropologie criminelle.* Paris 1890. стр. 289). Paraut — *La raison dans la folie.* Paris 1888. стр. 260—269, доказали, что симуляція помѣшательства сама является признакомъ помѣшательства часто встрѣчающимся при истеріи, эпилепсіи, алкоголизмѣ и наслѣдственной невропатіи.

теря разума однако не препятствуетъ порой геніальной остротѣ разсужденія; наука показываетъ, что сумасшествіе (delirio) даетъ геніальный отпечатокъ даже нетронутымъ культурой умамъ. Гамлетъ же питомецъ Виттенбергскаго университета, является юношей интеллигентнымъ, какъ сказали-бы мы теперь; Шекспиръ понималъ, что сумасшествіе не могло являться препятствіемъ къ разсужденіямъ не только правильнымъ, но даже и геніальнымъ, какъ напримѣръ разсужденія надъ черепомъ Іорика, или же размышленіе, что если онъ убилъ бы короля, когда тотъ стоялъ на молитвѣ, то мщеніе не удалось бы, такъ какъ убитый пошелъ-бы въ рай, или наконецъ искусно придуманный планъ театральнаго представленія для разрѣшенія знаменитаго to be or not to be. Сумасшествіе Гамлета хотя и выражается въ ясной и разсуждающей формѣ, но тѣмъ не менѣе является вполнѣ дѣйствительнымъ и, хотя убійство короля внушено, какъ это часто случается у сумасшедшихъ [17]), не низкими побужденіями (мщеніе за убитаго отца), по тѣмъ не менѣе оно указываетъ на болѣзненное состояніе субъекта, на преступника сумасшедшаго, какъ это показываетъ и безцѣльное убійство стараго Полонія, за то, что тотъ подслушивалъ у двери, но слышалъ только вещи не имѣющія никакого серьезнаго значенія.

Типъ Отелло, убійцы по страсти изображенъ также очень вѣрно съ дѣйствительностью, не съ тою, которая бросается въ глаза обыкновенному наблюдателю, но съ тою, которую видитъ проницательный взглядъ психолога-художника.

Конечно отъ Макбета къ Гамлету и Отелло существуетъ какъ бы прогрессія меньшаго удаленія отъ обыденнаго опыта; мало кто различаетъ въ шотландскомъ авантюристѣ черты прирожденнаго преступника, уже гораздо большее число лицъ видятъ въ датскомъ принцѣ человѣка неуравновѣшеннаго, и наконецъ,

---

17) Ferri—*L'omicidio nell'antropologia criminale*. Torino 1895. *La psicopatologia dell'omicidio*. стр. 598.

говоря объ Отелло, всѣ признаютъ его преступникомъ по страсти.

Во всякомъ случаѣ это впечатлѣніе бываетъ только тогда точно въ антропологическомъ смыслѣ, когда къ даннымъ общей психологіи прибавить болѣе характерныя данныя психологіи криминальной.

Отелло, хотя и менѣе ненормаленъ, нежели Макбетъ и Гамлетъ, однако-же всетаки убійца и, какъ таковой, выходитъ изъ рамокъ обыкновенной психологіи, переходя уже въ область психологіи болѣзненной, что подтверждается его самоубійствомъ, котораго Шекспиръ съ глубокимъ проникновеніемъ не допускаетъ ни у Макбета ни у Гамлета, зная что самоубійство, послѣ убійства есть специфическій признакъ преступника по страсти. Прирожденный преступникъ также кончаетъ иногда самоубійствомъ, но психологическій генезисъ самоубійства въ этомъ случаѣ совершенно иной.

Прирожденный преступникъ обладаетъ полной физической и нравственной безчувственностью по отношенію къ другимъ и къ себѣ; эта безчувственность даже притупляетъ инстинктъ самосохраненія и побужденіе къ самоубійству является долгое время спустя послѣ преступленія и, слѣдовательно, не въ причинной связи съ нимъ; самоубійство совершается съ равнодушіемъ являющимся повидимому стоицизмомъ, даже и передъ гильотиной, однако это равнодушіе не имѣетъ ничего общаго со стоицизмомъ кромѣ внѣшнихъ проявленій. Эта апатическая безчувственность даже предъ лицомъ смерти, не имѣетъ ничего общаго, кромѣ внѣшности, съ сдержаннымъ и спокойнымъ поведеніемъ мученика за честный идеалъ, который сознательно подавляетъ въ себѣ инстинктъ самосохраненія, отдавая свою жизнь за правое дѣло.

Самоубійство или покушеніе на него у преступника по страсти, являются только реакціей нравственнаго чувства временно подавленнаго ураганомъ страсти, но которое вступаетъ въ свои права тотчасъ же послѣ преступнаго припадка и побуждаетъ къ преступленію благодаря страшному угрызенію совѣсти. Это точно установлено

теперь криминальной психологіей, а Шекспиръ это ясно видѣлъ, выразивъ въ восклицаніи: «Что прежде былъ Отелло?—Здѣсь!» когда мавръ у тѣла убитой имъ Дездемоны совершаетъ надъ собою послѣдній актъ карающаго и освобождающаго правосудія, называя себя въ тоже время «человѣкъ съ любовію безумной, но страстной».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращается къ тѣмъ кто прибѣжалъ на шумъ со слѣдующими словами:

Пишите имъ, что я былъ человѣкъ
Съ любовію безумною, но страстной;
Что ревность я не скоро ощущалъ,
Но ощутивъ, не зналъ уже предѣловъ...

(Переводъ П. Вейнберга).

Но кромѣ этой поразительно вѣрной черты характера Отелло, въ драмѣ Шекспира есть еще удивительныя доказательства поразительнаго проникновенія, геніальнаго писателя, проникновенія, которое вполнѣ сходится съ новѣйшими данными антропологической науки.

Я имѣю въ виду злобныя внушенія Яго, который коварными ухищреніями вливаетъ капля по каплѣ ядъ ревности въ жилы горячаго нравомъ мавра; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ замѣчательною картиною внушенія, которое научно было впервые установлено при изслѣдованіяхъ гипнотическихъ явленій, а затѣмъ подтвердилось и въ нормальной жизни человѣка.

Внушеніе, т. е. внѣдреніе собственной мысли въ мозгъ другого человѣка, усваивающаго и приводящаго ее въ исполненіе, именно въ области преступленій имѣетъ характерную форму, которая прекрасно освѣщена въ монографіи Сципіо Сигеле о «преступной парѣ»; Сигеле говоритъ о вліяніи, которое оказываетъ человѣкъ болѣе энергичный и болѣе испорченный, на другого болѣе слабаго нравственно, съ которымъ связанъ узами семейными, дружбы, порока или сумасшествія; это вліяніе несмотря на большее или меньшее сопротивленіе можетъ побудить болѣе слабаго совершить преступленіе, или же совмѣстное самоубійство.

Во французскомъ изданіи своего очерка по патологической психологіи, Сигеле говоритъ о *здоровой парѣ*, о *парѣ самоубійцъ*, о *парѣ сумасшедшей* и прежде нежели переходитъ къ *парѣ вырождающейся*, (проституція и половое извращеніе) описываетъ пару *преступную* и, говоря о *парѣ друзей*, приводитъ какъ классическій примѣръ Отелло и Яго. [18])

Такимъ образомъ въ этой драмѣ Шекспиръ мастерскою рукой изображаетъ ту сторону преступной жизни, которая менѣе легка для наблюденія, а именно, какъ зародышъ идеи убійства зрѣетъ въ душѣ человѣка, заброшенный туда другимъ человѣкомъ, который и заботится о томъ, чтобы взростить этотъ зародышъ, до тѣхъ поръ пока навязчивая мучительная идея не достигнетъ въ томъ, кому внушается, достаточной импульсивной энергіи, чтобы перейти въ актъ насилія; актъ насилія зародился однако не въ томъ, кто его исполняетъ, и поэтому едва только исполнитель совершеніемъ убійства освобождается отъ давящаго его кошмара, какъ у него является неизбѣжная нравственная реакція приводящая къ самоубійству.

Такова личность шекспировскаго убійцы по страсти, убійцы обладающаго огненнымъ и импульсивнымъ характеромъ, благодаря неограниченному преобладанію чувства надъ идеей, причемъ это вполнѣ согласуется съ анализомъ положительной науки. Для подтвержденія этого анализа личности Отелло, достаточно взглянуть насколько поверхностны и неполны данныя обыкновенной психологіи примѣненныя къ анализу этой личности; даже въ томъ случаѣ если эти данныя примѣняются тонкимъ и глубокимъ критикомъ онѣ, не могутъ освѣтить тѣхъ глубокихъ слоевъ, въ которыхъ зародилась идея убійства и самоубійства. Артуро Графъ, вообще глубокій знатокъ человѣческаго сердца, въ психологическомъ этюдѣ *о ревности Отелло* (Nuova Antologia 1892) старался объяснить все при помощи обыкновенной психологіи, но какъ

---

[18]) Sighele, *La coppia criminale*, Torino 1893; и его же, *Le crime à deux*. Lyon 1893; стр. 131.

ни остеръ умъ почтеннаго критика, однако его анатомическій ножъ былъ недостаточенъ для анатомическаго разсѣченія этого антропологическаго типа, который поддается только анализу криминальной психологіи.

Графъ утверждаетъ, что Отелло по натурѣ своей не ревнивъ, но увлеченъ этой мучительною страстью прежде всего потому, что находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ по отношенію къ своей женѣ: онъ—мавръ и воинъ она—нѣжный цвѣтокъ венеціанской лагуны; затѣмъ будучи героемъ, слѣдовательно имѣя простую нравственную природу, далекую отъ критическаго анализа и скептицизма, съ одной стороны слѣпо вѣритъ грубымъ хитростямъ Яго, а съ другой, какъ всѣ героическія натуры, легко даетъ увлечь себя въ крайности «тогда какъ Гамлетъ,—говоритъ Графъ,—сумѣлъ-бы владѣть собою даже и повѣривъ Яго».

Однако это объясненіе на основаніи нормальной психологіи не даетъ намъ достаточныхъ причинъ убійства Дездемоны, хотя и точно логически, также и въ указаніи на чувство жалости, которое на минуту охватываетъ душу Отелло при видѣ чуднаго тѣла обожаемой имъ женщины незадолго до убійства ея. Это поверхностная *описательная* психологія, а не глубокая *генетическая* психологія, какъ скажу дальше также и по поводу Бурже. Это есть ничто иное, какъ рядъ психологическихъ силлогизмовъ, изложенныхъ съ большимъ остроуміемъ, но не проникающихъ въ глубину преступной идеи Отелло.

Когда Артуро Графъ, говоря о самоубійствѣ Отелло, старается объяснить его, то не находитъ другого доказательства какъ самый характеръ Мавра, героическій и склонный къ крайностямъ. Между тѣмъ криминальная психологія констатируетъ, что внезапное самоубійство по окончаніи преступнаго дѣянія является характернымъ симптомомъ, который одинъ достаточенъ, чтобы охарактеризовать антропологическій типъ Отелло; этотъ симптомъ подмѣченъ удивительнымъ геніемъ Шекспира и найденъ путемъ долгихъ усилій и криминальной психологіей.

Такъ наука соединяется съ искусствомъ для научнаго и болѣе полнаго познанія жизни [19]).

За исключеніемъ драмъ Шекспира, гдѣ мы встрѣчаемся съ разнообразными преступными типами, преступный типъ выводимый въ драмахъ почти всегда является преступникомъ по страсти, причемъ изображается этотъ типъ всегда крайне однообразно, что ведетъ большинство къ ошибочному заключенію, что во всѣхъ преступникахъ встрѣчаются эти менѣе антипатичныя психологическія черты, включая сознаніе собственной вины и конечное исправленіе, словомъ тѣ, условныя черты, какія спиритуалистическая мораль ввела также и въ классическое ученіе о преступленіяхъ; условности эти однако очень далеки отъ дѣйствительной жизни.

Если мы будемъ наблюдать преступный міръ то увидимъ, что за исключеніемъ романическихъ, но болѣе рѣдкихъ типовъ преступниковъ по страсти, въ дѣйствительности предполагаемыя угрызенія совѣсти въ преступникахъ отсутствуютъ. Преступники гораздо ближе подходятъ къ образу «героя преступнаго и счастливаго», изображеннаго Боделеромъ, на что Гюйо (Irreligion de l'avenir, стр. 355), неудачно возражалъ, опять же опираясь на данныя обыкновенной психологіи не примѣнимой къ преступникамъ, что такой человѣкъ «былъ-бы конечно неспособенъ испытывать семейныя радости: кто убилъ отца, тотъ не можетъ желать имѣть собственнаго сына.

Но это ничто иное, какъ одинъ изъ обычныхъ отвлеченныхъ психологическихъ силлогизмовъ опровергаемыхъ положительными наблюденіями подъ типами преступниковъ, которые не всегда чужды любви къ семьѣ и даже прирожденный преступникъ за исключеніемъ его основнаго характера (ненормальная импульсивность и атрофированное общественное чувство) является въ своихъ чувствахъ, страстяхъ, привязанностяхъ почти такимъ же человѣкомъ, какъ и другіе.

---

[19]) Образчикомъ такого союза съ другой стороны является книга Ugo Passigli—*Medicina e l'arte*, Firenze 1896.

Какъ бы то ни было, до того времени пока криминальная антропологія не пролила новаго свѣта въ область искусства, (какъ въ современномъ романѣ), послѣ Шекспира мы не встрѣчаемъ въ драмѣ другихъ фигуръ кромѣ преступника по страсти, или иногда преступника случайнаго.

Такимъ напримѣръ является Карлъ Моръ въ *Разбойникахъ* Шиллера. Карлъ Моръ заслуживаетъ быть здѣсь упомянутымъ не потому, что въ немъ встрѣчаются черты преступной психологіи открытыя и освѣщенныя художникомъ, а потому, что онъ сталъ прототипомъ этихъ по большей части условныхъ и романтическихъ фигуръ разбойниковъ, которые потомъ стали выводится въ драмахъ и которые живутъ еще въ сознаніи массъ, отчасти соотвѣтствуя истинѣ.

Причина та, что дѣйствительно фигура разбойника возстающаго противъ злоупотребленій какого нибудь мелкаго тирана, разбойника мстителя за общественныя неправды, покровителя угнетенныхъ, какимъ Шиллеръ представляетъ намъ Карла Мора очевидно не безъ вліянія безпокойнаго времени, когда была задумана эта юношеская драма, въ концѣ XVIII вѣка, когда въ воздухѣ чувствовалось приближеніе великой революціи,—эта фигура, повторяю, съ одной стороны отвѣчаетъ внутреннимъ условіямъ общественной жизни, а съ другой—упорному стремленію коллективной души къ болѣе высокому идеалу.

Разбойники въ свое время возбудили такой энтузіазмъ, что многіе юноши въ разныхъ концахъ Германіи образовывали общества съ цѣлью подобно герою драмы «жить въ лѣсахъ, чтобы оттуда быть судьями и карателями преступнаго общества»; подобное же чувство, хотя значительно менѣе сильное, до сихъ поръ живетъ въ народномъ сознаніи. Такъ напримѣръ въ Италіи въ 1895 году, когда политическая и общественная жизнь на каждомъ шагу представляли примѣры, оскорблявшіе чувство справедливости, подъ пепломъ условной морали, пробивалось пламя удивленія и симпатіи къ людямъ воз-

ставшимъ противъ несправедливостей; эти люди, которыхъ сегодня осуждаютъ на основанiи буквы закона, завтра во имя исторической справедливости будутъ названы предтечами свободы... какъ это было въ половинѣ XIX вѣка съ мучениками итальянской независимости.

Въ «*Разбойникахъ*» есть различные типы преступниковъ, какъ говоритъ и самъ Шиллеръ въ *Предисловiи* (Апрѣль 1781 г.). Францъ Моръ, который поддѣлывая письма и принося ложныя извѣстiя ссоритъ брата Карла съ отцомъ, руководясь жадностью и завистью, а затѣмъ всячески старается уморить отца, сначала ложнымъ извѣстiемъ о смерти Карла, а затѣмъ заперевъ его въ пещерѣ,—является обычнымъ типомъ злодѣя безъ особенныхъ ему одному свойственныхъ психологическихъ чертъ. Между товарищами Карла Мора есть разные болѣе или менѣе свирѣпые преступники, (между ними Шпигельбергъ болѣе другихъ приближается къ типу прирожденнаго преступника) однако они всѣ остаются въ полутьмѣ, такъ какъ художникъ всю силу своей фантазiи сосредоточиваетъ на главномъ дѣйствующемъ лицѣ. Карлъ Моръ имѣетъ черты преступника случайнаго и преступника по страсти болѣе *соцiальной* нежели *политической*; эти черты видны въ состоянiи души и въ нравственныхъ мукахъ до угрызенiй совѣсти и въ отдачѣ самого себя въ руки властей, для того чтобы быть осужденнымъ, причемъ даже при этомъ случаѣ Моръ выказываетъ свое великодушiе, давъ возможность воспользоваться значительной суммой денегъ обѣщанной за поимку его, Мора, «несчастному, который трудится весь день, чтобы прокормить одиннадцать дѣтей. Обѣщана награда въ тысячу луидоровъ тому, кто представитъ живымъ великаго разбойника... Этотъ человѣкъ получитъ большую помощь»:.. (Послѣдняя сцена, актъ V).

Шиллеръ въ *предисловiи* говоритъ слѣдующее:

«Карлъ Моръ является характеромъ который доходитъ до крайностей порока, благодаря мысли о своемъ величiи: онъ побуждаемъ къ этому той энергiей, которая есть въ немъ; онъ увлеченъ въ порочную жизнь мыслью

объ опасностяхъ, которыя съ нею связаны. Это одинъ изъ тѣхъ людей *съ высокой и сильной душой*, которымъ самою природой предназначено быть, смотря потому какой импульсъ получатъ, или Брутомъ или Катилиной. *Неблагопріятныя обстоятельства* увлекаютъ его на второй путь и послѣ самыхъ ужасныхъ преступленій онъ переходитъ на другой. *Составивъ себѣ ложное понятіе о дѣятельности и о власти и одаренный избыткомъ силъ высшихъ нежели законы*, онъ долженъ былъ обрушиться на общественныя отношенія.

«Къ *мечтамъ* о величіи и о дѣятельности, которыя бродили въ его головѣ у него должно было присоединяться отвращеніе къ міру дѣйствительному, отвращеніе которое дѣлаетъ Донъ-Кихота такимъ страннымъ и которое въ разбойникѣ Морѣ мы *любимъ и ненавидимъ въ одно и то же время*, удивляясь ему и вмѣстѣ съ тѣмъ жалѣя его».

«Не думаю, чтобы надо было упоминать, что не слѣдуетъ примѣнять эту мысль *къ однимъ только разбойникамъ* также точно какъ въ испанскомъ романѣ сарказмъ обращенъ не только на странствующихъ рыцарей.

«Для того чтобы снискать расположеніе пошлыхъ людей я могъ бы менѣе вѣрно изобразить природу.

«Но развѣ изъ за того, что огонь иногда производитъ пожаръ, а вода топитъ мы должны уничтожать и то и другое?»

Вотъ что говоритъ о Карлѣ Морѣ разбойникъ Рацманъ испорченному и жестокому Шпигельбергу: «Онъ не убиваетъ изъ жадности къ наживѣ, какъ дѣлаемъ это мы; не заботится и о деньгахъ, когда можетъ хорошо поживиться; третью часть добычи, которая принадлежитъ ему по праву онъ отдаетъ сиротамъ, или платитъ за ученіе тѣхъ юношей, которые подаютъ надежды. Но если дѣло идетъ о томъ, чтобы ограбить какого-нибудь феодала, который стрижетъ какъ овецъ своихъ крестьянъ, или же распять какого нибудь важнаго негодяя, который презираетъ законы, или вообще какого нибудь барина

въ такомъ родѣ!.. Да я тебѣ скажу, что тогда онъ чувствуетъ себя какъ дома, и сатанѣетъ такъ, какъ будто у него въ каждой жилѣ сидитъ фурія.

«Не очень давно въ одной корчмѣ пронесся слухъ, что одинъ богатый баронъ изъ Регенсбурга не задолго передъ этимъ получившій милліонъ, благодаря мошенничествамъ своего управляющаго, долженъ былъ проѣхать по близости. Атаманъ сидѣлъ за столомъ и обѣдалъ. «Сколько насъ?» спросилъ онъ у меня, *стремительно поднимаясь*, и замѣть, что онъ кусалъ нижнюю губу, какъ дѣлаетъ обыкновенно, когда сердится. «Только пять.» отвѣчалъ я. «Довольно!» прибавилъ онъ. Бросилъ нѣсколько монетъ корчмарю, не притронувшись къ вину, которое ему налили; и вотъ мы всѣ двинулись въ путь. Всю дорогу онъ ничего не говорилъ. Ѣхалъ одинъ поодаль и отъ времени до времени спрашивалъ насъ не слышимъ ли какого либо шума и приказывалъ прикладывать ухо къ землѣ. Наконецъ появился этотъ графъ въ каретѣ; карета была нагружена и управляющій сидѣлъ рядомъ съ графомъ. Впереди ѣхалъ всадникъ и сзади ѣхали верхами двое слугъ... О! если-бы ты видѣлъ какъ онъ подскакалъ къ каретѣ вооруженный двумя пистолетами! Если бы слышалъ это грозное: стой!

Кучеръ, который не хотѣлъ повиноваться, былъ сброшенъ съ козелъ; графъ бросился къ дверцамъ кареты, а три всадника ускакали. „Деньги! мошенникъ!“ закричалъ Моръ ужаснымь голосомъ и феодалъ казался теленкомъ подъ топоромъ. „Это ты негодяй, обратилъ правосудіе въ гнусную продажную тварь?“ управляющій дрожалъ всѣмъ тѣломъ и зубы у него стучали, а атаманъ всадилъ ему ножъ въ животъ, какъ всаживаютъ колъ въ землю. „Я свое дѣло сдѣлалъ“ сказалъ онъ гордо отстраняясь. „Добыча—ваше дѣло“ и исчезъ въ лѣсу. (Актъ II—Сцена III)

Карлъ Моръ принужденный сдѣлаться разбойникомъ благодаря хитрымъ проискамъ брата, который поссорилъ его съ отцомъ, именно такъ говорилъ о себѣ: „Я не воръ, который задумываетъ свое дѣло ночью и когда

другіе спятъ. Я только умѣю отдавать всѣмъ должное и моя профессія—мщеніе“ (Актъ IV послѣдняя сцена).

Когда разбойникъ Шуфтерте хвастается тѣмъ что разъ бросилъ въ огонь ребенка, Карлъ Моръ восклицаетъ: „Прочь отсюда, негодяй! Горе убійцѣ дѣтей, женщинъ и калѣкъ! О, какъ подобное злодѣяніе меня угнетаетъ! Оно отравляетъ одно изъ лучшихъ моихъ дѣлъ“.

Однако же привычка оказываетъ значительное вліяніе на Карла Мора; онъ пріобрѣтаетъ хроническую безчувственность привычнаго преступника; онъ показываетъ это въ послѣдней сценѣ, послѣдняго акта; когда послѣ настоятельныхъ просьбъ о томъ, чтобы онъ ее убилъ, его возлюбленная удаляется съ намѣреніемъ сама покончить съ собою, онъ восклицаетъ: «Остановись! Что ты отваживаешься дѣлать? Возлюбленная Мора должна погибнуть отъ руки Мора!!» Удивленные разбойники кричатъ ему: «Атаманъ, что ты сдѣлалъ? Ты вѣрно обезумѣлъ?» Онъ, «смотря *неподвижными глазами* на трупъ», отвѣчаетъ: «Я ранилъ ее въ сердце... *Одно содроганіе и все кончено*».

Обращаясь теперь къ итальянской драмѣ, я остановлюсь на тѣхъ преступныхъ типахъ, которые пріобрѣли наибольшую извѣстность и по разнымъ причинамъ заслуживаютъ того, чтобы къ нимъ приложить выводы криминальной психологіи.

Большою извѣстностью пользуется драма *Гражданская смерть*—Паоло Джіакометти, написанная въ 1861 году. Этой извѣстности, помимо простаго и трогательнаго ея сюжета, много способствовало и мастерское исполненіе Томазо Сальвини.

Оставляю въ сторонѣ совершенно справедливое положеніе, лежащее въ основѣ ея, положеніе не утратившее смысла и до сихъ поръ (для Италіи), а именно безсмысленность закона объявляющаго бракъ нерасторжимымъ и обрекающаго жену приговореннаго на каторгу жить «или монахиней безъ призванія, или прелюбодѣйкой». Я буду разбирать характеръ главнаго дѣйствующаго лица—Коррадо.

Приговоренный къ пожизненной каторгѣ, за убійство онъ оставляетъ молодую жену и годовалую дочь; убѣжавъ изъ каторги, послѣ тринадцати лѣтъ мученій онъ находитъ обѣихъ въ домѣ одного доктора, благороднаго и великодушнаго человѣка, который пріютилъ покинутыхъ, имѣя къ нимъ отцовскую любовь.

Коррадо находитъ дѣвочку уже дѣвушкой, которая его не знаетъ и думаетъ, что она дочь доктора; въ первую встрѣчу его пылкія выраженія любви пугаютъ ее. Онъ находитъ жену, которая узнаетъ его и готова за нимъ слѣдовать, но оставивъ сердце въ домѣ своего благодѣтеля. Страшно разочарованный, онъ сознаетъ что было бы несправедливо и эгоистично создать несчастіе этихъ добрыхъ людей и устраняетъ самъ себя, принявъ ядъ; передъ смертью соединяетъ руки доктора и своей жены, а дочь въ первый и послѣдній разъ называетъ его отцомъ съ любовью и благословеніемъ.

Этотъ убійца, такой великодушный, такой альтруистъ, можетъ быть только преступникомъ по страсти и такимъ онъ и является въ художественнымъ изображеніи.

Сициліанецъ, «характера своенравнаго», «гордый и буйный» онъ любитъ безумно Розалію, которая также любила его, несмотря на запретъ родителей «безъ особенныхъ стѣсненій и мало обращая вниманія на послѣдствія»; въ одну ночь онъ ее похищаетъ и женится на ней.

Вотъ что онъ самъ разсказываетъ на сценѣ: «Вы можете себѣ представить горе испытанное родителями Розаліи и ту ненависть какую они почувствовали ко мнѣ. Это было справедливо; но тогда мнѣ казалось иначе. У моей жены былъ братъ по имени Алонзо, которому удалось смягчить сердце отца... но не по отношенію ко мнѣ. Почтенный старикъ охотно простилъ-бы дочь, принялъ-бы ее обратно въ домъ если-бы она рѣшилась оставить меня. Розалія, уже ставшая матерью хорошенькой дѣвочки... мужественно противится совѣтамъ, просьбамъ даже угрозамъ... но напрасно, потому

что было рѣшено похитить ее у меня во что-бы то ни стало и Алонзо взялся это исполнить. Я былъ предупрежденъ о заговорѣ однимъ старымъ слугой семьи, который помогалъ раньше бѣгству Розаліи изъ родительскаго дома. Однажды ночью... это была роковая ночь выбранная Алонзо для похищенія сестры, я стоялъ прислонившись къ стѣнѣ моего дома и, увидя Алонзо направляющагося къ дому, преградилъ ему дорогу, такъ что онъ для своего же блага долженъ-бы былъ отступить... но вмѣсто того несчастный имѣлъ неосторожность угрожать мнѣ... угрожать мнѣ, онъ, въ этомъ мѣстѣ и въ этотъ часъ!.. Мои руки сдѣлались въ одинъ мигъ крѣпкими, какъ сталь ножа, который я сжималъ въ рукѣ. На крикъ Алонзо распахнулось окно и моя жена появилась въ немъ, восклицая въ ужасѣ: «Коррадо! пощади моего брата!..» При этомъ крикѣ у меня потемнѣло въ глазахъ, я видѣлъ только кровь... и дѣйствительно, лезвіе моего ножа уже пронзило сердце Алонзо...

«Едва я совершилъ убійство, какъ уже божественное правосудіе покарало меня: я былъ арестованъ на мѣстѣ преступленія проходившимъ случайно дозоромъ. Мой процессъ былъ не дологъ; доказательства были на лицо, обстоятельства отягощали вину еще и благодаря кровавому сопротивленію оказанному мною солдатамъ. Я былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію и отправленъ въ каторжную тюрьму въ Неаполь».

Въ этомъ мѣстѣ одинъ изъ слушателей замѣчаетъ, что «судьи могли-бы смягчить наказаніе» какъ несомнѣнно сдѣлали-бы присяжные и въ данномъ случаѣ справедливо, потому что говоритъ онъ «если вина была и велика, то зависѣла не столько отъ сердца, сколько отъ темперамента». Здѣсь уже есть указаніе на то различіе, какое мы въ настоящее время дѣлаемъ между преступникомъ по страсти и преступникомъ по врожденной склонности; указаніе хотя и не точное, но показывающее, что это различіе соотвѣтствуетъ общественному сознанію.

Коррадо отвѣчаетъ:

«Можетъ быть, и дѣйствительно я никогда не могъ побороть его, такъ какъ порокъ этотъ былъ въ крови. Тринадцать лѣтъ каторжныхъ работъ только прибавили горечи къ этому пороку который и теперь есть у меня въ жилахъ. Вы можете себѣ представить поэтому что вынесъ человѣкъ подобный мнѣ, а мнѣ еще тогда было двадцать восемь лѣтъ. Художникъ, мужъ, отецъ, посаженный на цѣпь, какъ дикій звѣрь, брошенный въ мрачную тюрьму! Воображеніе было всегда роковымъ для меня, а на каторгѣ оно удваивало мои мученія; я видѣлъ Розалію одну, презираемую всѣми, нищую... но молодую и красивую! Я видѣлъ ее вынужденную жить милостыней или порокомъ... вы меня понимаете? Когда я на каторгѣ вылъ отъ ревности, то вѣдь плеть смотрителя наказывала не убійцу, а мужа. Но это еще не все! Я оставилъ мою дочку Аду, когда ей былъ всего одинъ годъ съ небольшимъ я представлялъ ее себѣ блѣдной, печальной, какъ восковой ангелочекъ, всю въ цвѣтахъ и... мертвую или же въ лохмотьяхъ жмущуюся къ матери и протягивающую свои ручонки проходящимъ; а часто представлялась она мнѣ прекрасно одѣтой, веселой, рѣзвой ласкающейся, какъ дочь къ какому-нибудь богатому барину, возлюбленному матери... и эта послѣдняя неотвязная мысль, этотъ ужасный сонъ доводили меня до бѣшенства».

Однимъ словомъ, настоящій типъ преступника по страсти, который хотя и близокъ къ типу наиболѣе легкому для повседневнаго наблюденія, но тѣмъ не менѣе подтверждетъ полное соотвѣтствіе между проникновеніемъ художника и положительными научными данными.

Другая драма, которая, не будучи полнымъ воспроизведеніемъ психологическаго типа, тѣмъ не менѣе вноситъ на сцену новыя понятія и научную мысль, это — *Неронъ*, Піетро Косса, характерная фигура «dégénéré supérieur», которую художникъ подмѣтилъ въ преступной и жестокой личности римскаго императора; это ясно очерченный типъ, который является неизбѣжнымъ удѣломъ всѣхъ семействъ пользующихся монополіей, а слѣ-

довательно и злоупотребляющихъ властью, богатствомъ или даже геніемъ [20]).

Трилогія Ридзотто: Mafiusi in carcere, all'osteria e in progresso является скорѣе удачной фотографіей преступной среды, нежели олицетвореніемъ какого-либо отдѣльнаго типа.

Авторъ принималъ участіе въ безпорядкахъ въ Палермо въ 1866 году и былъ въ соприкосновеніи съ *«Мафіей»* (антропологическая школа имѣетъ научную монографію описывающую это общество написанную въ 1887 г. Алонджи) онъ художественно воспроизводитъ нравы и обычаи членовъ *Мафіи*, похожіе на обычаи неаполитанской *Каморры*, причемъ даетъ также прекрасное описаніе тюремной жизни. Успѣхъ перваго произведенія (Mafiusi in carcere) побудилъ Ридзотто написать еще двѣ драмы (Mafiusi all'osteria и Mafiusi in progresso). Успѣхъ былъ однако не долгій, такъ какъ причиной его была новизна а не жизненность изображенныхъ типовъ и бѣдный Ридзотто умеръ весною 1895 года въ незаслуженной бѣдности и всѣми забытый.

«Сельская честь» (Cavalleria rusticana)—Верга, изображаетъ другую сторону сициліанской народной жизни и тѣхъ пороковъ, какіе она порождаетъ благодаря дурно направленной неукротимой энергіи народа; новелла имѣла успѣхъ незначительный, но перенесенная на сцену поразила всѣхъ рядомъ драматическихъ, страстныхъ сценъ: покинутая влюбленная дѣвушка, нарушеніе супружеской вѣрности, убійство на дуэли; главныя дѣйствующія лица являются преступниками по страсти; такимъ является мужъ мстящій за оскорбленную честь семьи; такимъ является и любовникъ расплачивающійся жизнью за подлость оставленія на произволъ судьбы влюбленной въ него дѣвушки и за свои любовныя побѣды.

Когда геній Масканьи изобразилъ эти болѣе или ме-

---

[20]) Jacoby—*Etudes sur la séléction naturelle.* Paris 1880.

нѣе преступныя страсти въ дивныхъ звукахъ, то успѣхъ *«Сельской чести»* сдѣлался міровымъ.

Преступники по страсти занимаютъ, какъ мы видимъ, значительное мѣсто въ мелодраматическомъ искусствѣ и иногда жизненныя сцены дѣлаются цѣликомъ достояніемъ театра, какъ это мы видимъ въ *«Паяцахъ»*, Леонкавалло, который самъ написалъ и музыку и либретто, взявъ сюжетъ изъ одной судебной драмы разыгравшейся на самомъ дѣлѣ въ одномъ городѣ въ Сициліи. (Леонкавалло пришлось защищаться на судѣ по обвиненію въ плагіатѣ, которое возбудилъ противъ него Катюль Мендесъ).

V.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были въ большомъ ходу уголовные романы; иниціаторомъ ихъ былъ Эмиль Габоріо имѣвшій многое множество подражателей, которые писали сотни романовъ въ фельетонахъ газетъ. Въ уголовномъ романѣ однако-же преступникъ остается на второмъ планѣ и представляется всегда фигурой безличной, чѣмъ-то вродѣ манекена, который пускается въ ходъ для того только, чтобы изобразить таинственное преступленіе.

Настоящимъ героемъ въ подобнаго рода произведеніяхъ является полиція, въ лицѣ какого нибудь геніальнаго сыщика, отличающагося удивительной логикой, тонкимъ чутьемъ въ охотѣ на преступнаго человѣка, сыщика, который отлично разбирается среди самыхъ неопредѣленныхъ указаній и самыхъ повидимому незначительныхъ признаковъ кровавого дѣянія.

Въ этихъ романахъ излагается все судебное слѣдствіе какого либо крупнаго процесса и читатель волнуется ожидая, что вотъ, вотъ будетъ открытъ неизвѣстный преступникъ, благодаря удивительной проницательности слѣдователя и сыщиковъ, или же напротивъ боится, что попадется какой либо невинный, благодаря суебной ошибкѣ.

д Обыкновенно содержаніе всѣхъ этихъ романовъ оди-

наково: полиція открываетъ важное преступленіе и одинъ изъ агентовъ, болѣе проницательный, не довольствуется первыми болѣе или менѣе правдоподобными доказательствами, но путемъ удивительной критики всей обстановки находитъ путь къ открытію истины и затѣмъ продолжаетъ свою работу, мало обращая вниманія на разныя правдоподобныя съ перваго взгляда, но въ сущности обманчивыя данныя, и наконецъ путемъ долгихъ изысканій открываетъ истину и преступника.

Одинъ изъ героевъ романа Эмиля Габоріо «*Процессъ Леружъ*», Табаре страстный и добровольный сыщикъ такъ разсказываетъ о томъ, какъ явилось у него это призваніе:

«Читая записки знаменитыхъ полицейскихъ агентовъ, записки которыя такъ-же интересны какъ самыя лучшія сказки; я восхищался этими людьми съ тонкимъ чутьемъ, гибкими какъ сталь, проницательными и ловкими, находчивыми въ самыя трудныя минуты, которые слѣдуютъ за преступленіемъ шагъ за шагомъ, съ уголовнымъ кодексомъ въ рукахъ черезъ дебри закона, какъ дикари Купера преслѣдуютъ своихъ враговъ среди лѣсовъ Америки. Мною овладѣло желаніе быть однимъ изъ колесъ удивительной машины, стать самому нѣкоторой силой, чтобы помогать наказанію преступленія и торжеству невинности. Я попробовалъ и факты показываютъ, что я не совсѣмъ безполезенъ въ этомъ ремеслѣ...

«Этому ремеслу я обязанъ моими лучшими радостями. Прощай скука моей жизни стараго холостяка rentier. Ахъ, это прекрасное дѣло! Удивляюсь, когда слышу, что порядочные люди платятъ 25 франковъ за право стрѣлять зайцевъ. Хороша добыча, нечего сказать! Охота на человѣка, вотъ это я понимаю! Здѣсь по крайней мѣрѣ всѣ способности должны быть пущены въ ходъ и побѣда не безславна. Здѣсь дичь равна охотнику, она умна, сильна и хитра также какъ и онъ; оружіе почти равное. Ахъ, если-бы только знали волненія этой игры въ жмурки между преступникомъ и агентомъ сыскной полиціи, то всѣ стали-бы искать службы

въ Іерусалимской улицѣ (гдѣ помѣщается полицейская префектура въ Парижѣ).

«Къ несчастію только искусство пропадаетъ и мельчаетъ. Интересныя преступленія становятся рѣдки. Сильная порода безстрашныхъ негодяевъ смѣняется обыкновенными мошенниками. Тѣ немногіе негодяи, которые еще заставляютъ отъ времени до времени говорить о себѣ въ равной мѣрѣ глупы и подлы. Они готовы подписаться подъ тѣмъ, что сдѣлали и оставить свои визитныя карточки. Нѣтъ никакой заслуги ихъ захватить: разъ преступленіе раскрыто, можно идти и прямо ихъ забирать».

Это послѣднее замѣчаніе совершенно вѣрно; оно относится къ бо̀льшей части преступниковъ; еще разбирая Макбета я упоминалъ, что постояннымъ психологическимъ признакомъ преступниковъ является поразительная непредусмотрительность, съ которой они оставляютъ слѣды своего преступленія.

Болѣе точно другое замѣчаніе, что въ цивилизованныхъ странахъ преступленіе основанное на хитрости и мошенничествѣ замѣняетъ все болѣе и болѣе преступленіе кровавое; преступленіе также слѣдуетъ за эволюціей борьбы за существованіе дѣлающейся все болѣе и болѣе интеллектуальной; преступленіе является однимъ изъ ненормальныхъ средствъ этой борьбы, но связаннымъ съ нею и съ ея нормальными формами.

Въ общемъ Габоріо несомнѣнно наблюдалъ преступный міръ, потому что хотя онъ и описываетъ больше дѣйствія слѣдственной власти и полиціи нежели психологію преступника, однако-же и относительно этой послѣдней дѣлаетъ иногда вѣрныя замѣчанія, какъ напримѣръ упоминавшаяся выше непредусмотрительность преступниковъ, или же самоубійство Самоубійство преступника разсказанное въ другомъ его извѣстномъ романѣ: *Господинъ Лекокъ*, вполнѣ соотвѣтствуетъ научнымъ даннымъ, о которыхъ я упоминалъ, говоря о самоубійствѣ Отелло.

Въ этомъ романѣ изображена борьба хитраго и проницательнаго Лекока, знаменитаго агента сыскной полиціи съ герцогомъ Семенсъ, который пойманный на мѣстѣ

преступленія въ грязномъ кабачкѣ выдаетъ себя за ярмарочнаго актера Маджіо и съ помощью преданнаго и умнаго слуги съ изумительнымъ хладнокровіемъ ускользаетъ отъ полиціи; романистъ дѣлаетъ слѣдующее вѣрное замѣчаніе относительно покушенія на самоубійство, которое сдѣлалъ въ минуту потери вѣры въ себя таинственный убійца, находившійся подъ слѣдствіемъ:

„Злодѣи по привычкѣ не покушаются на самоубійство. Пойманные на мѣстѣ преступленія, одни изъ нихъ приходятъ въ безумное возбужденіе и съ ними дѣлаются нервные припадки; другіе впадаютъ въ тупое оцѣпенѣніе подобно хищному звѣрю, который хорошо наѣвшись засыпаетъ съ окровавленнымъ ртомъ. Но ни одинъ изъ нихъ не думаетъ о самоубійствѣ. Они стараются „сохранить свою шкуру", какъ бы ни были запутаны въ дѣло. Напротивъ того, несчастный, который совершаетъ преступленіе въ минуту ослѣпленія почти всегда ищетъ въ насильственной смерти избавленія отъ послѣдствій своего злодѣянія. „Стало быть попытка къ самоубійству со стороны обвиняемаго говорила въ пользу мнѣнія Лекока"... который утверждалъ, что этотъ убійца былъ лицомъ таинственнымъ, а не обыкновеннымъ убійцей, несмотря на одежду, манеры и преступленіе совершенное въ столь странномъ кварталѣ Парижа.

Подобнаго рода уголовные романы были очень интересны, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ; потомъ они уже пишутся по шаблону и не занимаясь художественнымъ анализомъ и изображеніемъ страстей преступнаго человѣка, не могутъ долго интересовать публику, а потому очень быстро выходятъ изъ моды.

Во всякомъ случаѣ эти романы даютъ если не вполнѣ точную, то во всякомъ случаѣ приблизительную, хотя и идеализованную картину закулисной стороны жизни полицейской и судебной, въ особенности въ странахъ, гдѣ болѣе высокіе оклады жалованья даютъ возможность подбирать хорошій составъ судебныхъ слѣдователей и полицейскихъ агентовъ, которые не отбываютъ номеръ, а исполняютъ свое опасное и трудное дѣло съ истинною

страстью по влеченію ли натуры склонной къ приключеніямъ, или же изъ за крупныхъ выгодъ, которыя могутъ получить.

Извѣстно, что въ странахъ англосаксонскихъ обѣщаніе значительныхъ денежныхъ наградъ очень часто употребляется для поимки наиболѣе опасныхъ преступниковъ. Въ Англіи называются detectives, агенты имѣющіе порученіе отъ власти, или также и отъ частныхъ лицъ, поймать какого либо важнаго преступника. Въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ существуютъ даже частныя общества, которыя берутъ на себя порученія по поимкѣ преступниковъ, какъ напримѣръ Pinkerton Agency въ Чикаго, которое въ дѣйствительной жизни совершало такія же удивительныя раскрытія преступленій какія описываются въ романахъ Габоріо [21])

Вотъ завязка романа Габоріо *Процессъ Леружъ*, завязка, которая съ незначительными изслѣдованіями повторяется во всѣхъ прочихъ романахъ этого рода: Когда было получено извѣстіе объ убійствѣ „вдовы Леружъ" довольно таинственной женщины, которая жила въ Буживалѣ, то явившаяся полиція не могла найти никакой руководящей нити для розысковъ убійцы.
Судебный слѣдователь, услышавъ о нѣкомъ Табаре, хорошо извѣстномъ своей страстью и успѣхами въ охотѣ на преступнаго человѣка, рѣшилъ позвать его, чтобы онъ помогъ отыскать слѣды преступленія.

Вотъ какимъ образомъ романистъ изображаетъ приходъ этого оргинальнаго detective по призванію и его дѣйствительно удивительную логику и проницательность.

„Дядя Табаре, прозванный Tirauclair, появившись на порогѣ поклонился, почти до земли, согнувъ свою старую спину. Самымъ смиреннымъ голосомъ онъ спросилъ:

— Господинъ слѣдователь изволилъ меня звать?

— Да, отвѣчалъ г. Дабюронъ и прибавилъ про себя:

---

[21]) Разсказъ объ одномъ удивительномъ подвигѣ этой полиціи можно прочесть въ *Revue des Revues* 15 марта 1895 г: *Le vol de l'express de Rock Island* (изъ архивовъ частнаго полицейскаго агентства *William Pinkerton* въ Чикаго).

Если этотъ человѣкъ толковый, то по правдѣ сказать—онъ такимъ не кажется.

— Я здѣсь, --отвѣчалъ человѣчекъ,-весь въ распоряженіи правосудія.

— Дѣло идетъ о томъ,—началъ снова слѣдователь, чтобы посмотрѣть, не будете ли вы счастливѣе насъ и не удастся ли вамъ найти какія нибудь указанія, которыя-бы насъ навели на слѣдъ убійцы. Вамъ сейчасъ будетъ разъяснено дѣло.

— О, я знаю уже достаточно, – перебилъ Табаре,— Лекокъ мнѣ вкратцѣ разсказалъ въ чемъ дѣло, дорогою; я знаю то, что мнѣ нужно.

— Да, но все же,—настаивалъ полицейскій комиссаръ.

— Пусть г. слѣдователь положится на меня. Я люблю дѣйствовать безъ собиранія предварительныхъ свѣдѣній съ тѣмъ, чтобы быть больше хозяиномъ моихъ впечатлѣній. Когда знаешь мнѣніе другихъ, то поддаешься его вліянію помимо воли; такъ что... начну розыски вмѣстѣ съ Лекокомь (полицейскій агентъ, главное дѣйствующее лицо другого романа Габоріо, имя ставшее нарицательнымъ для подобнаго рода ловкихъ агентовъ полиціи).

«По мѣрѣ того какъ человѣчекъ говорилъ, его сѣрые глазки зажигались и блестѣли теперь какъ угли. На лицѣ его отражалось внутренее торжество и морщины его казалось смѣялись Онъ весь выпрямился и быстрыми шагами направился въ другую комнату. Тамъ онъ оставался около получаса и затѣмъ выбѣжалъ оттуда, опять вернулся туда, появился снова и почти тотчасъ же удалился. Слѣдователь могъ только замѣтить въ немъ лихорадочное безпокойство собаки, которая идетъ по слѣду.

«Его носъ также былъ въ движеніи, какъ бы для того чтобы уловить какой нибудь тонкій запахъ убійцы. Ходя взадъ и впередъ, Табаре говорилъ громкимъ голосомъ, жестикулировалъ бранилъ самъ себя, отъ времени до времени испускалъ торжествующіе крики ободряя себя. Онъ не давалъ ни минуты покоя Лекоку. То ему надо было то, то другое, требовалъ бумаги, карандашъ, потомъ ему нужна была лопата; кричалъ, что ему нужно сейчасъ-же гипсу воды и бутылку.

Черезъ часъ съ лишнимъ, слѣдователь, который уже начиналъ немного терять терпѣніе спросилъ, что дѣлаетъ доброволецъ.

— А онъ на улицѣ,—отвѣчалъ вахмистръ, -растянулся въ грязи и кладетъ гипсъ на блюдо. Говоритъ, что почти кончилъ и что скоро придетъ.

Дѣйствительно онъ появился очень скоро веселый, торжествующій, помолодѣвъ лѣтъ на двадцать. Лекокъ шелъ за нимъ, осторожно неся большую корзину.

— Я совершенно овладѣлъ всѣмъ дѣломъ,—сказалъ онъ слѣдователю. —Лекокъ, поставь корзину на столъ.

Жевроль (полицейскій инспекторъ, очень умный, но который съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на вмѣшательство этого посторонняго человѣка въ слѣдствіе) вернулся со своихъ розысковъ не менѣе довольнымъ.

— Я напалъ на слѣдъ этого человѣка съ серьгами, сказалъ онъ.—Лодка шла внизъ. У меня есть точное показаніе Жерве.

— Говорите г. Табаре,—сказалъ слѣдователь.

Человѣчекъ выложилъ изъ корзины на столъ горку глины, нѣсколько большихъ листовъ бумаги и четыре или пять кусковъ гипсу еще сырыхъ. Стоя около этого стола онъ былъ смѣшонъ, походя немного на уличныхъ торговцевъ всякой дрянью. Одежда его пострадала не мало. Онъ былъ забрызганъ съ головы до ногъ.

— Начинаю,—сказалъ онъ наконецъ притворно скромнымъ тономъ. Воровство вовсе не было мотивомъ этого преступленія.

— Нѣтъ, напротивъ!—пробормотолъ Жевроль.

— Я докажу это неоспоримо. Скажу также мое смиренное мнѣніе о мотивахъ убійства, но это потомъ. Ну-съ такъ значитъ убійца пришелъ сюда еще до дождя. Да, да, г. Жевроль, именно такъ, я не нашелъ слѣдовъ грязи, но подъ столомъ, тамъ гдѣ были ноги убійцы, я открылъ слѣды пыли, стало быть въ этомъ мы можемъ быть увѣрены. Вдова Леружъ совсѣмъ не ожидала то лицо, которое пришло къ ней. Она начинала уже раздѣваться и собиралась заводить часы, когда въ дверь постучалъ этотъ человѣкъ.

— Какія подробности!—сказалъ комиссаръ.

— Ихъ не трудно констатировать,—началъ снова добровольный агентъ;—изслѣдуйте часы надъ письменнымъ столомъ. Это изъ тѣхъ, что имѣютъ заводъ на четырнадцать или пятнадцать часовъ не болѣе, я въ этомъ удостовѣрился. Ну, такъ болѣе чѣмъ вѣроятно, навѣрное, вдова заводила ихъ вечеромъ прежде нежели лечь въ постель. Какъ-же могло случиться, что часы остановилась на пяти? А дѣло въ томъ, что вдова начала подымать гири, когда постучали. Въ доказательство моихъ словъ я покажу вамъ на этомъ стулѣ ясный отпечатокъ ноги. Затѣмъ посмотрите на то какъ одѣта убитая. Кофточка снята; для того, чтобы открыть поскорѣй она не одѣла ея опять, а удовольствовалась тѣмъ, что второпяхъ накинула эту старую шаль.

— А чортъ возьми!—воскликнулъ вахмистръ видимо пораженный.

— Вдова, —продолжалъ Табаре,—знала того, кто постучалъ. Это можно предположить по той поспѣшности, съ которой она отворила, всѣ прочія данныя это подтверждаютъ. Такимъ образомъ убійца былъ впущенъ безъ труда. Это человѣкъ еще молодой, росту немного выше средняго, одѣтый со вкусомъ. Въ этомъ вечеръ на немъ былъ цилиндръ, въ рукахъ зонтикъ и онъ курилъ Trabucos въ мундштукѣ.

— Но, но,—сказалъ Жевроль,—это уже черезчуръ!

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Табаре—но во всякомъ случаѣ это истина. Если вы не обращаете вниманія на мелочи, то я въ этомъ не виноватъ; я на нихъ обращаю вниманіе, да-съ! Ищу и нахожу. Ахъ вы говорите черезчуръ! Ну, такъ соблаговолите кинуть взглядъ на эти куски мокраго гипса. Они представляютъ слѣпокъ со слѣдовъ каблуковъ убійцы, я нашелъ эти слѣды замѣчательно ясные около канавы, гдѣ былъ найденъ ключъ. На этихъ листахъ бумаги я снялъ цѣлые слѣды ногъ которые не могъ взять, такъ какъ они были на пескѣ. Вотъ посмотрите: каблукъ высокій, подъемъ также, по-

дошва маленкая и узкая, обувь франта съ изящной ногой— это очевидно Поищите этотъ слѣдъ вдоль всего пути и вы его найдете разъ пять въ саду, куда никто не проникалъ. Это между прочимъ показываетъ, что убійца постучалъ не въ дверь, а въ окно, изъ котораго былъ свѣтъ. При входѣ въ садъ хитрецъ сдѣлалъ прыжокъ, чтобы не потоптать грядки; это видно изъ слѣда болѣе глубокаго чѣмъ другіе. Онъ безъ труда перепрыгнулъ почти два метра слѣдовательно онъ молодъ.

Табаре говорилъ яснымъ и рѣзкимъ голосомъ, взглядъ его перебѣгалъ съ одного слушателя на другого, для того, чтобы уловить ихъ впечатлѣнія.

— Можетъ быть вы удивляетесь какъ я узналъ какая была шляпа, г. Жевроль? продолжалъ онъ.—Но посмотрите на правильный кругъ очерченный на мраморѣ письменнаго стола, который былъ покрытъ пылью. Можетъ быть вы удивляетесь почему я опредѣлилъ ростъ? Потрудитесь посмотрѣть верхъ шкаповъ и вы увидите, что убійца шарилъ тамъ руками. Слѣдовательно онъ гораздо выше меня; и не говорите пожалуйста, что онъ всталъ на складной стулъ, потому что въ этомъ случаѣ онъ видѣлъ-бы все и ему незачѣмъ было-бы трогать руками. Можетъ быть зонтикъ васъ удивляетъ? Этотъ кусокъ земли сохраняетъ прекрасный отпечатокъ не только наконечника, но и деревянного кружка скрѣпляющаго матерію. Я вижу, что васъ смущаетъ сигара? А вотъ вамъ кусочекъ Trabucos, который я подобралъ въ поляхъ. Развѣ кончикъ изгрызенъ и носитъ слѣды слюны? Нѣтъ, а стало быть тотъ, кто курилъ употреблялъ мундштукъ.

Лекокъ съ трудомъ скрывалъ восторженное удивленіе, онъ тихо хлопалъ въ ладоши. Комиссаръ казался пораженнымъ, слѣдователь былъ на седьмомъ небѣ. Напротивъ того лицо Жевроля все больше и больше вытягивалось; вахмистръ стоялъ какъ окаменѣлый.

— Теперь,—началъ снова маленькій человѣчекъ,— слушайте меня хорошенько. Вотъ молодой человѣкъ входитъ. Какъ онъ объяснилъ свой приходъ въ такой часъ—

этого не знаю. Знаю, что онъ сказалъ вдовѣ Леружъ, что не обѣдалъ. Добрая женщина была очень довольна и тотчасъ же стала приготовлять, что поѣсть. Этотъ обѣдъ былъ не для нея. Въ шкапу я нашелъ остатки ея обѣда; она ѣла рыбу, вскрытіе это покажетъ. Да наконецъ на столѣ былъ только одинъ стаканъ и одинъ ножъ. Но кто этотъ молодой человѣкъ? Несомнѣнно, что вдова считала его гораздо выше себя по положенію. Въ шкапу есть скатерть еще чистая, но развѣ она ею воспользовалась? Нѣтъ, для этого гостя она вынула самое лучшее, чистое столовое бѣлье. Для него былъ вынутъ этотъ прекрасный стаканъ, чей либо подарокъ. Въ концѣ концовъ вполнѣ ясно, что она не употребляла этотъ ножъ съ ручкою изъ слоновой кости.

— Все это справедливо, бормоталъ слѣдователь, — совершенно справедливо.

— Ну, такъ вотъ нашъ юноша сѣлъ: онъ сначала выпилъ стаканъ вина въ то время какъ вдова ставила кастрюльку на огонь. Потомъ, чувствуя, что рѣшимости у него не хватаетъ, онъ попросилъ водки и выпилъ пять рюмокъ. Послѣ внутренней борьбы продолжавшейся минутъ десять, потому что такое время потребно, чтобы ветчина и яйца сварились такъ, какъ они были найдены, молодой человѣкъ всталъ, подошелъ къ вдовѣ, которая стояла наклонясь впередъ, и нанесъ ей два удара въ спину. Смерть не была мгновенной. Она поднялась на половину и ухватилась за руки убійцы. Тогда онъ подался назадъ и, приподнявъ отбросилъ ее; въ этомъ положеніи вы ее и видите теперь. На эту короткую борьбу указываетъ положеніе трупа. Присѣвъ на корточки, пораженная въ спину женщина должна была упасть на спину. Убійца пользовался оружіемъ острымъ и тонкимъ, если я не ошибаюсь это лезвіе рапиры безъ наконечника и отточенное. Онъ оставилъ тамъ это указаніе, вытеревъ свое оружіе объ юбку жертвы. Во время борьбы онъ не былъ раненъ. Правда, что жертва цѣплялась за его руки, но такъ какъ онъ не снялъ сѣрыхъ перчатокъ.....

— Но это просто романъ какой-то,—воскликнулъ Жевроль.

— Вы изслѣдовали ногти вдовы Леружъ, г. начальникъ сыскной полиціи? Нѣтъ. Ну, такъ пойдите и посмотрите; вы скажете тогда ошибаюсь ли я. Ну, такъ вотъ женщина мертва. Что же нужно убійцѣ? Денегъ, драгоцѣнностей? Нѣтъ, нѣтъ и сто разъ нѣтъ! То что ему надо, то что онъ ищетъ это бумаги, которыя какъ ему извѣстно, находятся во владѣніи жертвы. Для того чтобы ихъ достать, онъ перерылъ все опрокинулъ шкапы, развернулъ бѣлье, разломалъ письменный столъ, отъ котораго у него не было ключей и распотрошилъ соломенникъ. Наконецъ онъ ихъ находитъ. И знаете же что онъ дѣлаетъ съ этими бумагами? Онъ сжигаетъ ихъ, но не въ каминѣ, а въ маленькой печуркѣ въ первой комнатѣ. Теперь цѣль его достигнута что-же онъ будетъ дѣлать теперь? Убѣжитъ, унося съ собою все что найдетъ цѣннаго съ цѣлью направить розыски на другой путь, ?аставивъ подозрѣвать грабежъ. Захвативъ все что только могъ, онъ завертываетъ это въ скатерть, которая была приготовлена для обѣда и, потушивъ свѣчу, убѣгаетъ, запираетъ дверь снаружи, а ключъ бросаетъ въ канаву...... и исторія кончена.

— Господинъ Табаре,—сказалъ слѣдователь,—ваше слѣдствіе удивительно и я убѣжденъ, что вы правы.

— Эге!—крикнулъ Лекокъ,—не правда-ли онъ колоссаленъ мой папа Тироклеръ:

— Пирамидаленъ,—прибавилъ иронически Жевроль— думаю только, что этотъ франтоватый юноша долженъ былъ быть въ большомъ затрудненіи съ узломъ въ бѣлой скатерти, который можно было видѣть издали.

— И поэтому онъ его и не понесъ за сто верстъ,— отвѣчалъ Табаре;—вы понимаете, что для того чтобы добраться до желѣзной дороги онъ не сдѣлалъ такой глупости, чтобы сѣсть въ американскій омнибусъ. Онъ пошелъ туда пѣшкомъ по кратчайшей дорогѣ, которая идетъ вдоль рѣки. Придя къ Сенѣ, развѣ если онъ еще болѣе дерзокъ, нежели я полагаю, онъ первымъ дѣломъ позаботимся бросить туда этотъ неудобный узелъ.

— Вы такъ думаете, папа Тироклеръ?—спросилъ Жевроль.

— Готовъ биться объ закладъ, и я послалъ трехъ человѣкъ подъ наблюденіемъ жандарма сдѣлать поиски въ Сенѣ не очень далеко отсюда. Если найдутъ узелъ, то мною обѣщана имъ награда.

— Изъ вашего кошелька старый мечтатель?

— Да, г. Жевроль изъ моего кошелька;

Въ это самое время вошелъ жандармъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ, положивъ на полъ мокрую скатерть, въ которой было завернуто серебро, деньги и драгоцѣнные камни,—это нашли посланные. Они просятъ обѣщанные сто франковъ.

Табаре досталъ изъ своего бумажника банковый билетъ и подалъ его жандарму.

— Теперь,—сказалъ онъ бросая на Жевроля гордый и уничтожающій взглядъ,—что думаетъ г. судебный слѣдователь?

Думаю, что благодаря вашей удивительной проницательности намъ удается...

Онъ не кончилъ. Вошелъ врачъ призванный для вскрытія убитой.

Докторъ окончилъ свою тяжелую обязанность и могъ только подтвердить утвержденія и предположенія Табаре. Онъ объяснялъ положеніе трупа совершенно также. Онъ тоже полагалъ, что должна была быть борьба и даже нашелъ около шеи жертвы едва замѣтный синеватый кругъ отъ послѣдняго сжиманія ея убійцей. Наконецъ докторъ заявилъ, что вдова Леружъ ѣла приблизительно за три часа до убійства.

Оставалось только собрать кое какіе вещественныя доказательства которые могли бы потомъ послужить для того чтобы смутить виновника.

Табаре очень внимательно изслѣдовалъ ногти умершей, и съ безконечными предосторожностями досталъ изъ подъ нихъ нѣсколько кусочковъ кожи попавшей туда; самый большой изъ этихъ остатковъ перчатокъ былъ величиною въ два миллиметра, но все же цвѣтъ можно

было различить хорошо. Затѣмъ онъ отложилъ въ сторону кусокъ юбки, объ которую убійца вытиралъ свое оружіе. Это, вмѣстѣ съ узломъ найденнымъ въ Сенѣ, было все, что убійца оставилъ послѣ себя. Это было ничтожно, но оно было очень значительно въ глазахъ Дабюрона питавшаго хорошія надежды. Самая серьезная ошибка въ слѣдствіяхъ по таинственнымъ преступленіямъ, это ошибка относительно ихъ побудительной причины. Если разслѣдованія принимаютъ ложное направленіе, то они все болѣе и болѣе удаляются отъ истины. Благодаря Табаре слѣдователь былъ почти увѣренъ въ томъ, что не ошибется».

Затѣмъ въ дальнѣйшемъ развитіи романа подтверждаются начальныя предположенія Табаре, но дѣло осложняется судебной ошибкой, которая замѣчается затѣмъ самымъ же Табаре и имъ устранена; настоящій убійца наконецъ найденъ: это адвокатъ, незаконный сынъ графа Комарена раззоренный любовью къ одной кокоткѣ съ цѣлью получить отцовское наслѣдство рѣшается убить вдову Леружъ, старую кормилицу, которая хранила тайну его незаконнорожденности.

Аналогичными съ этого рода романами являются уголовныя драмы, гдѣ дѣйствіе развивается вокругъ открытія преступника по большей части убійцы, причемъ конечно изображаются судебныя ошибки болѣе или менѣе рѣшающаго характера, среди цѣлаго ряда уликъ и эпизодовъ обыденной жизни.

Ферреоль—Викторіена Сарду является прекраснымъ примѣромъ этого рода уголовныхъ драмъ, гдѣ цѣлый рядъ уликъ подтверждающихъ одна другую скопляется противъ какого либо человѣка связаннаго почему-либо долгомъ чести и не могущаго вслѣдствіи этого дать доказательства своей невинности, однако же въ концѣ концовъ невинность торжествуетъ къ великому удовольствію взволнованнныхъ зрителей. Насъ меньше интересуютъ уголовныя драмы, даже и наиболѣе часто дающіяся на народныхъ сценахъ и взятыя обыкновенно изъ наиболѣе удачныхъ романовъ; въ этихъ драмахъ, какъ

и въ уголовныхъ романахъ психологическій анализъ преступнаго человѣка стоитъ на второмъ планѣ, а все сосредоточено на описаніи его приключеній, намъ же интересно найти такія произведенія, гдѣ художественные образы подтверждали-бы данныя найденныя психологіей преступниковъ. Здѣсь достаточно будетъ упомянуть о нихъ, какъ о интересной разновидности художественнаго изображенія не столько преступнаго человѣка, сколько раскрытія преступленія и той нравственной борьбы и тѣхъ судебныхъ установленій, которыя обезпечиваютъ открытіе и наказаніе этого преступленія.

VI.

Трагическимъ и интереснымъ вопросомъ при изученіи преступнаго человѣка является осужденіе на смертную казнь и исполненіе ея.

Въ литературѣ почти не имѣется попытокъ изобразить душевное состояніе преступника передъ казнью; можетъ быть это происходитъ отъ инстиктивнаго отвращенія останавливать вниманіе свое и другихъ на такой дикой и жестокой формѣ «творить правосудіе», можетъ быть отъ правдоподобнаго но не вѣрнаго предположенія, что преступникъ передъ висѣлицей или передъ гильотиной испытываетъ тѣ-же ощущенія, что и нормальный человѣкъ, когда представляетъ себя на его мѣстѣ. Исключеніе составляютъ только патетическія сцены изъ *Маріи Стюартъ* или *Беатриче Ченчи*, а изъ новѣйшихъ Dame di Challant—Піетро Джіакоза или *Тоска* Сарду; здѣсь впрочемъ авторы руководятся обыкновенной психологіей при изображеніи сценъ психической агоніи. Художникъ занимается обыкновенно преступленіемъ, но не наказаніемъ, преступникомъ, но не осужденнымъ, котораго законное наказаніе превращаетъ изъ человѣка въ безличный номеръ въ тюремномъ спискѣ.

Какъ бы то ни было, но сильныя ощущенія приговореннаго къ смерти истинныя или предполагаемыя, ощущенія человѣка, который однимъ скачкомъ изъ полнаго жизни долженъ обратиться въ трупъ, обыкновенно еще

и въ цвѣтѣ лѣтъ, все это побудило Виктора Гюго къ изображенію этихъ ощущеній, однако же при этомъ онъ не руководился непосредственнымъ наблюденіемъ преступной жизни. Викторъ Гюго главнымъ дѣйствующимъ лицомъ своего романа Les misérables, также избираетъ фантастическаго и дѣланнаго преступника, человѣка котораго криминалисты - антропологи называютъ псевдопреступникомъ; Жана Вальжана, ни одинъ судья однако, какъ замѣчаетъ Франкъ въ своей Philosophie du droit pénal, не приговорилъ бы къ каторжнымъ работамъ за то, что онъ взялъ себѣ хлѣба (потому что выраженіе «*укралъ*» не является точнымъ выраженіемъ въ данномъ случаѣ, даже для писаннаго закона) — побуждаемый необходимостью, чтобы не умереть съ голоду.

Подобное состояніе юристы и § 49 Итальянскаго Уголовнаго Уложенія называютъ «состояніе необходимости», одинъ изъ немногихъ случаевъ, когда *право на жизнь* признано стоящимъ выше *права собственности*, такъ что въ этомъ случаѣ присвоеніе вещи принадлежащей другому не составляетъ наказуемаго воровства. Можно легко объяснить всѣ героическіе и вызванные состраданіемъ поступки Жака Вальжана именно потому, что онъ псевдо-преступникъ; эти поступки полные альтруизма не скажу романтическаго, но очень рѣдкаго даже въ дѣйствительно честныхъ людяхъ, были бы совершенно недопустимы въ жизни настоящаго преступника.

Викторъ Гюго написалъ также нѣсколько страницъ о *послѣднемъ днѣ приговореннаго къ смерти*; однако какъ ни художественны эти страницы, какъ ни краснорѣчивы, но онѣ останавливаются только на поверхности внѣшней жизни приговореннаго къ смерти, а относительно психологическаго анализа можно сказать, что авторъ беретъ одну идею изъ своей фантазіи, а не изъ наблюденія надъ дѣйствительностью, а именно, что мысль о гильотинѣ наполняла всю душу приговореннаго вытѣсняя всякую другую мысль, и сдѣлавшись прямо навязчивой идеей.

Однако же это настолько же правдоподобно насколько невѣрно.

Преступники, въ странахъ гдѣ еще существуетъ смертная казнь, присуждаемые къ этому наказанію и не спасенные отъ нея присяжными засѣдателями, (если находятся смягчающія вину обстоятельства, или же благодаря помилованію даруемому имъ главой государства), являются всегда преступниками прирожденными, то есть самыми опасными, потому что преступники по страсти и преступники случайные встрѣчаютъ болѣе мягкое отношеніе какъ со стороны закона такъ и со стороны судей. Осужденные на смерть являются стало быть всегда людьми ненормальными (будетъ ли ихъ болѣзненное вырожденіе носить имя вины или сумасшествія, по ошибочному сужденію общественной совѣсти), а слѣдовательно какъ во время совершенія преступленія какъ и передъ смертію они имѣютъ психологическія проявленія по большей части очень далекія отъ тѣхъ, какія предполагаютъ въ нихъ художникъ и публика. Судебная критика уже дала по этому поводу много документовъ криминалисту-психологу относительно безучастнаго отношенія (которое несвѣдущіе люди принимаютъ за мужество) обыкновенныхъ убійцъ къ казни, доказывая ихъ врожденную нравственную и физическую нечувствительность до самой послѣдней минуты.

Когда я изучалъ психологію убійцъ, то находясь въ Парижѣ въ 1889 году на второмъ международномъ конгрессѣ криминальной антропологіи, узналъ что рано утромъ 17 Августа будутъ гильотинированы два свирѣпыхъ виновника «убійства въ Отейлѣ» Подъ впечатлѣніемъ постоянныхъ споровъ о преступленіяхъ и преступникахъ, которые приходилось вести за эти дни, я рѣшилъ присутствовать при ужасномъ зрѣлищѣ, принеся отвращеніе въ жертву любви къ наукѣ и желанію видѣть хотя одинъ разъ въ жизни смертную казнь во всей ея ужасной дѣйствительности.

Средневѣковые и варварскіе способы смертной казни, когда предварительными мученіями въ видѣ клещей,

расплавленнаго свинца, четвертованія и т. д. законодатель казалось соперничалъ въ жестокости съ злодѣями, въ наше время замѣнены висѣлицей, гароттой, гильотиной. Въ Сѣверной Америкѣ примѣняется также къ смертной казни электричество по «electrical execution law» предложенному въ Конгрессѣ Эльбриджемъ Герри.

Въ Декабрѣ 1888 года былъ испытанъ особый аппаратъ въ знаменитой лабораторіи Эдисона. Комиссія экспертовъ пробовала дѣйствіе этого аппарата надъ собаками, быками лошадьми, послѣ чего онъ сталъ употребляться и для приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, однако же механизмъ для приведенія тѣла осужденнаго въ соприкосновеніе съ динамо-машиной Сименса съ перемѣнными токами, имѣетъ тотъ недостатокъ, что осужденнаго надо привязывать во многихъ мѣстахъ и надѣвать ему на голову особый шлемъ.

Изъ всѣхъ видовъ смертной казни, повидимому казнь электричествомъ самая лучшая, лучше даже отравленія преступника сильно-дѣйствующимъ ядомъ, съ цѣлью избѣжанія агоніи, а если казнь публична, то ужасовъ кроваваго зрѣлища.

Въ Англіи смертная казнь производится черезъ повѣшеніе, въ тюрьмѣ, въ присутствіи немногихъ должностныхъ лицъ и корреспондентовъ; публика же собирается вокругъ тюрьмы, чтобы увидѣть когда будетъ поднятъ на крышѣ черный флагъ въ знакъ того, что «правосудіе совершено» *).

Во Франціи смертная казнь по закону должна производиться публично и обыкновенно совершается на площади между тюрьмою «Grande Roquette» и тюрьмою «Petite Roquette». Въ дѣйствительности публика стоитъ такъ далеко отъ гильотины, окруженной къ тому же конной и пѣшей полиціей, что не можетъ ничего видѣть; только около входа въ Grande Roquette есть огороженное мѣсто, гдѣ могутъ помѣститься человѣкъ триста имѣющихъ

*) Въ настоящее время черный флагъ больше не вывѣшивается.

особое разрѣшеніе. Эти послѣдніе присутствуютъ вблизи при медленномъ фантастическомъ прологѣ и при быстромъ кровавомъ эпилогѣ судебной драмы; однако-же они ничего не знаютъ о томъ, что происходитъ въ тюрьмѣ до того психологическаго момента, когда распахивается дверь и осужденный появляется, устремивъ свой взоръ сначала на роковое лезвее, находящееся отъ него въ тридцати шагахъ...

Мнѣ было очень трудно получить разрѣшеніе на входъ въ тюрьму, чтобы присутствовать при пробужденіи осужденныхъ и приготовленіи ихъ къ казни. Однако же начиная съ министра-хранителя печати и главнаго директора тюремъ, до послѣдняго агента, всѣ были удивительно любезны. Телефонъ и телеграфъ работали для меня чуть-ли не цѣлый день и наконецъ въ 6 ч. вечера въ пятницу я могъ быть въ кабинетѣ главнаго директора тюремъ и познакомиться съ Бокеномъ директоромъ Grande Roquette, чтобы имѣть возможность слѣдовать за нимъ въ камеры осужденныхъ. Въ полночь за мной зашелъ одинъ полицейскій инспекторъ приставленный къ моей особѣ и мы, подкрѣпившись изряднымъ количествомъ кофе, направились къ Roquette. По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ центра города мы все чаще и чаще встрѣчали кучки людей всѣхъ положеній и отдѣленія полицейскихъ, молча направлявшихся туда же куда и мы.

Ни въ одной газетѣ не было напечатано о казни, но тѣмъ не менѣе это извѣстіе распространилось по городу очень быстро и всѣ ожидали ея съ нетерпѣніемъ, потому, что убійство въ Отейлѣ произвело большое впечатлѣніе, а также потому, что думали, что будутъ казнены трое и что во всякомъ случаѣ казнь заразъ двухъ или трехъ бываетъ очень рѣдко; всѣ надѣялись кромѣ того, что одинъ изъ приговоренныхъ будетъ присутствовать при казни товарища.

По распоряженію правительства, однако самый свирѣпый изъ трехъ осужденныхъ, Селье былъ избавленъ отъ необходимости присутствовать при казни товарища,

а одинъ, Мекранъ, былъ помилованъ, какъ несовершеннолѣтній, тогда какъ онъ-то, по словамъ полицейскаго инспектора, былъ самый худшій изъ всѣхъ, самый изобрѣтательный въ мученіи жертвы «какъ часто бываютъ въ шайкахъ преступниковъ несовершеннолѣтніе, которые знаютъ, что не рискуютъ головой».

Въ одну весеннюю ночь четыре привычныхъ преступника, изъ тѣхъ, что кишатъ въ большихъ городахъ, забрались въ одинъ домъ въ Отейлѣ, думая что тамъ никто не живетъ и ограбили все, что могли. Уходя, они замѣтили въ комнатѣ дворника одного юношу дрожавшаго отъ страха и забившагося подъ кровать. Онъ ихъ конечно не зналъ и не могъ ни коимъ образомъ ихъ выдать, но они изъ кровожадности, прямо дикой, изранили его ножами, а потомъ задушили этого бѣднаго юношу, причемъ сначала, по иниціативѣ Мекрана, забавлялись ужасомъ несчастнаго, всячески его пугая. Они вышли изъ этого дома на зарѣ и по обычной непредусмотрительности преступниковъ, тащили на себѣ награбленное и натолкнулись на полицейскій дозоръ. Въ свалкѣ былъ арестованъ одинъ изъ четырехъ, а остальные по его доносу были арестованы на другой день. Въ концѣ іюня было судебное разбирательство, на которомъ всѣ обвиняемые держали себя съ удивительнымъ цинизмомъ, обвиняли другъ друга, но выгораживали одного изъ шайки, нѣкоего Кателена, съ которымъ находились въ противоестественной связи; этому послѣднему удалось отдѣлаться 20 годами Новой Каледоніи. Остальные, всѣ рецидивисты, были осуждены на смерть; это были: Селье, 30 лѣтъ, Аллорто, итальянецъ 26 лѣтъ, оба настоящіе типы преступнаго человѣка, и Мекранъ 20 лѣтъ, изъ состоятельной семьи, типъ скорѣе дегенерата нежели инстинктивнаго преступника. Фотографіи этихъ преступниковъ только подтверждаютъ всѣ тѣ выводы, которые я сдѣлалъ на основаніи картины преступленія и данныхъ судебнаго процесса.

Аллорто и Селье должны были быть казнены, такъ какъ по истеченіи сорока дней со дня ихъ приговора, просьба о помилованіи не была принята.

Мы были на площади Roquette около часу ночи, но такъ какъ казнь должна была совершиться на зарѣ, которая 18 августа оффиціально значилась въ 4 ч. 55 мин. утра, а гильотина должна была прибыть только послѣ 2-хъ, то я и мой ангелъ-хранитель вмѣшались въ толпу наполнявшую площадь и сосѣднія улицы. Эта толпа зрителей по большей части навѣрное принадлежала къ той же самой категоріи, что и осужденные и мой спутникъ часто указывалъ мнѣ на какого либо рецидивиста или сутенера, въ характерныхъ высокихъ шляпахъ изъ чернаго шелка. Было много женщинъ, которыя не уступали мужчинамъ по своимъ отталкивающимъ физіономіямъ и признакамъ самаго полнаго нравственнаго и физическаго вырожденія. Грязныя шутки, циническое поведеніе этихъ людей были первымъ приготовленіемъ къ ужасному зрѣлищу. Наиболѣе частой темой разговоровъ была трусость или мужество (являющееся въ уголовныхъ преступникахъ не настоящимъ мужествомъ, но просто безчувственностью) осужденныхъ передъ гильотиною. Больше всего удивлялись Пранцини; эти habitués вспоминали его спокойное и холодное мужество, затѣмъ вспоминали и другихъ *«героевъ»* недавно гильотинированныхъ. Высказывались предположенія относительно того, какъ будутъ вести себя Аллорто и Селье, устраивались пари. Въ общемъ предсказанія сбылись, такъ какъ Селье былъ наиболѣе циничнымъ передъ смертью, какъ былъ и самымъ свирѣпымъ и опаснымъ изъ всѣхъ четырехъ. Въ мѣстѣ отведенномъ для «приглашенныхъ» рѣчи были тѣ же, конечно выраженія были другія, не было той грубости и... ни одного слова я не слышалъ въ эту ночь о несчастной жертвѣ. Все это можетъ служить доказательствомъ того, что публичныя казни не слишкомъ-то полезное вліяніе оказываютъ на всякую толпу. Я же все время думалъ о несчастной жертвѣ этихъ звѣрей и, если я не убѣжалъ отъ этой кровавой сцены, то не потому что думалъ о моихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, а потому что думалъ объ мученіяхъ несчастной жертвы убійцъ.

Въ два часа ночи подъ конвоемъ конныхъ жандармовъ привезены были передъ Grande Roquette два черныхъ воза съ разобранной гильотиной и «Monsieur de Paris»—палачъ съ его помощниками, всѣ въ черномъ съ цилиндрами на головѣ.

Это была дѣйствительно романтическая сцена. Была прекрасная, ясная ночь, звѣзды ярко блистали на небѣ, свѣжій воздухъ укрѣпляюще дѣйствовалъ на нервы, но страшнымъ контрастомъ казались молчаливыя дѣйствія помощниковъ палача снимавшихъ съ возовъ части гильотины и собиравшихъ ихъ молча и безъ шума; иногда только слышались рѣдкіе удары молотка; свѣтъ ручныхъ фонарей немного освѣщалъ порой эту мрачную машину.

Современная гильотина, которая къ слову сказать существовала и до доктора Гильотена, имя котораго она носитъ, (имѣется рисунокъ гильотины въ книгѣ Бокки: Bocchi-Symbolicarum quaestionum, Bologna 1573.) уже не имѣетъ больше ступенекъ для всхода къ круглому ошейнику, въ который на нѣсколько секундъ только помѣщается голова осужденнаго; она состоитъ только изъ трехъ прямоугольныхъ рамъ шириною приблизительно 1 метръ и длиною въ 3; каждая рама состоитъ изъ четырехъ большихъ четыреугольныхъ брусьевъ. Двѣ рамы поставлены на землю накрестъ и укрѣплены въ большихъ камняхъ, которые нарочно укрѣплены въ мостовой. Третья рама ставится вертикально на этомъ основаніи, а въ верху въ трехъ метрахъ отъ земли помѣщается топоръ почти треугольной формы, который Дейблеръ съ большой осторожностью вынулъ изъ большого бархатнаго футляра. Топоръ укрѣпленъ вверху при помощи пружины со спускомъ и, когда дергаютъ за веревку, то топоръ падаетъ съ легкимъ глухимъ шумомъ вдоль желобковъ сдѣланныхъ въ двухъ брусьяхъ; другой веревкой его поднимаютъ въ прежнее положеніе. Передъ гильотиной, составляя часть ея обращенную къ тюрьмѣ, расположены два низенькихъ параллельныхъ бруса, между которыми укрѣплена на стержнѣ доска шириною въ метръ и высотою въ человѣческій ростъ, стоящая вертикально.

Осужденнаго по выходѣ изъ тюрьмы подводятъ къ этой доскѣ: одинъ изъ помощниковъ палача тянетъ его голову внизъ, а другой подымаетъ его за ноги и такимъ образомъ осужденный быстро падаетъ на опускающуюся доску на животъ причемъ голова его подходитъ подъ топоръ, а въ это же время палачъ надѣваетъ ему на шею деревянный ошейникъ и дергаетъ за веревку.

Такъ по крайней мѣрѣ объяснялъ мнѣ полицейскій инспекторъ, пока собирали гильотину, потому что два часа спустя я видѣлъ только смутно быстрыя движенія и окровавленное лезвее.

Подъ головою осужденнаго находится открытая корзина изъ ивовыхъ прутьевъ, такъ что по словамъ полицейскаго инспектора, тотъ кого гильотинируютъ вторымъ видитъ тамъ голову того, кого казнили передъ нимъ. Другая большая корзина изъ ивовыхъ прутьевъ съ крышкою стоитъ рядомъ съ доскою; туда кидаютъ тѣло, какъ только голова отрублена. Въ половинѣ четвертаго гильотина была готова, до момента пробужденія двухъ несчастныхъ оставался часъ. Я отправился въ тюрьму, куда вскорѣ пришли два духовныхъ лица для напутствія осужденныхъ и два высшихъ чиновника министерства юстиціи. Тамъ то я увидѣлъ въ первый и, надѣюсь въ послѣдній разъ, агонію двухъ людей, изъ которыхъ одинъ былъ уже почти мертвъ еще не дойдя до гильотины.

Войдя въ тюрьму я остановился у караула, гдѣ ожидалъ пока директоръ тюрьмы пришлетъ за мною, а пока слушалъ разсказы начальника караула о жизни двухъ осужденныхъ въ послѣдніе дни.

Селье былъ въ хорошемъ настроеніи духа, курилъ на 25 сантимовъ табаку въ день и игралъ въ карты, постоянно отпуская шуточки относительно своего послѣдняго дня.

Онъ никогда не мечталъ о томъ, что его помилуютъ, потому что былъ многократнымъ рецидивистомъ и Бертильонъ говорилъ мнѣ, что когда въ его бюро антропометрическаго измѣренія осужденныхъ (бюро это является

однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ помощниковъ парижской полиціи въ ея „охотѣ за преступникомъ“) стали измѣрять голову Селье, то этотъ послѣдній сдѣлалъ знакъ рукой, что у него ее скоро срубятъ.

„Это человѣкъ геркулесовской силы, говорилъ мнѣ начальникъ караула, и крайне опасный когда бываетъ сердитъ, несмотря на то, что у него нѣтъ правой кисти. Это циничный и безчувственный человѣкъ, который просилъ дать знать о себѣ своимъ родителямъ только потому, что Мекрана часто навѣщала мать. Когда они пришли его повидать, то отецъ, добродушный крестьянинъ заплакалъ и чуть не упалъ въ обморокъ; мать-же, напротивъ того, была болѣе крѣпкой (что подтверждаетъ что сыновья наслѣдуютъ свойства матери, а дочери—отца): Селье говорилъ имъ, что не стоитъ огорчаться и спрашивалъ про деревенскія новости, про жатву.“

Когда прошли сорокъ дней послѣ приговора, то онъ каждое утро ждалъ, что его разбудятъ въ послѣдній разъ и его интересовала только одна вещь (тоже характерный признакъ) будетъ ли онъ гильотинированъ одинъ, или съ кѣмъ либо изъ товарищей. Онъ говорилъ своимъ надзирателямъ, что иногда уже видѣлъ себя во снѣ „fauché“ или какъ говорятъ на своемъ жаргонѣ эти злодѣи, „что уже женился на вдовѣ“, такъ какъ гильотина, по замѣчанію Виктора Гюго, является вдовой предыдущихъ казненныхъ. Онъ сдѣлалъ также ироническое завѣщаніе написавъ: „*Оставляю моему другу Ле-Беньеру все, что останется въ моей камерѣ послѣ моей казни—написано 6 Августа... Селье.*“ Въ камерѣ не было ничего, и этотъ Беньеръ не будетъ слишкомъ признателенъ за такое указаніе на него полиціи. Наконецъ Селье написалъ даже стихи, которые я не могъ имѣть въ оргиналѣ, но которые и нѣсколько передѣланные являются драгоцѣннымъ документомъ психологіи преступника, которую здѣсь не стану разбирать, но изъ коей очевидно то отсутствіе или атрофія нравственнаго чувства, которое всегда сопутствуетъ ужаснымъ личностямъ убійцъ.

„Derniers adieux"
Allorto lui, c'est une canaille,
C'est vrai que je suis canaille aussi:
Mécrant ça n'est qu'un rien qui vaille,
On dit que je suis autant que lui.
L'plus chouett' des quatre e'ètait Catelain
Qu' avait pas pour deux liards de vice;
Mais il n' a pas été malin
De s' ètr fait choper par la police.
Il en a pour vingt ans d' Nouvelle [22])
On n'en revient pas de c' pat' lin-la
Mais l' on part avec sa damzelle [23])
C'est tout c' qu y faut pour vivre la bas.
Tandis que Bibi e Allorto
Et Mècrant quoiqu' ça leur r' bute
Nous faudra aller sur la butte
Porter notre poire à Charlot.
Les aminches et leurs gigoletes
Ceux de Belleville et d'la Villete
Viendront nous voir couper le sifflet
Si ça leur fait pas trop d'effet.
Aurait fallu cramser en choeur
Tous les quat' en frères en amis,
On se serait fait faucher de bon coeur,
On ne meurt qu' un' fois dans sa vie.

Аллорто же напротивъ того, послѣ приговора сдѣлался печальнымъ и часто плакалъ, молился каждый день и настойчиво спрашивалъ у надзирателей очень ли

---

[22]) Ссылка въ Новую Каледонію.

[23]) Потому что туда ссылаются также и женщины преступницы, которыя выходятъ замужъ за преступниковъ. Очень часто возражаютъ противъ теоріи криминальной антропологіи, указывая именно на эти браки, отъ которыхъ произошло честное и трудолюбивое населеніе. Населеніе Австраліи напримѣръ, происходитъ отъ англійскихъ преступниковъ ссылавшихся туда долгое время, что по мнѣнію противниковъ теоріи наслѣдственной передачи преступныхъ склонностей должно опровергать эту теорію; однако это невѣрно. Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что это населеніе по большой части состоитъ изъ потомства свободныхъ колонистовъ надо имѣть въ виду слѣдующее: первое, что среди ссыльныхъ худшіе элементы отсутствовали, потому что въ прошломъ такихъ казнили на родинѣ. Затѣмъ въ колоніяхъ преступниковъ самые испорченные и опасные элементы уничтожаются или благодаря мести товарищей, или по приговорамъ незнающихъ пощады судовъ. Наконецъ наклонность къ преступленію не есть исключительно слѣдствіе индивидуальныхъ свойствъ организма, но также является, какъ слѣдствіе вліянія среды; поэтому можно понять, что одна и та же личность (а тѣмъ болѣе ея потомки) являющаяся въ цивилизованныхъ странахъ опаснымъ разбойникомъ и злодѣемъ, напротивъ того лучше приспособляется къ полу-дикой обстановкѣ мѣстъ ссылки и тамъ со своими наклонностями можетъ быть полезнымъ піонеромъ. Это настолько справедливо, что едва только колоніи цивилизуются и число честныхъ колонистовъ увиличивается, какъ онѣ противятся ссылкѣ преступниковъ, какъ было въ Австраліи, куда теперь больше не ссылаютъ изъ Англіи.

страдаютъ гильотинируемые. Спалъ онъ очень неспокойно и часто не ложился всю ночь, широкими шагами ходя взадъ и впередъ по своей камерѣ. Онъ стало быть подходилъ нѣсколько къ тому типу осужденнаго на смерть, немного искусственно описаннымъ Викторомъ Гюго, который влагаетъ ему въ уста такія рѣчи: Quoique je fasse, elle est toujours la cette pensée infernale, comme un spectre de plomb à mes côtés, seule et jalouse, chassante toute distraction". (Что-бы я не дѣлалъ, эта адская мысль всегда, какъ тяжелое привидѣніе стоитъ надо мною; она мѣшаетъ мнѣ чѣмъ нибудь развлечься).

Это заставляетъ меня думать, что онъ былъ не прирожденный преступникъ, какъ Селье, а скорѣе преступникъ по пріобрѣтенной привычкѣ, у котораго нравственное чувство существуетъ съ рожденія, но атрофируется благодаря испорченности среды, товарищей, тюрьмы, постоянныхъ рецидивовъ; это чувство отчасти возстановляется подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія въ одиночномъ заключеніи и въ виду неминуемой смерти.

Около четырехъ часовъ утра директоръ тюрьмы повелъ меня въ свою канцелярію, а затѣмъ въ архивъ, гдѣ въ это время составлялся обычный актъ о смерти Дезидерата, Ж. Б. Селье 30 лѣтъ, родив. и т. д., имѣющ. жит. и т. д., предполагаемаго холостымъ, *умершаго* въ 5 часовъ утра сего числа въ улицѣ Рокеттъ № 168. Слѣдуютъ подписи должностныхъ лицъ.

Въ то время, какъ я читаю эту бумагу, кто-то слегка толкаетъ меня, оглядываюсь и вижу что какой-то господинъ тоже подписываетъ эти бумаги: Дейблеръ.

Палачъ!.. я едва-едва удержался, чтобы не отскочить. Это былъ человѣкъ средняго роста, немного прихрамывающій съ красноватымъ горбатымъ носомъ.

Между тѣмъ, вошли слѣдователь (на случай если осужденные сдѣлаютъ какое либо разоблаченіе) и начальникъ тайной полиціи Горонъ. Этотъ послѣдній молодой человѣкъ съ энергичнымъ и умнымъ лицомъ сказалъ мнѣ, что осужденные не протестовали противъ вскрытія ихъ труповъ и что они будутъ отправлены въ Медицин-

скую школу послѣ мнимаго погребенія на кладбищѣ Иври. Такимъ образомъ исполнялось пожеланіе высказанное на антропологическомъ конгрессѣ, относительно возможности изученія труповъ казненныхъ; повидимому, это случилось благодаря тому, что власти дали понять капеллану тюрьмы, что онъ можетъ воздержаться отъ внушенія двумъ казнимымъ того протеста противъ вскрытія, который внушенъ имъ былъ Пранцини и Прадо.

Вскорѣ вошелъ и аббатъ Форъ, капелланъ, маленькій, толстенькій; его спокойное красное лицо показывало, что онъ уже успѣлъ привыкнуть къ своей печальной обязанности. «Я присутствую уже при двѣнадцатой казни», сказалъ онъ, обращаясь къ своему товарищу монаху-лазаристу, высокому, блѣдному симпатичному человѣку, со всѣми признаками аскетической анеміи. Этотъ послѣдній напротивъ того, былъ взволнованъ и озабоченъ своей обязанностью, которую выполнялъ въ первый разъ; поминутно вставалъ и нервнымъ жестомъ вытиралъ потъ на лбу, просилъ, чтобы отворили окна и былъ близокъ къ обмороку. Аббатъ Форъ его ободрялъ и далъ ему выпить изъ того самаго серебрянаго стаканчика, который черезъ короткое время я видѣлъ около посинѣвшихъ губъ Аллорто.

Наконецъ пришло время идти будить преступниковъ. Шесть стражниковъ отпираютъ большую камеру, гдѣ помѣщается Аллорто и входятъ туда, за ними директоръ тюрьмы и мы въ числѣ семи-восьми человѣкъ.

Аллорто спалъ, но какъ только директоръ тюрьмы тронулъ его за плечо, онъ вскочилъ и, сидя на постели, раскрылъ широко глаза и весь позеленѣлъ, губы у него побѣлѣли. Онъ ничего не отвѣчалъ директору, сказавшему ему: «Ваша просьба о помилованіи отвергнута... Будьте же мужественны».

Онъ повернулся къ стѣнѣ, сжавъ кулаки и пробормоталъ: «Ахъ чортъ побери!» Потомъ всталъ съ постели весь въ поту, дрожа всѣмъ тѣломъ; сторожа помогали ему одѣваться. «Мнѣ жарко, надо снять рубашку,» сказалъ онъ и остался въ одной красной шерстяной фу-

файкѣ. «Я умру одинъ?» спросилъ онъ у директора, но тотъ ничего не отвѣчалъ.

Аббатъ предложилъ ему стаканъ коньяку, который осужденный выпилъ въ два глотка и на вопросъ раскаялся ли, отвѣчалъ довольно твердымъ голосомъ: «Но мнѣ не въ чемъ раскаяваться; я только завязалъ глаза садовнику, а убили его другіе». Двое стражниковъ берутъ его подъ руки и выводятъ изъ камеры и Аллорто, повернувъ голову къ сосѣдней камерѣ, кричитъ: «Прощай, Шарль,—я отправляюсь. Ты знаешь, что у меня нѣтъ ничего на совѣсти». Изъ этой камеры послышался глухой почти жалобный ропотъ. Это былъ Мекранъ, который еще не зналъ, что его помиловали.

Затѣмъ мы всѣ входимъ въ комнату, гдѣ Аллорто сажаютъ на общій для всѣхъ осужденныхъ стулъ «для туалета,» который состоитъ вь томъ, что ему связываютъ руки за спиной, а ноги такъ, что онъ можетъ дѣлать только маленькіе шаги и затѣмъ обрѣзываютъ фуфайку около шеи почти до спины. Помощники палача дѣлаютъ все это очень быстро и молча; затѣмъ они надѣваютъ на осужденнаго его верхнюю одежду и ведутъ въ сосѣднюю камеру рядомъ съ той, изъ которой выйдетъ Селье когда будетъ готовъ.

Аллорто остается въ этой камерѣ нѣсколько минутъ, съ жадностью выпивая три рюмки коньяку, которыя даетъ ему монахъ лазаристъ; Аллорто блѣденъ, глаза у него сдѣлались почти стеклянными, онъ оглядываетъ присутствующихъ и тщетно старается сплюнуть, губы его конвульсивно сжимаются. Монахъ отъ времени до времени подноситъ къ его губамъ маленькое распятіе и осужденный автоматически прикасается къ нему губами. Затѣмъ на вопросъ предложенный ему монахомъ отвѣчаетъ: «Да, я католикъ, я вѣрую въ Бога».

Тотчасъ же послѣ того какъ Аллорто былъ приведенъ въ эту комнату, мы всѣ на цыпочкахъ отправились въ камеру Селье; надо было пройти два-три корридора. Онъ уже всталъ и имѣлъ равнодушный видъ, только былъ страшно блѣденъ. На слова директора отвѣчалъ:

«Мужества довольно» и попросилъ пить. Онъ сильнаго сложенія съ бычьей шеей; грубое лицо съ громадными челюстями и громадныя оттопыренныя уши придаютъ ему дѣйствительно внушительный видъ. Выпивъ коньяку, онъ самъ одѣвается, не нуждаясь въ посторонней помощи, а затѣмъ проситъ папиросу, но директоръ отвѣчаетъ, что папиросъ у него нѣтъ. Селье не хотѣлъ надѣвать сапогъ, говоря: «Не стоитъ». Онъ захотѣлъ остаться нѣкоторое время наединѣ съ аббатомъ Форомъ, а затѣмъ обыкновенной походкой отправился въ камеру, гдѣ долженъ былъ быть совершенъ его туалетъ. Мнѣ казалось, что въ эти минуты Селье заботится объ одномъ, какъ и послѣ при выходѣ изъ тюрьмы, а именно: высказать себя мужественнымъ и сильнымъ, оставить о себѣ громкое имя въ этой толпѣ окружающей гильотину, какъ оставилъ имя Пранцини. Просьба закурить и всѣ его слова только дополняли его равнодушную манеру держать себя; изрѣдка на его губахъ играла циничная улыбка, которая являлась такимъ страннымъ контрастомъ съ агоніей Аллорто, но волновала всѣхъ гораздо меньше.

Селье обладалъ той физической и нравственной нечувствительностью, которая не является по желанію; ею объясняется и холодная жестокость во время совершенія преступленія и равнодушіе, съ которымъ преступники этого типа переносятъ раны и хирургическія операціи, для другихъ крайне болѣзненныя; это есть біологическая особенность, которую Люрицъ Бенедиктъ называетъ *неуязвимостью*, благодаря которой многіе разбойники совершаютъ подвиги мужества кажущіеся удивительными, но эти подвиги являются совершенно отличными и даже противоположными физіологически и психологически подвигамъ тѣхъ, кто въ пылу битвы, или даже на висѣлицѣ стоически жертвуетъ жизнью за великій и честный идеалъ.

Окончивъ *туалетъ* Селье, Дейблеръ съ помощниками идутъ въ камеру Аллорто и помогаютъ ему подняться. Онъ идетъ почти безсознательно, опустивъ голову, поддерживаемый двумя помощниками палача. При свѣтѣ едва

брезжущаго дня онъ кажется еще болѣе зеленымъ и конечно чуть живъ, хоть и идетъ. Дверь отворилась и я въ этотъ ужасный моментъ видѣлъ только какъ осужденный былъ быстро растянутъ на доскѣ: глухой стукъ топора и тѣло съ судорожно бьющимися ногами брошено въ корзину и прикрыто. Глотокъ коньяку, который у меня былъ съ собой немного меня успокоилъ и... я увидѣлъ, что Дейблеръ вытираетъ губкой топоръ, прежде нежели опять вздернуть его на верхъ. Это всего больше внушило мнѣ отвращеніе къ такому грубому способу «совершать правосудіе». Я не стану и не могу разсуждать здѣсь о смертной казни, но конечно подобнаго рода казни не терпимы въ цивилизованномъ обществѣ. И какъ подумаешь, что были такіе люди которые находили, что публичная смертная казнь полезна какъ *примѣръ!* Мы опять входимъ въ тюрьму и Селье быстро поднимается и идетъ равнодушно, безъ поддержки, смотря то на того то на другого изъ тѣхъ, кто идетъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ дверяхъ я случайно очутился около него и слышалъ, какъ онъ улыбаясь сказалъ довольно громко (конечно, чтобы быть услышаннымъ тѣми, кто находился въ огороженномъ мѣстѣ) начальнику стражи:» On sort de l'hôtel des haricots avec des drôles de chaussures». «Изъ тюрьмы (называемой такъ на жаргонѣ, потому, что тамъ ѣдятъ много бобовъ) выходятъ въ смѣшной обуви» (намекая на связанныя ноги). И это, когда передъ нимъ уже была гильотина! Посмотрѣвъ на нее мелькомъ, онъ повернулъ голову къ зрителямъ, поцѣловалъ священника, воскликнувъ: «Всего хорошаго!» и я затѣмъ уже ничего не различилъ кромѣ глухого стука топора и видѣлъ мелькомъ, какъ двѣ блѣдныя головы казненныхъ были переброшены изъ маленькой корзины въ большую и ужъ конечно эти головы, благодаря внезапной и полной анеміи мозга не имѣли даже и мгновеннаго проблеска сознанія, которое приписывается имъ народнымъ воображеніемъ. Я пробрался сквозь цѣпь полицейскихъ агентовъ совершенно ошеломленный и разстроенный этимъ жестокимъ зрѣлищемъ, которое буду всегда вспоминать какъ самую тя-

желую жертву принесенную моимъ научнымъ изслѣдованіямъ наиболѣе ужаснаго изъ всѣхъ несчастій людскихъ — преступленія.

VII.

Во второй половинѣ XIX вѣка романъ является самой подходящей формой для изображенія психологіи среды и потому преобладаетъ надъ всѣми другими литературными формами, но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ нимъ становится дилемма, которую Габріель Д'Аннунціо удачно выразилъ формулой: обновиться, или погибнуть.

Послѣ Бальзака съ его романическимъ цикломъ *Человѣческой Комедіи* и Флобера съ *Госпожею Бовари*, которые указывали что въ изученіи среды можно почерпнуть все, или лучше сказать почти что все, что нужно для изображенія жизни личности, въ короткій промежутокъ времени, основныя начала позитивной науки были положены Дарвиномъ въ біологіи, Спенсеромъ въ натуръ-философіи и Марксомъ въ соціальныхъ наукахъ; послѣ того удивительнаго переворота который произошелъ въ познаніи природы, личности человѣка и общества благодаря обновленію науки позитивнымъ методомъ т. е. методомъ наблюденія и опыта, современной романъ не могъ не почувствовать этого вліянія; прежняя фантастическая условность была оставлена, для того чтобы уступить мѣсто непосредственному наблюденію дѣйствительности.

Въ этой новой нравственной и умственной фазѣ развитія общества появились натуралистическій и психологическій романъ; въ одномъ изображались по преимуществу условія *среды* опредѣляющіе образованіе характеровъ, другой занимался по преимуществу анализомъ душевнаго состоянія *индивидуума*; обѣ формы романа находились подъ вліяніемъ новыхъ антропологическихъ данныхъ, которыя, благодаря имъ получали широкое распространеніе въ массѣ читателей. Искусство однако не есть наука, какъ живопись не есть фотографія. Наука прежде всего безлична или лучше сказать – объективна; между тѣмъ «произведеніе искусства,» какъ говорилъ Зола, «есть

уголокъ природы наблюдаемый черезъ темпераментъ». Конечно въ наукѣ, какъ и въ искусствѣ, «личный факторъ» неизбѣженъ и притомъ въ большей степени въ наукахъ антропологическихъ и соціальныхъ нежели въ наукахъ естественныхъ. Въ наукѣ, личный факторъ вліяетъ только на тотъ или другой взглядъ, (и въ этомъ то и заключается разница между позитивной наукой и метафизикой) она должна признавать первенство «грубаго факта» и принимать, какъ фотографъ естественное положеніе вещей; въ искусствѣ напротивъ того, точный факторъ вліяетъ также и на расположеніе элементовъ въ произведеніи задуманномъ художникомъ; эти элементы будутъ болѣе или менѣе вѣрны дѣйствительной жизни, какъ каждый въ отдѣльности, такъ и въ общемъ, но не будутъ фотографически воспроизводить объективную реальность. Живописецъ желающій изобразить скачущую лошадь, или бѣгущаго человѣка не можетъ копировать движенія уловленныя моментальной фотографіей, которыя явятся «неправдоподобными» для человѣческаго глаза. Въ этой разницѣ метода и содержанія между наукой и искусствомъ и заключается пробный камень для генія художника, который имѣетъ два пути, по которымъ можетъ удалиться отъ чисто научныхъ данныхъ и сохранить художественность изображенія: онъ можетъ или преувеличить дѣйствительность или измѣнить ее.

Въ первомъ случаѣ художникъ выполняетъ свою интеллектуальную обязанность, повинуясь законамъ искусства и науки въ одно и тоже время. Искусство обогащается новымъ жизненнымъ произведеніемъ, а наука получаетъ возможность расширить ограниченные предѣлы ученаго кабинета и технической эрудиціи и распространить свои открытія среди многочисленнаго круга людей. *Преступленіе и наказаніе*—Ѳ. Достоевскаго и *Человѣкъ-звѣрь*—Э. Зола являются для психопатологіи и криминальной антропологіи въ тысячу разъ лучшимъ средствомъ пропаганды, нежели трудное научное наблюденіе, но въ тоже время эти романы являются и прекрасными худо-

жественными произведеніями, потому что хотя краски въ нихъ и сгущены, но отношенія между элементами дѣйствительности не измѣнены.

Художникъ можетъ напротивъ того, или въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ своего произведенія, или же въ лицахъ второстепенныхъ и во второстепенныхъ эпизодахъ измѣнить черты дѣйствительности или для того, чтобы сдѣлать ихъ болѣе правдоподобными, или же безумно фантастичными, или для того чтобы такимъ образомъ имѣть на своей сторонѣ симпатію средняго цѣнителя, который не будетъ непріятно задѣтъ неправдоподобностями тонко подмѣченной истины, или же для того чтобы возбудить праздное и скоропреходящее любопытство. Такъ случается обыкновенно съ главой школы и его послѣдователями.

Несомнѣнно, для того чтобы выбиться изъ толпы, (какъ въ искусствѣ такъ и въ наукѣ) необходимо задѣвать кого либо. Въ искусствѣ (въ наукѣ того не бываетъ, благодаря постоянному вліянію наблюденій надъ дѣйствительностью) глава школы, геніальный иниціаторъ, не искажаетъ истины, хотя и сгущаетъ краски тогда какъ подражатели (подражатели бываютъ двухъ видовъ: одни слѣдуютъ за главой школы, другіе ему противорѣчатъ—но всегда являются паразитами) всегда искажаютъ дѣйствительность, или потому что не видятъ и не слышатъ ея, или же потому что имѣютъ неуравновѣшенный умъ, желаютъ творить, но впадаютъ въ пустыя и безумныя кривлянья вродѣ символизма, декадентства, сатанизма, чувственной извращенности и т. д. [24]).

Этого различія по моему не дѣлаетъ Максъ Нордау въ своей попыткѣ достойной его оригинальнаго ума приложить данныя и критеріи антропологической физіо-психологіи къ художественной критикѣ, обращая изслѣдованія больше на художника-творца нежели на его произведеніе; подобно сему позитивная школа криминалистовъ

---

[24]) Относительно отношеній иниціаторовъ и ихъ послѣдователей въ наукѣ и ихъ дѣятельности см. мою полемику съ Сигеле *Sull'intelligenza e moralita della folla* въ *Scuola Positiva* Сент. 1894. стр. 733.

перенесла центръ тяжести научнаго наблюденія съ преступленія на преступнаго человѣка.

Максъ Нордау въ своей книгѣ *Вырожденіе*, изучая проявленія этого fin de siècle въ искусствѣ, а именно мистицизмъ, эгоизмъ и реализмъ, не только не дѣлалъ различія между основными мыслями великихъ мастеровъ (Вагнеръ, Толстой, Ибсенъ, Зола и т. д.) и нѣкоторыми ихъ второстепенными сужденіями, которыя могли дѣйствительно имѣть признаки умственной и художественной неуравновѣшенности, но не дѣлалъ также различія между этими гигантами и посредственностями, которыя являются по большей части странными, но не безъ извѣстнаго величія, иногда очень реальными, иногда кажуся геніальными и никогда не выходятъ изъ формъ вырожденія: ничто такъ не походитъ на лицо глубокаго, стоящаго въ сторонѣ отъ міра мыслителя, какъ лицо идіота такъ же удаленнаго отъ міра, но лишеннаго и проблесковъ мысли. Боделэръ, Ницше, Верлэнъ, Метерлинкъ, Оскаръ Уайльдъ и т. д. являются такими посредственностями на половину геніальными, наполовину сумасшедшими и преступными, но они однако еще не доходятъ до полнаго вырожденія ихъ подражателей.

Боделэръ и Оскаръ Уайльдъ имѣли такія же половыя извращенія какъ Челлини и Микель-Анджело; Верлэнъ воспѣвалъ въ прекрасныхъ стихахъ чувство «достоинства» и «свободы», какое онъ испытывалъ въ тюрьмѣ, куда былъ посаженъ за преступленія противъ нравственности. Ницше—кончилъ сумасшествіемъ.

Въ искусствѣ случается то-же что въ жизни: большая часть его жрецовъ состоитъ изъ людей среднихъ или нормальныхъ, которые не живутъ, а прозябаютъ всю свою жизнь, или же вмѣсто того чтобы создавать художественныя произведенія, производятъ ихъ съ почти бюрократической регулярностью. Меньшинство же привлекающее болѣе или менѣе удивленные и умиленные взоры этой многочисленной толпы посредственностей, состоитъ изъ незначительнаго числа геніальныхъ людей, людей прокладывающихъ новые пути, основываю-

щихъ новыя школы, которые открывъ новую истину, то есть истину до того времени никому неизвѣстную, желаютъ ее подтвердить и сдѣлать общимъ достояніемъ и при этомъ неизбѣжно сталкиваются съ враждебными новизнѣ умственными привычками большинства; потомъ эти привычки поддаются вліянію генія, измѣняются и становятся въ свою очередь враждебными новизнѣ привычками въ ожиданіи новыхъ истинъ, съ которыми онѣ сначала будутъ въ противорѣчіи, а затѣмъ подвергнутся ихъ вліянію.

Другая часть этого меньшинства также отличается очень значительно отъ среднихъ нормальныхъ людей, а поэтому неопытный глазъ часто видитъ въ представителяхъ этой части геніевъ, но въ дѣйствительности геніальнаго въ этихъ людяхъ нѣтъ ничего; ихъ подражанія геніямъ принимаютъ самыя уродливыя и самыя безумныя формы, ихъ произведенія стоятъ по сю сторону, тогда какъ произведенія генія стоятъ по ту сторону той незамѣтной линіи, которая по выраженію Наполеона отдѣляетъ великое отъ смѣшного.

Можно сказать то же самое относительно политическихъ преступниковъ. Большинство націй состоитъ изъ среднихъ людей, которые стоятъ за установленный порядокъ, который кажется «порядкомъ» только потому что существуетъ и потому что мы къ нему привыкли и живемъ изо дня въ день, подобно тому какъ во Франціи въ 1870 году при монархіи жили монархистами, при республикѣ жили республиканцами.

Меньшинство, тѣ которые идутъ противъ установившагося порядка, состоитъ съ одной стороны изъ крайне незначительнаго числа дѣйствительно геніальныхъ людей мысли, какъ Мадзини и Кавуръ, или дѣйствія, какъ Гарибальди во времена революціоннаго объединенія итальянскаго народа, или какъ Марксъ и Энгельсъ съ одной стороны и Лассаль—съ другой, въ дѣлѣ революціоннаго строенія международнаго соціализма.

Другая часть этого меньшинства состоитъ изъ среднихъ революціонеровъ, къ которымъ примѣшиваются всѣ по-

лоумные, неуравновѣшенные или преступные субъекты, которыхъ глазъ средняго человѣка порядка не отличаетъ отъ настоящихъ геніальныхъ революціонеровъ, также точно какъ ставитъ на одну доску и судитъ одинаково произведенія Вагнера, Ибсена, или Зола и кривлянья символиста, декадента и сатаниста.

Въ дѣйствительности же эти сумасшедшіе подражатели, какъ въ жизни такъ и въ искусствѣ, вовсе не являются подъ вліяніемъ геніальныхъ иниціаторовъ; дѣло въ томъ, что многіе неуравновѣшенные люди способные развернутъ и поддержать, но также и забрызгать грязью то знамя, которое выдѣляется больше другихъ, въ періоды общественнаго затишья остаются неизвѣстными, но выходятъ на арену дѣятельности слѣдуя за тѣмъ идеаломъ, который въ критическіе моменты общественныхъ потрясеній волнуетъ коллективное сознаніе.

Бичующіеся (flagellanti) и крестоносцы въ Средніе вѣка, *террористы* или *вандейцы* въ XVIII вѣкѣ, *карбонаріи* или *гарибальдійцы*, въ эпоху Возрожденія Италіи, *нигилисты* и *динамитчики* въ концѣ XIX вѣка, суть различныя названія одного и того же явленія, которое бываетъ велико или безумно, или преступно не въ зависимости отъ идеи господствующей въ данную эпоху, но въ зависимости отъ геніальности или вырожденія или неуравновѣшенности тѣхъ, кто предрасположенъ подпасть подъ ея вліяніе и ускорить ея водоворотъ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, какъ это сдѣлалъ Максъ Нордау, что и геній является также формою анормальной или вырождающейся, патологической, и потому неизбѣжно осуждены на быстрое безплодіе, какъ не разрывно связаные съ геніемъ въ самомъ человѣкѣ, и въ его произведеніяхъ наряду съ геніальными твореніями и проявленія вырожденія.

Максъ Нордау совершенно вѣрно и оригинально пользуется данными и критеріями психопатологіи, когда дѣло идетъ о подражателяхъ заблуждающихся и полусумашедшихъ и совершенно неправиль но,—когда онъ пользуется этими данными и прилагаетъ эти критеріи къ Вагнеру,

Зола, Ибсену и Толстому не видя, что если первые дѣйствительно являются людьми выродившимися безъ силы генія, то вторые, напротивъ того, являются людьми геніальными, хотя и не лишенными (именно потому, что геніальны) признаковъ вырожденія.

Эмиль Зола хотя и не избѣгшій въ послѣдніе годы своей дѣятельности нѣкотораго однообразія, является однако однимъ изъ самыхъ геніальныхъ и сильныхъ современныхъ писателей, освѣжившихъ свою душу наукой.

Циклъ романовъ Ругонъ-Макаровъ, который онъ называлъ «Естественная и общественная исторія одной семьи въ эпоху второй имперіи», является доказательствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ художественнымъ изображеніемъ закона наслѣдственности, по которому зачатки физическаго, умственнаго и нравственнаго вырожденія передаются отъ родителей дѣтямъ и дальше усиленными; эти романы слишкомъ извѣстны и появленіе первыхъ томовъ, болѣе удачныхъ, какъ Assommoir и Nana вызвало оживленную полемику, а потому я не буду долго останавливаться на отношеніяхъ между главными дѣйствующими лицами этихъ романовъ и данными психопатологіи и криминальной психологіи.

Но какія отношенія?

Здѣсь тоже необходимо дѣлать различіе. Произведеніе искусства можетъ быть вѣрнымъ описаніемъ личностей, которыхъ художникъ имѣлъ возможность наблюдать въ дѣйствительности, какъ, напримѣръ, *Записки изъ Мертваго Дома*, Достоевскаго, и въ такомъ случаѣ наука можетъ пользоваться этимъ произведеніемъ, какъ вѣрнымъ источникомъ антропологическихъ данныхъ. Однако чаще всего произведеніе искусства создается личной фантазіей художника, но только вмѣсто того, чтобы быть отраженнымъ изображеніемъ образовъ, выработанныхъ исключительно въ мозгу артиста, помѣщающаго ихъ въ среду болѣе или менѣе вѣрную внѣшней сторонѣ исторической правды, оно является идеальнымъ изображеніемъ людей, которыхъ художникъ имѣлъ случай наблюдать въ дѣйствительной жизни и о которыхъ читалъ въ научныхъ книгахъ.

Въ этомъ смыслѣ *Жерминаль* и *Преступленіе и Наказаніе* являются романами натуралистическими или экспериментальными, по менѣе удачному выраженію Зола.

Сужденіе Макса Нордау о натуралистическомъ романѣ мнѣ кажется неправильнымъ. Онъ пишетъ: «Зола называетъ свои романы человѣческими документами» и «экспериментальными романами». Но неужели Зола думаетъ, что его романы дѣйствительно являются серьезными документами, которыми наука можетъ пользоваться? Какое ребячество! Наукѣ рѣшительно нечего дѣлать съ романомъ. Она не нуждается въ выдуманныхъ личностяхъ и дѣйствіяхъ какъ-бы правдоподобны они ни были, она нуждается въ людяхъ, которые дѣйствительно жили и въ дѣйствіяхъ, которыя дѣйствительно были совершены.

«Его «экспериментальный романъ» является просто спутанной фантазіей. Сказать по правдѣ, Зола показываетъ своими романами, что не имѣетъ никакого представленія объ научномъ анализѣ. Онъ думаетъ, что сдѣлалъ анализъ, когда выдумалъ нѣсколько невропатическихъ личностей, поставилъ ихъ въ выдуманныя положенія и заставилъ ихъ совершать выдуманныя же дѣйствія! Научный опытъ это есть ясный вопросъ обращенный къ природѣ, на который и отвѣтить должна природа, а не спрашивающій. Зола ставитъ вопросы. Но кому? Природѣ? Нѣтъ: своему собственному воображенію. И такіе отвѣты могутъ имѣть силу доказательствъ?

«Результаты научнаго опыта положительны, и каждый кто владѣетъ умственными способностями можетъ ихъ провѣрить. Тогда какъ результаты, къ которымъ приходитъ Зола со своими пресловутыми «экспериментами», объективно не существуютъ и содержатся только въ его воображеніи; это не факты, а голословныя утвержденія, которымъ каждый можетъ вѣрить и не вѣрить. Разница между опытами и тѣмъ, что этимъ именемъ называетъ Зола, настолько велика, что я затрудняюсь приписать злоупотребленіе этимъ словомъ чистому невѣжеству и неспособности мыслить» [25]).

---

[25]) Максъ Нордау. *Вырожденіе*.

Максъ Нордау очевидно упускаетъ изъ виду различную роль искусства и науки даже и въ томъ случаѣ, когда они имѣютъ въ виду одинъ и тотъ же предметъ, напримѣръ, преступленіе и преступника. Выраженіе «экспериментальный романъ» не точно; оно употребляется скорѣе въ смыслѣ романа прямого и косвеннаго наблюденія дѣйствительной жизни; но заблуждаются тѣ, кто говоритъ, что наукѣ нечего дѣлать съ романомъ и что романъ не можетъ служить доказательствомъ какой либо научной теоріи. Конечно, если экспертъ-психіатръ въ судѣ основывалъ бы свой психопатологическій діагнозъ напримѣръ на Bête humaine Зола, то онъ не понималъ-бы науки, которая требуетъ, чтобы наблюденія производились надъ живымъ человѣкомъ, чтобы изучались условія его наслѣдственности и той среды, въ которой онъ вращался и дѣйствовалъ. Однако это вовсе не исключаетъ возможности для антрополога криминалиста изучать типъ Жака въ *Человѣкъ-звѣрь*, отмѣчая какіе признаки, какія черты характера вѣрны дѣйствительности, какіе отъ нея удаляются, причемъ онъ можетъ констатировать, что геній художника улавливаетъ часто новыя истины гораздо лучше нежели академическія посредственности; онъ можетъ наконецъ ссылаться на Жака, какъ на документъ для подтвержденія своихъ словъ, для сравненія, такъ-же какъ ссылается на Гамлета, Отелло или Раскольникова.

Кромѣ подобного утилитарнаго употребленія, которое антропологъ-криминалистъ можетъ дѣлать изъ типовъ преступниковъ, очерченныхъ этими художниками-наблюдателями, а не только фантазерами, этими типами занимается и наука, отмѣчая когда художественная концепція соотвѣтствуетъ положительнымъ даннымъ опыта и наблюденія, очень хорошо зная, что въ публику, незнакомую съ наукою, новыя идеи проникаютъ именно путемъ искусства, въ увлекающихъ воображеніе романахъ и драмахъ.

Вотъ почему художественныя произведенія Зола среди современныхъ романовъ имѣютъ очень важное значеніе,

котораго нельзя отрицать, благодаря тому, что въ нихъ изучается преступный человѣкъ; это значеніе остается такимъ, несмотря на то, что болѣе или менѣе истерическіе капризы декадентской моды показываютъ что теперь существуетъ сильная реакція противъ художественнаго значенія натуралистическаго романа.

Э. Зола въ *Терезѣ Ракэнъ* еще изображаетъ обыденныя фигуры преступниковъ по страсти и въ описаніи (очень краснорѣчивомъ и ужасномъ) угрызеній совѣсти двухъ любовниковъ, которые утопили, или дали утонуть мѣшавшему имъ мужу, не удаляется отъ обыденной психологіи и отъ типовъ преступниковъ наиболѣе близкихъ къ ней.

Въ *Ругонъ Макарахъ* напротивъ того, онъ изучаетъ уже антропологическіе типы болѣе внимательно и открываетъ новыя горизонты для искусства, содѣйствуя развитію общественнаго сознанія среди читателей своихъ романовъ, распространяя психіатрическія данныя относительно алкоголизма въ Assommoir, антропологическія данныя о преступникахъ въ Bête humaine и психопатологическія въ Lourdes. Конечно, въ такой значительной художественной работѣ, какая исполнена Э. Зола, можно найти много антропологическихъ данныхъ, но такъ какъ научная критика уже много ими занималась, то я ограничусь только двумя примѣрами изъ числа наиболѣе характерныхъ.

Въ концѣ XIX вѣка окончательно выдвигается принципъ господства общества надъ отдѣльной личностью, принципъ признанный позитивной наукой, въ противоположность апоѳеозу отдѣльной личности, которымъ окончился XVIII вѣкъ и къ которому тщетно стараются въ настоящее время вернуться нѣкоторые художники анархическо-индивидуалистическаго характера. Тому, кто чувствуетъ, что имѣетъ рѣзко выраженную личную физіономію, очень легко убѣдить себя, что только «люди избранные», предшественники «сверхъ-человѣковъ» будущаго имѣютъ нѣкоторую цѣнность въ безконечной безымянной толпѣ людской; такимъ образомъ *эготизмъ* съ его гордыми и высоко-

мѣрными жрецами является ничѣмъ инымъ, какъ вырожденіемъ чувства человѣческой личности.

Оставивъ въ сторонѣ горделивыя, но близорукія разглагольствованія *эготизма*, мы приходимъ къ тому заключенію, что общество развивается подъ вліяніемъ мысли и дѣйствій отдѣльной личности, но и отдѣльная личность является безпомощной и даже немыслимой въ дѣйствительной жизни безъ общества, которому эта личность обязана (несмотря на разныя болѣе или менѣе патологическія иллюзіи) всѣмъ тѣмъ, что составляетъ основу ея мысли и ея жизни.

Это психологическое условіе существованія современной цивилизаціи отражается какъ въ изученіи нормальной или экономической жизни человѣчества (отсюда—появленіе и развитіе научнаго соціализма) такъ равно и въ изученіи жизни не нормальной, или преступной. Сципіо Сигеле прекрасно понялъ это душевное состояніе современнаго человѣчества и въ своей книгѣ *Преступная толпа*, которая получила заслуженную извѣстность и изъ которой безъ стѣсненій и... безъ указаній на источникъ черпали многіе соціологи вродѣ Тарда, Лебона, Фулье, въ этой книгѣ, повторяю, онъ открылъ обширную область коллективной психологіи, о которой я только упоминалъ, говоря о психологіи личной и психологіи общественной въ предисловіи къ моей книгѣ Nuovi orizzonti del delitto penale.

Искусство, однако, уловило эту коллективную психологію раньше, нежели о ней зашла рѣчь въ наукѣ; въ числѣ первыхъ былъ Алессандро Манцони, писатель замѣчательный по тонкости психологическаго анализа, какъ это показываютъ его удивительныя сравненія, являющіяся всегда вѣрнымъ указателемъ способности къ наблюденію. Въ *Обрученныхъ* (Promessi sposi), гдѣ мнѣ все нравится, кромѣ духа покорности судьбѣ раболѣпія и мистицизма, сцена народнаго волненія (Глава XIII) является однимъ изъ драгоцѣнныхъ художественныхъ документовъ также и для ученаго, что подтверждаетъ еще разъ ошибочность сужденій Макса Нордау о нату-

рализмѣ въ искусствѣ. «Во время народныхъ волненій всегда есть извѣстное количество людей, которые или благодаря разгоряченнымъ страстямъ, или благодаря фанатическому убѣжденію, или благодаря злодѣйскому плану, или же благодаря проклятой любви къ разрушенію *(вотъ антропологическія категоріи политическихъ преступниковъ)* дѣлаютъ все возможное, чтобы направить движеніе въ худшую сторону: они даютъ самые жестокіе совѣты, раздуваютъ пламя всякій разъ, какъ оно начинаетъ ослабѣвать; для нихъ нѣтъ ничего чрезмѣрнаго, они желали бы, чтобы волненіе ни имѣло ни конца, ни мѣры. Въ противовѣсъ имъ имѣется извѣстное число другихъ людей, которые съ такимъ же жаромъ и съ такимъ же упорствомъ стараются въ обратномъ смыслѣ: одни изъ нихъ, движимые чувствомъ дружбы и пристрастія къ тѣмъ лицамъ, которымъ угрожаетъ опасность, другіе же не руководятся никакими другими побужденіями, кромѣ благочестиваго ужаса къ къ крови и къ жестокостямъ. Въ каждой изъ этихъ противоположныхъ партій, даже въ томъ случаѣ если нѣтъ предварительнаго соглашенія, однородность желаній создаетъ въ одну минуту согласіе въ дѣйствіяхъ. Массу и матеріалъ для волненія образуютъ люди, случайно сошедшіеся вмѣстѣ и которые представляютъ собою переходы отъ одной къ другой изъ этихъ крайностей; немного горячіе, немного плутоватые, немного склонные къ справедливости, какъ они ее понимаютъ, отчасти желающіе увидѣть что-либо чрезвычайное, они равно способны на жестокость и на милосердіе, смотря по тому, представляется ли случай безнаказанно проявить то или другое изъ этихъ чувствъ; они жадно желаютъ каждую минуту узнать, повѣрить чему-либо великому, они чувствуютъ потребность кричать, апплодировать кому-нибудь, или провожать его угрозами.

«Да здравствуетъ!» и «Смерть ему!»—вотъ слова, которыя они наиболѣе охотно повторяютъ; и если комулибо удалось убѣдить ихъ, что такой-то не заслуживаетъ четвертованія, то ему нѣтъ надобности тратить

еще слова, чтобы убѣдить ихъ, что этого человѣка надо нести на рукахъ съ торжествомъ; они являются дѣйствующими лицами, зрителями, орудіями, препятствіями, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ; они молчатъ, когда не слышатъ больше никакого крика, чтобы повторять его, расходятся, когда нѣсколько голосовъ, которымъ никто не противорѣчитъ, скажутъ: Пойдемъ! и возвращаются домой, спрашивая другъ-друга: «Что это было такое?».

«Такъ какъ эта масса, имѣя силу, можетъ передать ее тому, кому захочетъ, то каждая изъ дѣятельныхъ партій употребляетъ всѣ способы, чтобы привлечь ее на свою сторону: точно двѣ враждебныхъ души борятся, чтобы войти въ это огромное тѣло и двинуть его. Наперерывъ, другъ передъ другомъ стараются распространить слухи для возбужденія страстей, для того, чтобы направлять движеніе въ пользу того или другого намѣренія; наперерывъ другъ передъ другомъ стараются найти новыя обстоятельства, которыя вновь разожгли бы и обострили вражду, пробуждаютъ надежды или возбуждаютъ ужасы».

Въ *Жерминалѣ* Зола являющемся такимъ живымъ описаніемъ новаго человѣческаго общества, которое пробуждается послѣ столькихъ вѣковъ проведенныхъ во мглѣ и страданіяхъ, есть подобная сцена, которая даже является болѣе сильной, такъ какъ переходитъ въ дикое убійство, которое вспыхиваетъ, какъ электрическая искра въ толпѣ рабочихъ стачечниковъ, которые собравшись и двинувшись изъ своихъ домовъ медленной и спокойной толпой, дорогой все болѣе и болѣе возбуждаются, благодаря постоянному соприкосновенію моральному и матеріальному, подобно кускамъ дерева, которые по одиночкѣ не горятъ, но воспламеняются положенныя въ кучу, подобно хлопьямъ несомымъ вихремъ и каплямъ воды въ потокѣ, которые безвредны каждая сама по себѣ, но становятся ужасными, непреодолимыми въ лавинѣ и въ наводненіи,—и доходятъ наконецъ до кроваваго пароксизма: убійства и издѣвательства надъ трупомъ.

Этотъ эпизодъ который Эмиль Зола конечно взялъ изъ хроники стачекъ въ Деказвиллѣ и изъ судебнаго процесса по поводу ихъ, приводится Батайлемъ, ученымъ судебнымъ хроникеромъ въ его Causes criminelles et mondaines de 1886. (Paris 1887 стр. 136) и является документомъ коллективной психологіи, гдѣ искусство вѣрно отражаетъ новыя научныя истины, которыя въ отношеніи того, что касается этихъ дѣйствій преступной толпы и соотвѣтствующихъ имъ юридическихъ заключеній, уже пріобрѣли права гражданства въ залахъ судовъ [26]).

Толпа стачечниковъ приходитъ къ дому Генебо, пройдя нѣсколько километровъ, голодная, раздраженная и возбужденная грабежами и разрушеніями произведенными по пути въ рудникахъ, дошедшая до изступленія.

«Personne n'obéissait plus à Etienne. Les pierres, malgré ses ordres continuaient á grêler et il s'étonnait, il s'effarait devant ces brutes démuselées par lui, si lentes à s'emouvoir, terribles ensuite, d'une tenacité féroce dans la colère. Tout le vieux sang flamand était la lourd et placide, mettant des mois à s'echauffer se jétant aux sauvageries abominables, sans rien entendre, jusqu'a ce que la bête fut soûle d'atrocités. Dans son midi, les foules flambaient plus vite, seulement elles faisaient moins de besogne. Il dut se battre avec Levacque pour lui arracher sa hache, il etait à ne savoir comment retenir les Makee qui lançaient les caillous des deux mains. Et les femmes l'effrayaient, la Levaque, la Mouquette et les autres, agitées d'une fureur meurtrière, les dents et les ongles dehors, aboyantes comme des chiennes sous les excitations de la Brulé, qui les dominait de sa taille maigre. (V часть § 6).

(Переводъ). «Никто больше не слушалъ Этьена. Не-

---

26) См. Sighele *La folla delinqeunte*. II изд. Torino 1895, Sighele e Ferri—Полемика относительно разумности и нравственности толпы въ *cuola positiva*, Сентябрь 1894.—Tarde-*Les crimes des foules* въ его *Essais et melanges sociologiques*. Lyon 1895 Le Bon—*La psychologie des foules* Paris 1895.

смотря на его приказанія, камни продолжали сыпаться градомъ; онъ былъ пораженъ, его пугали эти грубыя животныя, которыхъ онъ-же самъ возбудилъ, они вѣдь такъ медленно воспламенялись, но за то разъ воспламенившись были ужасны въ своемъ упорномъ бѣшенствѣ. Тутъ была видна старая фламандская кровь: они цѣлые мѣсяцы раскачивались, а потомъ за-то уже не знали удержу, совершая ужасныя злодѣянія пока не пьянѣли отъ жестокостей. У него дома, на югѣ, толпа возбуждалась скорѣе, но только она обыкновенно дѣлала меньше зла. Онъ долженъ былъ силой вырвать топоръ у Левакъ онъ не зналъ какъ удержать семью Макэ, которая бросала камни обѣими руками. Женщины: Левакъ, Мукетъ и другія приводили его въ ужасъ; онѣ прямо обезумѣли, лаяли, какъ суки подъ предводительствомъ старой Брюле, возвышавшейся, какъ длинный шестъ надъ толпою».

Главноуправляющій Мегра спасается на крышу, но его настигаютъ и сбрасываютъ сверху на мостовую.

«La cervelle avait jaillit. Il était mort... D'abord ce fut une stupeur. Etienne s'était arrêté, la hâche glissée des poings. Maheu, Levacqene, tous les autres, oubliaiut la boutique, les yeux tournés vers le mur, où coulait lentement le mince filet roune. Et les cris avaient cessé, un silence s'élargissait dans l'ombre croissante.

«Tout de suite les huées recommencerent. C'étaient les femmes qui se précipitaient, prises de l'ivresse du sang—Il y a donc un bon Dieu! Ah, cochon c'est fini!— Elles entouraient le cadavre encore chaud, elles l'insultaient avec des rires, traitant de sale gueule sa tête fracassée. hurlant à la face de la mort la longue rancune de leur vie sans pain — «Je te devais soixante francs: te voila payé, voleur!—dit la Maheu,—attends! attends! Il faut que je t'engrasse encore!» — De ses dix doigts elle grattait la terre, elle en prit deux poignées, dont elle lui emplit la bouche, violemment:—«Tiens, mange donc!... Tiens! mange, toi qui nous mangeais».

«Les injures redoublèrent, pendant que le mort, etendu sur le dos, regardait immobile de ses grands yeux

fixes, le ciel immense d'où tombait la nuit. Cette terre, tassée dans sa bouche, c'etait le pain qu'il avait refusé. Et il ne mangeait plus ce pain-la, maintenant. Ça ne lui avait guère porté bouheur d'affamer le pauvre monde!

Mais les femmes avaient à tirer de lui d'autres vengeances. Elles tournaient en le flairant, pareilles á des louves. Toutes cherchaient un outrage, une sauvagerie qui les soulagêat. On entendit la voix aigre, de la Brulé: «Faut le couper comme un matou!»—«Oui! Oui! au chat! au chat!» Déja la Mouquette le deculottait, tirait le pantalon tandis que la Levaque soulevait les jambes. Et la Brulé de ses mains sèches de vielle écarta les cuisses nues, empoigna cette virilité morte. Elle tenait tout, arrachant avec un effort qui tendait sa maigre échine et faisait craquer les grands bras. Les peaux molles resistaient, elle dut s'y reprendre, elle finit par emporter le lambeau, un paquet de chair velue et sanglante qu'elle agita avec un rire de triomphe: Je l'ai, je l'ai»!

«Des voix aiguèes saluerent d' imprecations l'abominable trophèe. Les femmes se moutraient le lambeau sanglant, comme une bête mauvaise, dont chacune eu à souffrir, et qu'elles venaient d'écraser eufin,, qu'elles voyaient la, inerte, en leur pouvoir. Elles crachaient dessus, elles avançaient leurs machoires, en répétant, dans un firieux éclat de mépris:—«Il ne peut plus! Ce n'est plus un homme qu'on va foutre dans la terre!»

«La Brulé alors, planta tout le paquet au bout de bâton, et, en le portaut en l'air, le promenait ainsi qu'un drapeau, elle se lança sur la route, cuivie de la débandade hurlaute des femmes. Des gouttes de sang pleuvaient: cette chair lamentable pendait comme un déchet de viande á l'étal d'un boucher»... (Часть V, въ концѣ).

(Переводъ). «Мозгъ брызнулъ... Онъ былъ мертвъ. Сначала всѣ были ошеломлены. Этьенъ остановился и топоръ выскользнулъ у него изъ рукъ. Маге, Левакъ и другіе прекратили разгромъ лавки и смотрѣли туда гдѣ около стѣны медленно текла струйка крови... Начинало смеркаться. Вдругъ крики и ругательства возобновились.

Это женщины тѣснились около трупа, опьяненныя жаждою крови.—Ахъ, такъ еще есть Богъ на небѣ! Ну, свинья, теперь конецъ тебѣ! – Онѣ окружали еще теплый трупъ онѣ глумились надъ нимъ, называя грязной пастью его проломленную голову; долгое озлобленіе ихъ голодной жизни все вылилось здѣсь.—Я тебѣ была должна шестьдесятъ франковъ: ты получишь свое,—сказала Маге— «погоди надо еще тебя попотчивать». — И она обѣими руками захватила полныя пригоршни земли и набила ему ротъ:—«Вотъ ѣшь, ѣшь, ты который насъ ѣлъ».

«Брань усилилась, а мертвецъ лежалъ на спинѣ, глядя неподвижными широко раскрытыми глазами на темнѣющее небо. Эта земля которой былъ набитъ его ротъ это былъ хлѣбъ, въ которомъ онъ отказывалъ другимъ Онъ больше не могъ ѣсть этого хлѣба; то, что онъ морилъ голодомъ бѣдныхъ людей не принесло ему счастья. Но женщины хотѣли еще иначе отомстить ему. Онѣ ходили вокругъ трупа, какъ волчицы. Каждая старалась какой либо дикой выходкой облегчить себя. Раздался рѣзкій голосъ старой Брюле: «Надо его выложить, какъ кота!»—«Да! Да! выложить! выложить!» Мукетъ стала быстро растегивать ему брюки и стаскивать ихъ, а въ это время Левакъ приподнимала его ноги, а Брюле своими сухими старыми руками раздвинула его голыя ляшки и схватила его за половые органы. Она держала ихъ въ рукахъ и старалась оторвать, напрягая свою худую спину. Мягкая кожа не поддавалась, она должна была начать снова, но въ концѣ концовъ она оторвала кусокъ окровавленнаго и обросшую волосами мяса, которымъ она съ торжествующимъ смѣхомъ помахала въ воздухѣ: «Вотъ онъ у меня тутъ!»

«Пронзительные голоса привѣтствовали ругательствами ужасный трофей. Женщины указывали другъ другу на этотъ окровавленый кусокъ мяса, какъ на вредное животное, отъ котораго онѣ всѣ страдали и которое наконецъ удалось убить, которое они видѣли неподвижнымъ и въ своей власти, они плевали на него и со злобнымъ смѣхомъ повторяли: «Онъ больше не можетъ! Онъ больше

не можетъ!» «Въ землю закопаютъ уже не мущину!» Брюле воткнула этотъ кусокъ мяса на палку и держа ее высоко надъ головой, какъ знамя, бросилась на дорогу, а за ней бросиласъ безпорядочная, завывающая толпа женщинъ. Капала кровь, и этотъ кусокъ мяса висѣлъ какъ оставшаяся говядина въ мясной лавкѣ».

Романъ Зола, о которомъ онъ самъ говоритъ, что какъ мысль такъ и документы взяты были имъ изъ Homo delinquente-Ломброзо, а фабула изъ процесса супруговъ Фенайру, романъ являющійся однимъ изъ новѣйшихъ документовъ солидарности между искусствомъ и наукой—это *Человѣкъ-звѣрь*. Главное дѣйствущее лицо этого романа, Жакъ Лантье является настоящимъ типомъ прирожденнаго преступника, эпилептика, съ припадками некрофиліи (полового извращенія надъ трупами). Когда появился романъ Зола (которому недостаетъ болѣе полнаго личнаго непосредственнаго наблюденія надъ преступниками) научная критика занялась имъ также какъ и критика художественная; упомяну здѣсь статью Ломброзо «La bête humaine et l'antropologia criminale» въ Fanfulla della domenica 15 Іюня 1890. и статью Héricourt «La bête humaine de M. Zola et la physiologie du criminel» La Revue Bleue 7 Іюня 1890.

Вотъ что говоритъ объ этомъ романѣ творецъ криминальной антропологіи:

«Зола, который прекрасно изобразилъ народъ отравляемый алкоголемъ и также очень хорошо изобразилъ мелкую буржуазію городскую и деревенскую, по моему не изучалъ преступниковъ въ натурѣ; этихъ послѣднихъ не такъ то легко найти, да и въ тюрьмѣ они не легко поддаются наблюденіямъ, развѣ только тотъ можетъ въ этомъ успѣть, кто какъ Ферри и Марро, изучаетъ ихъ цѣлые годы. Фигуры преступниковъ выводимыя Зола производятъ на меня впечатлѣніе чего то блѣднаго, фальшиваго, какъ фотографіи снятыя съ портретовъ масляными красками, а не съ натуры.

«Я изучилъ тысячи преступниковъ, но не знаю куда

отнести Рубо, хорошаго служаку, хорошаго мужа, но который, узнавъ случайно объ томъ, что за его женою до брака ухаживало очень усердно одно вліятельное въ судебномъ мірѣ лицо, (причемъ даже ничего серьезнаго между ними не было) бросается на жену и готовъ ее убить, но затѣмъ рѣшается на убійство псевдо-любовника, настоявъ на томъ, чтобы жена въ этомъ участвовала.

«Настоящая bête humaine, Жакъ Лантье, прирожденный преступникъ, имѣетъ нѣкоторые анатомическіе признаки этого типа, въ особенности огромную челюсть. Его преступныя наклонности объясняются вырожденіемъ и алкоголизмомъ его предковъ; вѣрна дѣйствительности страсть къ убійству, которой смѣняется у него страсть половая и которая пробуждается въ немъ при видѣ свѣжаго тѣла молодой женщины. Авторъ сдѣлалъ однако ошибку: въ дѣйствительности эти несчастные испытываютъ половое наслажденіе, не иначе какъ убивая женщину, между тѣмъ Жакъ, покрайней мѣрѣ съ Севериной, женщиной которую онъ убилъ, испытывалъ долгое время полное удовлетвореніе своихъ половыхъ потребностей. Обыкновенно-же одно исключаетъ другое; такъ по крайней мѣрѣ было въ тѣхъ случаяхъ, которые мнѣ извѣстны и которые наблюдались также Крафтомъ Эбингомъ.

«Совершенно вѣрны дѣйствительности и самымъ послѣднимъ изслѣдованіямъ тѣ эпилептическія головокруженія и потеря памяти, которыя случаются съ Жакомъ два или три раза.

— Онъ смотрѣлъ на Северину лежавшую полуобнаженной на кровати, какъ будто не узнавая ее; онъ сохранялъ въ воображеніи ея образъ, даже когда управлялъ локомотивомъ: такъ одинъ разъ онъ точно проснулся въ тотъ моментъ, когда на всѣхъ парахъ проѣзжалъ мимо станціи, не смотря на сигналы.

— Однажды онъ почувствовалъ въ себѣ такое желаніе нанести ударъ острымъ оружіемъ, что бросился изъ кровати какъ пьяный и снова упалъ (припадокъ) и комната казалась ему полной краснымъ туманомъ, а когда онъ

вышелъ изъ комнаты, то это былъ не онъ, который шелъ, а другой, тотъ неизвѣстный, котораго онъ уже ощущалъ въ своей груди сжимаемой наслѣдственною жаждою крови.

— Всѣ предметы вокругъ себя онъ видѣлъ какъ во снѣ, его обыденная жизнь точно изчезла, его личность отсутствовала, бродила какъ лунатикъ, не помня прошедшаго, не предвидя будущаго. Полный потребности убить, онъ преслѣдуетъ двухъ женщинъ съ цѣлью убійства, попадаетъ самъ не зная какъ на берегъ Сены и не знаетъ, что онъ дѣлалъ за это время; единственная вещь, которую онъ помнитъ, это то, что бросилъ ножъ; онъ должно быть бродилъ долгое время; дома и люди казались ему блѣдными призраками; онъ вошелъ куда то поѣсть, потому что вспомнилъ бѣлую посуду и красную вывѣску и все это погружалось въ черную бездну, гдѣ онъ лежалъ безъ движенія можетъ быть цѣлые вѣка. Когда онъ очнулся, то былъ въ своей комнатѣ, куда пришелъ инстинктивно, какъ собака, въ свою будку. Онъ просыпался отъ тяжелаго сна, который длился можетъ быть нѣсколько часовъ, можетъ быть нѣсколько дней, и вдругъ память къ нему снова возвращалась.

«Я никогда не встрѣчалъ болѣе совершеннаго описанія, чѣмъ только что приведенное: я называю такое состояніе преступнымъ эпилептическимъ припадкомъ.

«Но и здѣсь есть ошибки происходящія отъ неудачныхъ попытокъ дать научное основаніе своимъ художественнымъ образомъ; авторъ во многихъ мѣстахъ объясняетъ эти кровожадные половые инстинкты атавизмомъ, а именно потребностью отмщенія за тѣ мученія какія доисторическія женщины приносили пещерному человѣку.

«Здѣсь мы встрѣчаемся съ фактической ошибкой. Женщины доисторическаго періода не могли мучитъ мущинъ; онѣ были болѣе слабыми, а потому были жертвами; эти кровожадные половые инстинкты объясняются совершенно иначе, другимъ видомъ атавизма, который восходитъ до низшихъ животныхъ и проявляется въ

борьбѣ за самку, которая достается сильнѣйшему; это объясняется ранами, которыя нерѣдко наносились самой женщинѣ, чтобы покорить ее; это объясняется рабствомъ женщины; еще и въ наши дни пережитки этой борьбы мы находимъ въ римской исторіи (похищеніе сабинянокъ и въ свадебныхъ обычаяхъ нѣкоторыхъ современныхъ) народовъ, гдѣ въ день свадьбы, женихъ дѣлаетъ мнимое похищеніе невѣсты изъ отцовскаго дома. Долженъ прибавить, что встрѣчается и другая техническая неточность: дегенератъ эпилептикъ, какимъ былъ Жакъ, долженъ былъ имѣть другіе недостатки, а именно: странную и импульсивную необузданность характера, безпричинную раздражительность, глубокую безнравственность; между тѣмъ Жакъ является человѣкомъ честнымъ, за исключеніемъ тѣхъ моментовъ свирѣпости, какіе на него находятъ.

«Принимая во вниманіе кровожадную мономанію Жака, нахожу совершенно вѣрнымъ дѣйствительности то инстинктивное отвращеніе, какое онъ испытываетъ къ убійству другихъ, (но не къ убійству молодой и красивой женщины), къ убійству Рубо, несмотря на представляющіеся случаи и подстрекательства Северины.

— Убить этого человѣка: да развѣ онъ имѣлъ на это право?

«Когда муха ему мѣшала, онъ ее давилъ же... Но затѣмъ чувствовалъ, что не могъ убить его; ему это казалось чудовищнымъ, невозможнымъ; въ немъ возмущался цивилизованный человѣкъ, благодаря полученному воспитанію и медленному наслоенію унаслѣдованныхъ идей; его добросовѣстность съ ужасомъ отталкивала мысль о преступленіи; убить по необходимости, въ бѣшенствѣ, да, но убить обдуманно по разсчету, нѣтъ этого онъ не могъ бы: И когда готовъ уже сдѣлать — отступаетъ.

— Разсуждая онъ никогда бы не убилъ; ему нужно было броситься инстинктивно, скачкомъ, съ которымъ бросаются на добычу.

«Все это совершенно вѣрно. Въ общемъ есть много ошибокъ, но многія изъ тѣхъ чертъ, изъ которыхъ

слагается характеръ подмѣчены вѣрно, но психіатръ не можетъ не видѣть здѣсь недостатки очень значительные, гораздо большіе нежели достоинства.

Уловленъ вѣрно и, конечно, взятъ съ натуры, характеръ Северины, которая является не настоящей преступницей, а только развратной женщиной; она уже въ ранней молодости предавалась грязному разврату; она чувствуетъ любовь только тогда, когда съ ней связано преступленіе, она рано умѣетъ притворяться; со всѣмъ этимъ она хорошая жена, хорошая хозяйка до тѣхъ поръ пока случай не натолкнетъ ее на злое дѣло; она привязана къ мужу и именно поэтому соглашается быть его сообщницей въ убійствѣ безъ всякаго угрызенія совѣсти; потомъ, привязавшись къ Жаку, чувствуетъ въ свою очередь потребность убить мужа и хочетъ чтобы любовникъ сдѣлался убійцею.

— У нея была потребность чтобы Жакъ былъ весь ея; днемъ и ночью она желала никогда не оставлять его. Ненависть къ мужу все увеличивалась; одно присутствіе его приводило ее въ болѣзненное волненіе; она такая кроткая, такая сдержанная, дѣлалась бѣшеной и раздражительной, когда рѣчь шла о мужѣ.

— Даже его спокойное лицо, его разжирѣвшее тѣло ее раздражали. «О! Уѣхать далеко!» Однажды, когда жизнь его находилась въ опасности: онъ чуть не былъ раздавленъ локомотивомъ, она подумала, что случись это — она была-бы счастлива; уѣхала бы въ Америку, начавъ новое существованіе.

— И она, которая прежде сидѣла все больше дома, теперь часто ходила въ портъ смотрѣть на дымящіеся пароходы!

— И въ рѣшительный моментъ она прижимается горячими губами къ губамъ любовника, котораго хочетъ сдѣлать убійцей.

— О! Какъ она любила его, и ненавидѣла другаго! О, если-бы онъ только рѣшился; она и сама-бы это сдѣлала, чтобы избавить его отъ этого ужаса но руки ея были слишкомъ слабы, нужны были руки мущины.

— И этотъ поцѣлуй, который длился вѣчность, вотъ все что она могла передать ему изъ своего мужества, это было полное обладаніе ею, которое она ему обѣщала. Когда она оторвалась отъ его губъ, то ей казалось, что она вся перешла въ него и онъ открылъ ножъ. «Такова женщина преступница, criminaloide, какъ я называю ее; женщина, которая безъ сильной побудительной причины, (а причина всегда любовь) не способна на преступленіе, а если и совершаетъ таковое, то черезъ посредство другого, который почти всегда является любовникомъ, а потому — слабымъ. Анатомическіе признаки тоже не есть признаки прирожденнаго преступника, хотя отличаются отъ признаковъ другихъ женщинъ. У нея были очень черные волосы спадавшіе на лобъ точно каска, длинное лицо, сильный ротъ и большіе глаза цвѣта барвинка» [27]).

Конечно, герои Зола не достигаютъ дантовскаго величія героевъ Достоевскаго, въ которыхъ нельзя отличить психологическія черты прочувствованныя самимъ авторомъ отъ чертъ добавленныхъ его воображеніемъ одухотвореннымъ пониманіемъ истины. Однако изъ-за этого нельзя оспаривать, что Зола внесъ въ искусство дѣйствительную жизнь озаренную свѣтомъ положительной науки; мало того, его произведенія несомнѣнно художественны и если не всегда достигаютъ лучезарныхъ вершинъ геніальности, то во всякомъ случаѣ стоятъ гораздо выше и являются несравненно болѣе сильными нежели истерическія кривлянья, или безумныя галюцинаціи того искусства, которое стремится вновь погрузить общественное сознаніе въ туманъ мистицизма.

Зола въ La Bête humaine впервые внесъ въ литературу патологическую фигуру прирожденнаго преступника, взамѣнъ уже часто выводившихся до него фигуръ

---

[27]) Lombroso—*Le piú recenti scoperte e applicazioni dell'Antropologia criminale.* Torino 1893. стр. 357.

Герикуръ въ сущности дѣлаетъ тѣ же замѣчанія, приходя къ выводу, что Зола по большей части бралъ художественные типы преступниковъ изъ жизни и что они отвѣчаютъ даннымъ научной физіо-психологіи.

преступника сумасшедшаго и преступника по страсти (въ изображеніи которыхъ Шекспиръ и Достоевскій одинаково велики).

Интересно будетъ сравнить этого романиста-натуралиста съ новѣйшимъ представителемъ спиритуализма въ «психологическомъ романѣ»—Полемъ Бурже. Поль Бурже хорошо знакомый съ экспериментальной наукой, въ нѣкоторыхъ своихъ романахъ пользуется выводами нормальной антропологіи и антропологіи преступнаго человѣка.

Начнемъ съ Cosmopolis, гдѣ Бурже въ предисловіи и эпилогѣ ясно признаетъ это положеніе антропологіи, а именно: что несмотря на одну и ту же общественную *среду*, въ которой находится праздная толпа «космополитовъ», чувства и поступки этихъ послѣднихъ всегда носятъ на себѣ отпечатокъ расы, къ которой они принадлежатъ.

А такъ какъ раса для народа все равно, что темпераментъ для индивидуума, то легко видѣть что положенія развиваемыя въ Cosmopolis, совпадаютъ съ главнѣйшими выводами криминальной соціологіи, что преступленіе есть явленіе опредѣляемое не только условіями общественной среды, но также и въ общемъ условіями біологическими.

Самъ Бурже говоритъ въ эпилогѣ, что каждое дѣйствующее лицо романа Cosmopolis поступаетъ сообразно своей расѣ и своему темпераменту.

«Графиня Стено обращалась со своими любовниками, какъ венеціанки временъ Аретино; Шапронъ со всѣмъ слѣпымъ самоотверженіемъ потомка угнетенной расы... Горка былъ храбръ и безуменъ, какъ вся Польша, а его жена неутомима и строга, какъ вся Англія. Въ Мэтлэндъ—энергія и холодность Америки. Но и помимо этого заключенія, которое не принадлежитъ къ лучшимъ у Бурже, онъ и во многихъ подробностяхъ объясняетъ прекрасно и научно образъ дѣйствій того или другаго изъ своихъ героевъ.

Такъ, напримѣръ, о молодой Фанни Хафнеръ онъ

говоритъ, что «хотя она и была протестанткой, но еврейскаго происхожденія, то есть происходила изъ гонимой расы, въ которой наряду съ пороками отверженныхъ народовъ развились также и соотвѣтствующія добродѣтели. Это есть проявленіе въ насъ кого-либо изъ нашихъ предковъ за сто, тысячу лѣтъ».

Атавизмомъ и біологической наслѣдственностью объясняются многія дѣйствія въ романѣ, какъ напримѣръ самоубійство Альбы, которая была въ дѣйствительности дочерью Верекіева, кончившаго также самоубійствомъ; да и весь романъ построенъ на признаніи выводовъ Якоби относительно половаго подбора, по которому осуждены на вырожденіе всѣ тѣ, кто имѣетъ монополію власти, богатства или генія; вотъ что говоритъ Бурже. «эти космополиты почти всегда являются fins de race, пожирателями наслѣдслѣдства силъ собранныхъ другими, мотами біологическаго богатства, которымъ они пользуются слишкомъ широко, не увеличивая его».

Бурже, хотя и спиритуалистъ, одинако-же признаетъ даже очень спорныя положенія криминальной антропологіи, какими являются физическіе признаки отдѣльныхъ личностей и черты ихъ лица въ связи съ ихъ нравственными и умственными качествами.

На стр. 275 онъ говоритъ о рукахъ Лидіи Мэтлэндъ, похитительницѣ писемъ, которая отворяетъ замки и пишетъ анонимныя письма, причемъ описываетъ ихъ такъ: онѣ походили на руки обезьяны до такой степени пальцы ихъ были гибки, почти безъ сочлененій и немного длинны...» совершенно какъ руки преступниковъ: длинныя и похожія на обезьяньи у прирожденныхъ воровъ, короткія и тяжелыя у наслѣдственныхъ убійцъ. На страницѣ 290, опять же говоря о Лидіи Мэтлэндъ, онъ отмѣчаетъ еще одинъ признакъ, уже отмѣченный Дарвиномъ и Ломброзо, признакъ благодаря которому я въ исправительномъ заведеніи въ Тиволи узналъ единственнаго ребенка-убійцу находившагося тамъ: «Улыбка жестокая, открывающая зубы (собачьи) по сторонамъ (а точнѣе съ одной стороны) рта».

Бурже дѣлаетъ также нѣкоторыя вполнѣ точныя

указанія изъ психо-патологической области, когда напр. на страницѣ 451, говоритъ объ «ясномъ сомнамбулизмѣ нѣкоторыхъ преступниковъ», и видитъ его въ душевномъ состояніи Альбы Стено, которая чувствуетъ, что у нея въ крови просыпается инстинктъ самоубійцы.

Но какъ-бы то ни было, а со стороны психологіи у автора Cosmopolis можно отмѣтить единственную ошибку. По правдѣ сказать, многіе смѣшиваютъ психологію обыкновенныхъ людей съ психологіей преступниковъ и полагаютъ, что въ первой дѣйствуютъ тѣ же законы, наблюдаются тѣ-же симптомы, что и во второй: каждый честный человѣкъ судитъ о чувствахъ преступниковъ по своимъ собственнымъ чувствамъ, но въ дѣйствительности между ними есть разница.

Примѣры этого ошибочнаго сужденія я уже приводилъ, говоря о критическомъ очеркѣ Графа объ Отелло и о томъ разсужденіи, которое Расинъ вкладываетъ въ уста Ипполита, защищающагося отъ обвиненія въ кровосмѣсительствѣ съ Федрой.

Бурже очень силенъ въ анализѣ, или лучше сказать, въ *описаніи* обыкновенной психологіи, но въ психологіи преступниковъ далеко не такъ силенъ.

Въ Cosmopolis на стр. 271 онъ повторяетъ обычное утвержденіе общей психологіи, что «также и преступленіе имѣетъ свои законы развитія», для того чтобы сказать, что въ человѣка не обнаруживается внезапно наклонность къ тяжкому преступленію, но что существуетъ та «преступная карьера», которая послѣ Фариначіо сдѣлалась ходячей судебной фразой и которая, скажу еще разъ, правдоподобна, но не отвѣчаетъ дѣйствительности.

Въ дѣйствительности же по изслѣдованіямъ позитивной школы, если и существуютъ преступники по привычкѣ, которые въ дѣйствительности начинаютъ съ малыхъ проступковъ (безпризорное дѣтство) и доходятъ до хронической преступности, то существуютъ и преступники по наслѣдственной склонности; они являются наиболѣе опасными и уже съ дѣтства выказываютъ свои

наклонности, совершая сразу самыя ужасныя преступленія. Такимъ образомъ сумасшествіе и самоубійство, которыя вмѣстѣ съ преступленіемъ составляютъ печальную тріаду нравственныхъ болѣзней, могутъ развиваться въ зрѣломъ возрастѣ или благодаря злоупотребленію наслажденіями, или же благодаря тревогамъ борьбы за существованіе, но часто они появляются и въ дѣтяхъ, не благодаря вышеназваннымъ причинамъ, а благодаря наслѣдственности.

Несмотря на эти недостатки, слѣдуетъ радоваться, что новая наука такъ точно отражена въ художественныхъ образахъ Cosmopolis, тѣмъ болѣе, что Бурже спиритуалистъ, подобно Фогаццаро и принадлежитъ къ тѣмъ вѣрующимъ, которые не отрицаютъ положеній позитивной науки, а стараются доказать, что онѣ вполнѣ согласны съ религіозными вѣрованіями. На третьемъ международномъ конгрессѣ по криминальной антропологіи бывшемъ въ Брюсселѣ въ 1892 году однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ новой науки былъ священникъ Де-Бетсъ (De-Baets). Это можно объяснить также, какъ замѣчаетъ Ванъ-Гамель, и вліяніемъ папы (Льва XIII). Дѣйствительно этотъ послѣдній обладалъ умомъ тонкимъ и яснымъ, хотя и допустилъ Брюнетьера написать знаменитый памфлетъ о «банкротствѣ науки», который если и имѣетъ смыслъ то только въ видѣ предостереженія господствующимъ классамъ, что молъ въ ихъ интересахъ возвратиться въ лоно церкви, какъ будто такимъ образомъ можно помѣшать логическому и практическому развитію самосознанія въ современномъ обществѣ; папа однако объявилъ, что онъ вовсе не желаетъ отрицать (да развѣ это было бы возможно въ наши времена... лучей Рентгена) удивительныхъ завоеваній научной мысли; онъ очень хорошо видѣлъ, что если-бы церковь продолжала отрицать и предавать анаѳемѣ научныя открытія, то это было-бы хуже для нея же самой; она очутилась бы въ положеніи греческаго софиста, отрицавшаго движеніе, когда его противникъ вмѣсто доказательства сталъ ходить взадъ и впередъ.

Мы имѣемъ въ двухъ другихъ романахъ Поля Бурже André Cornélis и Disciple, лучшее описаніе двухъ псевдо-преступниковъ.

Фабула André Cornélis, которую по словамъ Бурже онъ взялъ изъ одного судебнаго процесса, есть повтореніе Гамлета: одинъ юноша мучимъ подозрѣніями и желаетъ удостовѣриться въ томъ, кто убилъ его отца; послѣ долгихъ разслѣдованій онъ наконецъ убѣждается, что убійца—второй мужъ его матери и тогда, несмотря ни на что, кровью мститъ за убійство отца. Здѣсь есть только одинъ варіантъ, который является новымъ документомъ въ постоянной замѣнѣ «эволютивной преступности», или преступности «интелектуальной», какъ сказалъ-бы Гульельмо Ферреро, «преступностью атавической» или мускульной. Типичный примѣръ этой замѣны видимъ въ Innocente (Невинный) Д'Аннунціо. Гамлетъ убиваетъ самъ вотчима убійцу, тогда какъ André Cornélis заставляетъ своего вотчима покончить самоубійствомъ въ своемъ присутствіи. Однако же главныя дѣйствующія лица въ этихъ двухъ произведеніяхъ совершенно различны по характеру. Гамлетъ, какъ мы уже видѣли есть великолѣпный образчикъ преступника сумасшедшаго въ ясной формѣ, тогда какъ Андре Корнелисъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, кого антропологическая школа называетъ псевдо-преступниками. Это люди нормальные, которые совершаютъ дѣйствіе преступное въ смыслѣ матеріальномъ, но не моральномъ таковъ Жанъ Вальжанъ въ Misérables, который крадетъ хлѣбъ, чтобы не умереть съ голоду, таковъ Андре Корнелисъ заставляющій убійцу стать самоубійцей. Все обстоятельное психологическое описаніе сомнѣній, волненій, колебаній и борьбы происходящихъ въ душѣ Андре Корнелисъ относится въ сущности не къ криминальной психологіи, а остается на почвѣ нормальной психологіи, какъ бы ни были исключительны обстоятельства и событія.

Относительно Поля Бурже, какъ психолога, надо замѣтить слѣдующее: онъ не выходитъ изъ предѣловъ обыкновенной психологіи даже и въ томъ случаѣ, когда

намѣренъ дать психологію преступнаго міра, онъ только отражаетъ въ своихъ герояхъ тотъ анализъ чувствъ и ощущеній, который онъ умѣетъ тонко производить на самомъ себѣ; онъ не идетъ слѣдовательно дальше обычной проекціи субъективныхъ и нормальныхъ чувствъ души совершенно не похожей на душу преступника и ненормальнаго человѣка. Криминальная психологія требуетъ не только изслѣдованія своего собственнаго внутренняго міра, но и наблюденія надъ душою преступника, какъ въ общественной жизни, такъ и въ клиникѣ для душевно-больныхъ и въ тюрьмѣ.

Вотъ почему Достоевскій среди художниковъ является Данте криминальной психологіи, не только когда изображаетъ непостредственно «мертвый домъ,» гдѣ онъ самъ жилъ нѣсколько лѣтъ, но и въ томъ случаѣ, когда рисуетъ шекспировскій образъ Раскольникова въ *Преступленіи и Наказаніи*. Здѣсь онъ пользуется своимъ опытомъ въ клиникѣ преступности для того, чтобы изобразить типъ преступника съ натуралистической правдой; этотъ опытъ служитъ ему главнымъ образомъ для того, чтобы на почвѣ чистой психологіи преступника пойти дальше поверхностнаго чисто, симптоматическаго описанія и дойти до глубокихъ корней опредѣленія волевыхъ стимуловъ; онъ идетъ отъ инстинктивныхъ проблесковъ вырождившагося ума до ихъ точнаго, но импульсивнаго и почти автоматическаго выраженія въ мускульныхъ дѣйствіяхъ.

Итакъ, второе замѣчаніе, которое можно сдѣлать относительно столь воспѣтой психологической тонкости Бурже, а также о его болѣе или менѣе счастливыхъ подражателяхъ, сводится къ слѣдующему: онъ въ искусствѣ дѣлаетъ то, что въ наукѣ дѣлаютъ почти всѣ, какъ болѣе легкое: психологію *описательную*, которую я при изученіи души убійцъ, различаю отъ психологіи *генетической*. Первая ограничивается описаніемъ (хотя это описаніе и бываетъ проникнуто тонкимъ и подробнымъ анализомъ, но въ литературѣ часто уже съ излишними подробностями) второстепенныхъ при-

знаковъ, поверхностныхъ проявленій дѣятельности человѣческаго ума, какъ это именно и дѣлаетъ Бурже въ разбираемомъ романѣ. Между тѣмъ, какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ важно подмѣтить тѣ первичныя, болѣе глубокія состоянія души, которыя едва выходятъ изъ темнаго царства безсознательнаго и подходятъ къ тому, что психологія называетъ «порогомъ сознанія», и затѣмъ изъ сумерекъ неясныхъ желаній доходятъ до сознательнаго проявленія воли и, если нервная система біологически испорчена, или не развита или же находится въ состояніи вырожденія, то благодаря недостатку или отсутствію задерживающей силы разсудка и при благопріятныхъ условіяхъ среды — до внѣшнихъ и мускульныхъ импульсовъ.

Такъ дѣло обстоитъ и въ наукѣ являющейся противоположностью психологіи—въ анатоміи.

До Дарвина обыкновенно ограничивались относительной анатоміей органовъ и тканей. Несомнѣнно это тоже наблюденія необходимыя и жизненныя, но ихъ недостаточно. Недостаточно также и «сравнительной анатоміи» между животными и человѣкомъ, которая проникаетъ немного въ тайны жизни, но все еще является анатоміей описательной.

Нужна анатомія генетическая, которая сравнивала бы различныя фазы развитія человѣка съ соотвѣтствующими фазами развитія различныхъ животныхъ и разсматривала-бы при этомъ первичныя, эмбріональныя формы даннаго органа, который мы видимъ у взрослаго человѣка такимъ сложнымъ, точнымъ и развитымъ, что не будь вѣрнаго путеводителя въ развитіи этого органа отъ простѣйшихъ животныхъ до человѣка, то никогда нельзя было бы подумать, что онъ развился изъ зачаточнаго органа какого-либо нѣжнаго животнаго.

Микроскопическая точка, которую едва-едва можно различить въ сѣрой и однообразной массѣ простѣйшаго животнаго становится, постепенно поднимаясь по лѣстницѣ живыхъ существъ, тѣмъ удивительнымъ физіологическимъ и психическимъ механизмомъ, какимъ является

человѣческій глазъ, въ которомъ математическая точность оптическихъ законовъ и ихъ орудій, воспринимаетъ и отражаетъ самыя различныя состоянія духа, такъ что недаромъ на основаніи стараго опыта глазъ называютъ «зеркаломъ души».

Нравственная анатомія вещь очень трудная, но и здѣсь надо слѣдовать той же научной необходимости и описывать не только существующіе симптомы душевнаго состоянія въ разные моменты, но и разыскивать самые отдѣленные его зачатки въ различныхъ психологическихъ наслоеніяхъ, которыя накопляются въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, благодаря наслѣдственной передачѣ отъ безконечнаго ряда поколѣній, поколѣній давно угасшихъ, но которыя живутъ въ насъ, какъ мы будемъ вѣчно жить въ душѣ нашихъ отдаленнѣйшихъ потомковъ съ неуловимой, но непреодолимой силой безсознательнаго запечатлѣннаго въ органической плазмѣ каждаго живаго существа. Такъ свѣтлый лучъ много тысячъ лѣтъ назадъ брошенный какой-либо звѣздою уже угасшей нынѣ, даетъ и теперь жизнь этой звѣздѣ въ усталомъ и довѣрчивомъ взорѣ человѣка, который иногда въ звѣздномъ небѣ ищетъ забвенія отъ земныхъ заботъ...

Этой то генетической психологіи и не хватаетъ въ произведеніяхъ Бурже, которыя всѣ изукрашены тонкими, изящными, порою свѣтлыми психологическими арабесками, но которые всегда вышиты только на поверхности души человѣческой.

То-же я долженъ сказать и объ романѣ Le Disciple, въ которомъ помимо психологическаго анализа, проглядываетъ намѣреніе возобновить старое обвиненіе науки въ томъ, что она является источникомъ зла и безнравственности на землѣ.

Это вертится безконечное колесо. Изъ мрачнаго, истерическаго мистицизма Среднихъ Вѣковъ человѣчество воскресло, сіяя вѣчной красотой, и ища въ «возрожденіи» искусствъ и наукъ убѣгающаго счастья жизни. И этотъ молодой порывъ дошелъ до насъ среди потря-

сеній революціонныхъ бурь, но вмѣстѣ съ тѣмъ неся и научныя завоеванія, которыя удивительно расширились въ XIX вѣкѣ, благодаря плодотворному позитивному методу и живительной атмосферѣ свободной мысли.

И вотъ теперь то, когда это «возрожденіе» науки ведетъ за собою уже начинающееся «возрожденіе» жизни, требующее воздуха, свѣта и земли для всѣхъ людей, находятся такіе, которые думаютъ, что возвращеніе къ мрачному, истерическому средневѣковому мистицизму (полному безнравственности и безчисленныхъ преступленій) можетъ остановить роковой ходъ исторіи...

Здѣсь то и лежитъ причина того, что науку снова начинаютъ обвинять въ порожденіи нравственнаго кризиса и въ пагубномъ вліяніи на всѣхъ менѣе уравновѣшенныхъ и менѣе устойчивыхъ людей; но неуравновѣшенные и слабые люди испытываютъ пагубное вліяніе не науки, а общественнаго кризиса и являются такими же неизбѣжными спутниками этого кризиса, какъ плѣсень и черви при разложеніи тѣлъ; вѣдь не фонарю же освѣщающему, этихъ червей и эту плѣсень мы приписываемъ ихъ существованіе, а органическому разложенію, которое во всякомъ случаѣ является началомъ новыхъ жизненныхъ формъ.

«*Ученикъ*» это юноша изучающій физіопсихологію, поклонникъ Адріена Сикста, автора сочиненій объ *анатоміи воли* и о *психологіи божества*; этотъ юноша поступаетъ въ качествѣ гувернера въ аристократическое семейство и встрѣчаетъ тамъ молодую дѣвушку, надъ которой намѣревается производить «психологическіе опыты любви». Она — простодушная, анемичная, впечатлительная, тайно въ него влюбляется, затѣмъ когда видитъ, что бракъ ихъ невозможенъ, то сама торопитъ со свадьбой съ другимъ, своимъ женихомъ аристократомъ; наканунѣ этой свадьбы назначаетъ послѣднее свиданіе этому гувернеру, тотъ говоритъ о самоубійствѣ, она вдругъ чувствуетъ также стремленіе къ самоубійству и хочетъ умереть вмѣстѣ въ моментъ высшаго экстаза и отдается

ему вполнѣ; но вмѣстѣ съ эротическимъ бредомъ у «ученика» исчезаетъ и мысль о самоубійствѣ и онъ отказывается отъ яда; она клеймитъ его именемъ подлеца и принимаетъ ядъ, раскрывъ все своему брату.

Робертъ Грелу «ученикъ» обвиняется въ убійствѣ и его готовы осудить, когда братъ самоубійцы открываетъ на судѣ причину загадочной смерти сестры и тѣмъ спасаетъ Грелу, отъ обвиненія въ матеріальномъ убійствѣ несчастной дѣвушки. Но этотъ же братъ, считая Грелу нравственнымъ виновникомъ убійства, черезъ нѣсколько часовъ послѣ оправданія убиваетъ его, подчиняясь древнему атавистическому дикому предразсудку, будто бы, убивая человѣка «совершаетъ правосудіе».

Почти весь романъ изложенъ въ видѣ автобіографіи, которую Робертъ Грелу посылаетъ изъ тюрьмы своему учителю Адріену Сиксту; этотъ документъ является обыкновеннымъ психологическимъ изслѣдованіемъ не переходящимъ границы обыкновенной чисто описательной психологіи.

Художественное вдохновеніе для созданія этого романа было почерпнуто Бурже изъ громкаго процесса нѣкоего Шатбиджа, истеричнаго студента, дегенерата высшаго порядка, который въ 1888 году убилъ одну даму хорошаго общества, счастливую супругу и примѣрную мать, но невропатку и склонную къ гипнотизму, которая внезапно влюбилась въ Шатбиджа и отправилась однажды къ нему на домъ; послѣ эротическаго экстаза онъ убилъ ее изъ револьвера и пытался застрѣлиться и самъ, но неудачно; былъ приговоренъ къ 8 годамъ каторжныхъ работъ. Онъ написалъ автобіографическія записки, гдѣ старается анализировать свою физіологическую и психическую жизнь.

Въ Disciple кромѣ задачъ художественныхъ имѣется въ виду и полемика противъ положительной науки. Я не могу не привести отвѣта, который былъ данъ Шарлемъ Рише въ Revue scientifique.

«Мы не имѣемъ въ виду изучать ни литературную ни романическую часть романа Disciple».

«Насъ интересуетъ одно: каково было участіе философа Сикста, учителя Грелу въ преступленіи совершенномъ его ученикомъ. До какой степени старый и честный ученый, написавшій книгу объ *анатоміи воли* и другую о *психологіи божества* можетъ быть отвѣтственենъ за всѣ подлости, которыя совершитъ Грелу? Достаточно развѣ, чтобы Грелу ссылался на сочиненія учителя, чтобы учитель былъ виноватъ?»

«Бурже не осмѣлился слишкомъ настаивать на этомъ щекотливомъ вопросѣ, и по правдѣ сказать не видно, чтобы онъ имѣлъ на этотъ счетъ ясныя убѣжденія, такъ какъ подчеркиваетъ болѣзненный характеръ своего героя, выставляетъ его маніакомъ и почти порочнымъ человѣкомъ».

«Конечно Адріенъ Сикстъ не виноватъ въ томъ, что Грелу имѣетъ чувственныя наклонности, что онъ лживъ и лицемѣренъ; этотъ послѣдній былъ отъ рожденія существомъ неуравновѣшеннымъ, испорченнымъ, однимъ изъ этихъ *прирожденныхъ* преступниковъ, которые имѣютъ теперь свою *естественную исторію*, благодаря трудамъ итальянскихъ ученыхъ. Но Грелу, въ ранней юности, когда умъ бываетъ открытъ для всѣхъ идей, которыя попадаются на глаза, прочелъ книги Адріена Сикста и весь проникся проводимыми въ нихъ идеями. По выходѣ изъ школы онъ желаетъ тотчасъ-же испробовать идеи Сикста и обольщаетъ дѣвушку».

«Что могло внушить ему такую нездоровую мысль? Быть можетъ книга Сикста объ *анатоміи воли?*»

«Но здѣсь нельзя видѣть вліянія учителя на ученика, потому что, въ какой части своего труда Сикстъ совѣтуетъ обольщать дѣвушку?»

«Странное занятіе изучать любовь ведя къ гибели путемъ лицемѣрія и лжи милую дѣвушку. Сикстъ любовью не занимался; погруженный въ занятія той глубокой психологіей, въ которой любовь играетъ второстепенную роль, Сикстъ никогда не поощрялъ любви. Грелу стало быть, всѣ элементы своего преступленія нашелъ въ себѣ самомъ, а не въ книгахъ Сикста».

«Этотъ маньякъ, не нуждался въ учителѣ, чтобы сдѣлаться преступникомъ. Книга Сикста была для него лишь случаемъ...»

«И читай онъ Бальзака или Стендаля было бы то же самое. Тацитъ и Светоній могли бы быть то же его вдохновителями, если бы онъ не читалъ ничего кромѣ Тацита и Светонія».

«Причемъ же тутъ бѣдный Сикстъ? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ много говорили о нѣкоемъ Шамбиджѣ, дѣло котораго конечно дало идею Бурже. Шамбиджъ помѣшанный какъ и Грелу и, если это еще возможно, болѣе подлый, потому что боится смерти, совершивъ убійство. Несмотря на литературныя познанія Шамбиджа никто никогда не думалъ придавать какое-либо значеніе его словамъ и обвинять въ его преступленіи романистовъ и философовъ, которыхъ онъ изучалъ».

«Вернемся къ Пьеру Грелу; авторъ выражаетъ мысль, что теоріи Сикста побудили его къ преступленію. Но развѣ отвлеченная теорія могла когда-либо управлять увлеченіями страстей? Когда было чтобы религіозная идея остановила-бы дикіе поступки?»

«Пьяница прекрасно знаетъ, что алкоголь ему вреденъ, но когда передъ нимъ будетъ бутылка вина, то онъ станетъ пить. Люди являются рабами страстей, а не отвлеченныхъ идей; явленіе, которое сразу бросается въ глаза это почти полное безсиліе идей въ дѣйствительной жизни. Даже и въ томъ случаѣ, когда мы убѣждаемся въ справедливости тѣхъ или иныхъ доводовъ, мы не мѣняемъ отъ этого своего поведенія. Наша жизнь состоитъ изъ двухъ частей, одна—теорія, другая—факты не сходящіеся съ теоріей и такимъ образомъ мы находимся въ вѣчномъ противорѣчіи сами съ собою; это противорѣчіе было-бы страннымъ не будь оно всеобщимъ».

«Убѣжденный христіанинъ долженъ-бы былъ плясать отъ радости при смерти своего ребенка уходящаго въ лучшій міръ, превращающагося въ ангела небеснаго. Матеріалистъ долженъ-бы былъ пользоваться самыми грубыми удовольствіями, не заботясь о справедливости,

милосердіи, славѣ, а стараясь только избѣгать бѣдности и болѣзней; однимъ словомъ, куда мы ни взглянемъ, всюду замѣчаемъ противорѣчіе между нашими идеями и нашими дѣйствіями».

«Съ другой стороны нѣтъ ничего новаго, все уже было когда-либо высказано писателями. Тѣ кто желаетъ совершить злодѣяніе могутъ приводить какой-либо текстъ; имъ легко будетъ найти много подходящихъ у писателей всѣхъ странъ и всѣхъ временъ; но утверждать, что Сикстъ является виновникомъ преступленія Грелу это значитъ возлагать отвѣтственность за это преступленіе на философа, который выражалъ относительно нравственности и метафизики идеи болѣе или менѣе разрушительныя и противорѣчащія общепринятымъ. Химиковъ не считаютъ отвѣтственными за преступленія выполненныя при помощи динамита».

«Одинъ извѣстный критикъ, г. Брюнетьеръ, истолковываетъ книгу Бурже въ совершенно противоположномъ смыслѣ.

«Г. Брюнетьеръ заявляетъ, что Сикстъ виновенъ. Эти философы, говоритъ онъ, которые все колеблютъ, во всемъ сомнѣваются, и все отрицаютъ виновны столько же сколько и Грелу.

«Въ настоящее время ученый въ своей лабораторіи, философъ въ своей книгѣ не заботятся о томъ смыслѣ, который люди дадутъ ихъ открытіямъ или ихъ теоріямъ. Брюнетьеръ говоритъ, что этого равнодушія не должно быть. Ученые отвѣтственны за то, что пишутъ. Не слѣдуетъ переходить извѣстныхъ границъ и мыслитель совершаетъ дурное дѣло, если не заботится о послѣдствіяхъ какія могутъ имѣть его писанія.

«Посмотримъ куда заведетъ насъ эта логика. Мы придемъ къ тому, что въ наукѣ будетъ обязательна ортодоксія, будетъ нѣчто вродѣ оффиціальнаго ученія какъ въ физикѣ, такъ и въ метафизикѣ, и отъ этого ученія не будетъ позволено уклоняться.

«Увы! эта ортодоксія была бы отрицаніемъ всякой науки! Прогрессъ остановился бы въ тотъ день, когда

наука не могла бы свободно ошибаться или даже завираться. Великіе мыслители всегда были революціонерами.

Если бы мы руководились этими принципами, то до сихъ поръ спорили бы о Somma, Өомы Аквината или объ *Реторикѣ*, Аристотеля. Хорошо, что Декартъ жилъ въ Голландіи и Швеціи. Ни Джіордано Бруно ни Кальвинъ, ни Галлилей не были такъ счастливы. Нѣтъ прогресса безъ полной свободы мысли, а свобода мысли означаетъ также и свободу заблужденій.

«Стало-быть, Брюнетьеръ воленъ говорить, что ему угодно, а мы скажемъ ученымъ, философамъ или физикамъ, врачамъ или химикамъ, астрономамъ или геологамъ: *Идите впередъ, не оглядываясь назадъ, не заботясь о послѣдствіяхъ логическихъ, или безсмысленныхъ, которыя выйдутъ изъ вашихъ трудовъ. Ищите истину, не обращая вниманія на тѣ приложенія, какія она можетъ имѣть.*

«*Будьте увѣрены, что истина всегда хороша и что нельзя основывать ни нравственности, ни общества, ни человѣчества на заблужденіи.*»

Съ своей стороны, я прибавлю, что если Брюнетьеръ, выразитель мыслей спиритуалистической реакціи противъ положительной науки, приписываетъ этой послѣдней преступленія, которыя благодаря общественному миметизму только принимаютъ ея краски, не потому что, наука порождаетъ этихъ преступниковъ, а только потому, что научныя теоріи теперь болѣе извѣстны, а потому окрашиваютъ также преступныя или безумныя теоріи преступниковъ и дегенератовъ; Брюнетьеръ долженъ бы объяснить, какимъ это образомъ и почему въ средніе вѣка, болѣе или менѣе кровавые бреды всѣхъ дегенератовъ, имѣли характеръ религіозный.

Такъ изъ исторіи психіатріи мы видимъ, что лица, поражаемыя бредомъ преслѣдованія, въ прошлые вѣка имѣли религіозную форму этого бреда, говоря, что ихъ преслѣдуетъ дьяволъ или колдунья, а теперь бредъ ихъ принимаетъ форму научную, одержимыхъ бѣсомъ почти не существуетъ, а всѣ почти говорятъ, что ихъ преслѣ-

дуютъ неизвѣстные враги электричествомъ и магнетизмомъ.

Если бы надо было принять къ исполненію разсужденія Брюнетьера по поводу романа Le disciple, то это имѣло-бы слѣдствіемъ то, что и теологію и церковь надо было бы признать отвѣтственными за преступленія съ религіозной окраской совершенныя въ прошедшіе вѣка, какъ напримѣръ убійство Генриха III Жакомъ Клеманомъ.

Въ дѣйствительности, въ каждой странѣ, въ каждый историческій моментъ имѣется извѣстное количество дегенератовъ и неуравновѣшенныхъ людей, которые въ періодъ общественнаго спокойствія не даютъ о себѣ знать, подобно заразнымъ болѣзнямъ, которыя въ умѣренныхъ размѣрахъ всегда существуютъ среди насъ, при чемъ холера называется диссентеріей, а тифъ—желудочнымъ разстройствомъ. Но затѣмъ въ періодъ кризисовъ, неуравновѣшенность и возбужденіе дѣлаются острѣе, благодаря нравственной заразѣ и сумасшествія и преступленія увеличиваются въ числѣ, пріурочиваясь къ той идеѣ, которая имѣетъ наибольшее распространеніе, какъ въ извѣстные моменты космическихъ вліяній еще недостаточно ясныхъ, микробы тифа и холеры начинаютъ проявлять особенную дѣятельность, порождая эпидемію, которыя народный предразсудокъ приписываетъ „докторамъ“, такъ-же точно какъ предразсудки критиковъ извѣстнаго рода приписываютъ «учителямъ», преступленія и подлые поступки какого нибудь сумасшедшаго или дегенерата «ученика».

Наконецъ достаточно наблюдать окружающую насъ жизнь даже въ ея нормальныхъ проявленіяхъ, чтобы убѣдиться, что научныя теоріи или же религіозныя вѣрованія и политическія убѣжденія не имѣютъ рѣшающаго вліянія на поступки отдѣльныхъ лицъ; эти поступки являются слѣдствіемъ личнаго физіопсихологическаго темперамента развивающагося въ опредѣленной физико-соціальной средѣ.

Вѣрованія, мнѣнія и теоріи сами являются болѣе или менѣе замѣтнымъ слѣдствіемъ темперамента и среды:

люди рождаются идеалистами или позитивистами, мистиками или матерьялистами, реакціонерами или радикалами и среди разнообразія теорій научныхъ, религіозныхъ и политическихъ, человѣкъ усваиваетъ тѣ, которыя наиболѣе отвѣчаютъ тѣмъ склонностямъ, которыя находятся въ зародышѣ въ его физіологической и психологической личности. Дѣйствительно, мы видимъ, что лѣнивые и трудолюбивые, покорные и возмущающіеся, энтузіасты и скептики, мечтатели и практики, уравновѣшенные и не уравновѣшенные, также какъ и сангвиники, нервные или лимфатики, здоровые и дегенераты были и будутъ всегда, во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, среди фаталистовъ-мусульманъ и среди католиковъ, среди квакеровъ и среди буддистовъ...

Человѣческіе типы какъ нормальные, такъ и ненормальные въ основѣ всегда одни и тѣ же, или же измѣняются, но такъ медленно, что можно безошибочно принять ихъ за величину постоянную.

Измѣненія общественной среды и окружающей природы только даютъ разныя формы привычкамъ и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, какъ въ области научной, такъ и въ области общественной и художественной, а потому корни разнообразныхъ проявленій человѣческой дѣятельности лежатъ въ общихъ историческихъ условіяхъ среды, а отнюдь не въ наукѣ или искусствѣ, которыя сами выходятъ изъ этихъ же корней и изъ этой среды, какъ и всякое другое проявленіе человѣческой дѣятельности, нормальной или не нормальной.

Возвращаясь опять къ роману Le disciple по поводу соотношенія между преступленіями въ искусствѣ и въ жизни, я могу привести человѣческій документъ, который заимствую изъ моей книги Omicidio nel l'antropologia criminale (Torino 1895. Стр. 562).

Марандонъ-де-Монтіель, одинъ изъ французскихъ психіатровъ описываетъ интересный случай съ однимъ ювелиромъ Юліемъ В., который почувствовалъ потребность убійства подъ вліяніемъ чтенія Bête humaine,

Зола [28]); газеты того времени (напр. «Gil Blas» за мартъ 1891 г.) указывали на этотъ случай какъ на «слѣдствіе» натуралистической литературы.

«Юлій В. сынъ слабыхъ здоровьемъ родителей, невропатъ съ 4-лѣтняго возраста, уже судившійся за кражу, 13-ти лѣтъ бросается съ лѣстницы, а 14-ти бросается въ Сену; это настоящій дегенератъ меланхоликъ.

«Видъ его собственныхъ рабочихъ инструментовъ не производилъ на него никакого болѣзненнаго впечатлѣнія, но видъ инструментовъ хотя и подобныхъ, но ему не принадлежащихъ и къ которымъ онъ не привыкъ, вызывалъ у него преступныя побужденія не сильныя, но вызывавшія душевное безпокойство. Видъ рабочихъ инструментовъ товарища по работѣ начинаетъ смущать его, тѣмъ временемъ онъ читаетъ романъ Зола *Человѣкъ-звѣрь* и крайне заинтересовывается живымъ описаніемъ главнаго дѣйствующаго лица этого романа.

«Однажды вечеромъ, кончивъ этотъ романъ находясь въ постели, онъ засыпаетъ, находясь подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго. Приняла ли неотвязная мысль форму галюцинацій? Юлій В. не можетъ дать точный отвѣтъ, такъ какъ не помнитъ какіе сны снились ночью.

«Вѣрно то, что желаніе убійства вдругъ охватываетъ его на другой день при видѣ жены и дѣтей, а видъ рабочихъ инструментовъ его товарища еще болѣе увеличиваютъ это впечатлѣніе и онъ *думаетъ, что долженъ* убить свою жену и дѣтей, чтобы повиноваться внутреннему голосу, который это ему приказываетъ. Онъ борется съ собою цѣлый день и наконецъ предупреждаетъ жену и товарищей, чтобы тѣ за нимъ смотрѣли; но на слѣдующій день, опасаясь, что не въ силахъ будетъ дольше противостоять влеченію совершить убійство, онъ самъ идетъ къ полицейскому коммиссару и проситъ, чтобы его заперли въ домъ умалишенныхъ».

Если-бы этотъ дегенератъ съ сознательнымъ помѣ-

---

[28]) Marandon De Montyel—Impulsions homicides consécutives à la lecture d'un roman passionel chez un dégénéré. (Annales medico-psychologiques, Іюнь 1894 г.).

шательствомъ дѣйствительно убилъ-бы жену, то повѣрили-бы ему и эксперту на судѣ присяжныхъ?

Къ счастію это влеченіе не дошло еще до крайняго предѣла импульсивности, до той «непреодолимой силы», которая является безспорной реальностью; изъ этого примѣра мы можемъ съ полною очевидностью вывести, что влеченіе къ убійству, принявъ до нѣкоторой степени форму описанную романистомъ въ *Человѣкъ-звѣрь*, вовсе не было произведеніемъ художественнаго внушенія, а только признакомъ умственнаго вырожденія даннаго субъекта.

Конечно вліяніе романа есть, но имъ только опредѣляется *форма* импульса у тѣхъ лицъ, которыя уже предрасположены къ нему, благодаря наслѣдственному вырожденію; такъ сто тысячъ человѣкъ прочтутъ въ газетахъ описаніе какого-нибудь страннаго самоубійства, но только одинъ изъ нихъ повторитъ это самоубійство потому что уже былъ къ этому предрасположенъ и покончилъ-бы съ собою даже въ томъ случаѣ если. бы въ газетахъ запрещалось печатать извѣстія о кровавыхъ происшествіяхъ.

Бурже въ Disciple, въ странномъ эпизодѣ съ атеистомъ Сикстомъ, который молился *на колѣняхъ* въ тотъ вечеръ, когда братъ Терезы «для того чтобы совершить правосудіе» убиваетъ «ученика»,—не говоритъ ясно, но даетъ понять, что происхожденіе безнравственнаго и преступнаго дѣйствія «ученика» надо искать въ научныхъ теоріяхъ учителя, а не въ выродившимся организмѣ этого самаго ученика; но тотъ-же Бурже въ томъ-же 1889 году за нѣсколько недѣль до выпуска въ свѣтъ своего романа пишетъ совсѣмъ иначе въ предисловіи къ книгѣ Батайля Causes criminelles et mondaines de 1888, гдѣ именно помѣщенъ былъ прекрасный отчетъ о процессѣ Шамбиджа.

Въ этомъ предисловіи Бурже утверждаетъ, что нельзя приписывать смѣлымъ истинамъ высказываемымъ въ романахъ, или-же научнымъ теоріямъ, происхожденіе преступленій подобныхъ преступленію Шамбиджа, котораго однако-же онъ ложно выставляетъ, какъ типичнаго пред-

ставителя новаго поколѣнія, тогда какъ этотъ послѣдній есть микробъ ставшій болѣе замѣтнымъ въ моментъ кризиса общественнаго а слѣдовательно и нравственнаго. При этомъ Бурже приводитъ слова Стендаля, написанныя въ 1850 году именно по поводу литературной нравственности: «Ахъ, господа, книга это есть зеркало, которое несутъ по большой улицѣ. То оно отражаетъ голубое небо, то грязь улицы. И что-же?

«Человѣкъ несущій зеркало въ своей корзинѣ будетъ вами обвиненъ въ безнравственности? Зеркало отражаетъ грязь и вы обвиняете зеркало! Обвиняйте лучше улицу, на которой грязь, а еще больше смотрителя мостовыхъ, который это допускаетъ».

То же можно сказать и о преступленіи Шамбиджа, прибавляетъ Бурже, то же можно сказать о случаѣ съ Робертомъ Грелу, прибавляю я.

«Очень легко, пишетъ авторъ Disciple считать литературу отвѣтственной за нравственную болѣзнь созрѣвавшую въ этой душѣ въ теченіе десяти лѣтъ и люди недоброжелательные это и дѣлаютъ, какъ будто-бы литература когда либо имѣла хотя малѣйшое вліяніе на души не предрасположенныя къ восприятію этого вліянія.

«*Если человѣкъ страдающій сахарной болѣзнью наноситъ себѣ легкую рану, то умираетъ: но не эта рана его убила*, она только доказала каково общее состояніе организма; *при другомъ случаѣ было бы тоже самое*».

Мы подписываемся отъ всего сердца подъ этой краснорѣчивой защитой, но не только литературы, но и науки, которымъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ напечатанія вышеприведенныхъ строкъ, тѣмъ же писателемъ было брошено подобное обвиненіе въ психологическомъ романѣ Le Disciple

Въ Италіи современный романъ сдѣлался психологическимъ и въ немъ встрѣчаются уже описанія преступныхъ типовъ. Но я сначала упомяну еще объ одномъ романѣ Франсуа Коппе, который за исключеніемъ темы ничѣмъ не выдѣляется изъ спокойныхъ и умѣренныхъ произведеній этого тонкаго стилиста.

Le bon crime (Въ Contes tout simples, Paris 1894) это убійство изъ чувства дружескаго сострađанія, по просьбѣ самой жертвы, которая не имѣетъ мужества покончить съ собой сама. Дядя Волканъ мучается угрызеніемъ совѣсти и проситъ священника разрѣшить мучающій его вопросъ.

Онъ разсказываетъ, что будучи на военной службѣ подружился съ однимъ молодымъ волонтеромъ, который подбираетъ его раненаго на полѣ сраженія и не забываетъ его и потомъ, когда онъ, Волканъ, выходитъ въ отставку, ставши сторожемъ на лѣсномъ дворѣ. Въ одну ночь къ нему на лѣсной дворъ приходитъ этотъ Луи, его прежній начальникъ и товарищъ по оружію и затѣмъ уводитъ его съ собою подальше въ темноту, въ пустынный кварталъ. Тамъ онъ разсказываетъ Волкану, что выйдя въ отставку онъ занялся дѣлами, но благодаря мошенничеству своего компаніона былъ поставленъ въ ужасное положеніе, ему, получившему крестъ Почетнаго Легіона на полѣ битвы, грозило безчестіе, а его обожаемой женѣ и дѣтямъ— нищета. Онъ былъ застрахованъ на случай смерти въ богатомъ страховомъ обществѣ и его вдова не могла бы получить преміи, если-бы онъ покончилъ самоубійствомъ. Поэтому то онъ просилъ своего прежняго товарища по оружію, что бы тотъ убилъ его потомъ, взявъ его часы и бумажникъ, такъ что всѣ бы повѣрили въ убійствѣ съ цѣлью грабежа и его жена и дѣти были бы обезпечены.

«Я хорошо знаю, что обворовываю страховое общество... Но, что же дѣлать! Да къ тому же общество богато [а я прибавлю, что такъ какъ самоубійцами становятся не по своей волѣ, какъ ни правдоподобно противное, то многія страховыя компаніи, прекрасно понимая психіатрическія данныя, не исключаютъ даже и случая добровольной смерти] и затѣмъ, это дѣло моей совѣсти, я уже объяснюсь съ Господомъ Богомъ, если онъ существуетъ... Отъ тебя же мнѣ нужно, чтобы ты оказалъ эту послѣднюю услугу твоему другу, твоему товарищу по оружію. Ну, что же старина, понялъ ли ты меня?»

«Конечно, конечно я понялъ... Но я весь похолодѣлъ отъ ужаса. Убить его! Мнѣ! Моего поручика! Моего единственнаго друга! Нѣтъ и нѣтъ! Никогда у меня не хватитъ на это мужества!... Но онъ взялъ меня за руки и умолялъ меня, плакалъ у меня на плечѣ, какъ ребенокъ!.. Несчастный понималъ, что я въ концѣ концовъ соглашусь и сказалъ своей женѣ послѣ обѣда, что у него болитъ голова, и что онъ пойдетъ прогуляться на долго. ...Что же могло быть болѣе правдоподобнымъ, какъ ночное нападеніе, убійство одинокаго прохожаго ночью?.. Да, проживи я тысячу лѣтъ, я всегда буду вспоминать ужасные часы, которые я провелъ тогда ночью, на этой скамейкѣ, слушая рыданія моего милаго Луи, который просилъ, чтобы я его убилъ!..

«Наконецъ послѣ долгихъ просьбъ, послѣ того, какъ онъ въ конецъ разжалобилъ меня, говоря о печальной участи грозящей его семьѣ, онъ убѣдилъ меня сдѣлать то, что онъ хотѣлъ. И я послушался его. Я сжалъ его въ своихъ объятіяхъ и поцѣловалъ, а потомъ нанесъ ему ударъ прямо въ грудь бросившись тотчасъ же бѣжать, какъ будто бы моя одежда загорѣлась...»

Священникъ отвѣчаетъ старому солдату: «Другъ мой, если-бы вы были въ конфессіоналѣ мой долгъ былъ-бы вспомнить прежде всего заповѣдь: «Не убій!» и приказать вамъ покаяться въ своемъ поступкѣ, но здѣсь я только пожимаю вамъ руку и говорю: Вы честный человѣкъ!»

Стало быть это не убійца-преступникъ, а псевдопреступникъ, человѣкъ нормальный, который дѣйствуетъ на основаніи побужденій честныхъ, великодушныхъ, а вѣдь всякій человѣческій поступокъ имѣетъ цѣнность и является нравственнымъ или безнравственнымъ, насколько цѣнны, нравственны или безнравственны внутреннія побужденія, которыми онъ опредѣляется. Дѣйствіе, благодѣтельное въ матеріальномъ отношеніи, можетъ быть въ дѣйствительности достойнымъ презрѣнія, если вызывается низкою цѣлью мщенія или обольщенія. Убійство человѣка является ужаснымъ преступленіемъ, если вызвано

ненавистью или корыстолюбіемъ, и является дѣйствіемъ законнымъ и нравственнымъ, если вызывается необходимостью самозащиты или материнской любовью, (какъ въ *Призракахъ*-Ибсена) или братской дружбой. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ убійца уже не является анти-общественнымъ человѣкомъ и не наказуемъ; много лѣтъ тому назадъ, я доказывалъ противъ всѣхъ криминалистическихъ теорій и уголовныхъ кодексовъ, что если законодательство признало наконецъ за человѣкомъ право умирать, уничтоживъ наказаніе за покушеніе на самоубійство, которое осталось только въ законахъ Англіи, Россіи и штата Нью-Іоркъ, то равнымъ образомъ должно признать право на убійство съ согласія убиваемаго, если этотъ послѣдній не имѣетъ моральной силы и матеріальныхъ средствъ для самоубійства.

По моему нѣтъ ничего болѣе варварского, какъ отрицаніе этого права умереть напр. у осужденныхъ на смертную казнь; если они покушаются на самоубійство, то съ жестокой заботливостью ихъ спасаютъ и лечатъ для того чтобы имѣть возможность черезъ нѣсколько дней убить по всѣмъ правиламъ во имя правосудія, которое было бы удовлетворено гораздо болѣе человѣчнымъ путемъ, если бы они были заперты въ санаторію или въ земледѣльческую колонію, подобно тому какъ это дѣлаютъ съ холерными больными, или съ сумасшедшими. Это послужило бы только къ выгодѣ самаго же общества, которое конечно ничего не выигрываетъ отъ постояннаго кроваваго насилія.

Эту психологическую и юридическую теорію я подробно развилъ въ другихъ работахъ (L'omicidio-suicidio—Torino 1894. и Droit de mourir въ Revue des Revues 1 апрѣля 1905 года) а потому не буду повторять ее здѣсь по поводу многихъ случаевъ изъ дѣйствительной жизни, которые подобны изложенному въ разсказахъ Коппе. Изъ этихъ случаевъ упомяну объ полковникѣ Комбѣ убившемъ на полѣ битвы своего товарища по оружію тяжело раненаго и просившаго его оказать ему эту послѣднюю дружескую услугу, такъ какъ

приближалась непріятельская кавалерія и онъ не желалъ умереть подъ копытами лошадей; скажу объ графѣ Ф... который осужденный за убійство, получилъ, находясь въ тюрьмѣ въ Болоньѣ, ядъ изъ рукъ жены; упомяну объ наслѣдникѣ австрійскаго престола эрцгерцогѣ Рудольфѣ убившемъ баронессу Марію Вечера и затѣмъ покончившемъ съ собою.... а сколько такихъ драмъ получается чуть не ежедневно.

Моя теорія относительно помощи въ самоубійствѣ и объ убійствѣ натолкнулась на умственныя привычки классическихъ криминалистовъ, потому что она внесла въ старый міръ юридическихъ силлогизмовъ отзвуки и трепетъ современной жизни (эти силлогизмы сидятъ какъ сухія листья на деревѣ жизни); находя подтвержденіе моей теоріи въ литературѣ, я убѣждаюсь еще болѣе въ ея правотѣ, она противопоставляетъ смѣлую искреннюю положительную нравственность условностямъ и лицемѣрію нравственности условной и традиціональной.

Тулліо Гермиль въ Innocente-Д'Аннунціо, есть одинъ изъ тѣхъ изящно одѣтыхъ негодяевъ, которые встрѣчаются въ большихъ городахъ; это прирожденный преступникъ, благодаря атрофіи отъ рожденія нравственнаго чувства при соотвѣтственной гипертрофіи собственнаго я, главнымъ образомъ я чувственнаго; этотъ негодяй не прибѣгаетъ конечно къ простому и первобытному средству въ видѣ ножа или яда, для того чтобы убить человѣка, но который тѣмъ не менѣе такой же дегенератъ и испорченный какъ и обыкновенный убійца.

Влюбленный въ свою жену Джуліану, онъ подвергаетъ ее всевозможнымъ нравственнымъ мукамъ, которыя для душъ и тѣлъ нѣжныхъ, болѣе мучительны, нежели муки физическія; онъ измѣняетъ ей съ другими женщинами, но узнаетъ, что она также отдалась другому и отъ него забеременѣла.

Благодаря цѣлому ряду психологическихъ сдѣлокъ и благодаря жизненности чувственнаго начала этой любви, которая происходитъ изъ эротоманіи часто встрѣчающейся въ дегенератахъ подобнаго рода, любовь

къ Джуліанѣ у него вновь возрождается. Любовью нельзя управлять, (хотя позитивная физико-психологія даетъ различные образчики психологической стратегіи для управленія любовью и для поддержанія ея живой и здоровой путемъ моральной гигіены), а потому нарушеніе супружеской вѣрности нельзя устранить въ особенности же при отсутствіи развода, что придаетъ этому нарушенію прелесть запрещеннаго плода, а въ средѣ нѣкоторыхъ праздныхъ общественныхъ классовъ нарушеніе супружеской вѣрности возводится въ своего рода спортъ; несомнѣнно будетъ иначе, когда свобода перестанетъ быть выгодной сдѣлкой, когда бракъ будетъ расторжимъ и семейная атмосфера освободится отъ этого гнета, который благодаря общественному кризису проникаетъ, какъ тонкій ядъ во всѣ дома, во всѣ организмы. Но супружеская невѣрность достойна презрѣнія не потому что нарушаетъ нашу «личную собственность» на человѣка, а потому, что является лицемѣріемъ, ложью; если въ немъ признаются откровенно, то оно является только несчастіемъ, но не дѣйствіемъ нечестнымъ.

Тулліо Гермиль однако не раздѣляетъ подобнаго образа мыслей, въ особенности же по отношенію къ плоду прелюбодѣянія.

Если онъ подъ вліяніемъ чувственности снова любитъ жену, то не прощаетъ *Невинному* и рѣшаетъ его убить... отчасти также и для того, чтобы отмстить ему за ту опасность для жизни матери, которая была при рожденіи этого непрошеннаго гостя.

«Начиная съ того дня (крещеніе) я вступилъ въ послѣдній періодъ того *яснаго помѣшательства*, которое должно было привести меня къ преступленію. Съ того дня я началъ придумывать болѣе легкое и болѣе вѣрное средство для того, чтобы уморить невиннаго».

Здѣсь видны основныя черты прирожденнаго преступника, ясная холодность съ которой онъ думаетъ «болѣе легкимъ и болѣе вѣрнымъ средствомъ» дѣтоубійства, такъ же точно, какъ человѣкъ нормальный думалъ бы объ наиболѣе легкомъ и наиболѣе вѣрномъ средствѣ совершить какое-нибудь честное дѣло.

Предумышленность можетъ встрѣчаться также и у преступниковъ по страсти, но въ этомъ случаѣ она представляетъ собою борьбу между нравственнымъ чувствомъ, которое противится преступному самовнушенію и вихремъ страсти, который въ концѣ концовъ побѣждаетъ всѣ препятствія и всякое сопротивленіе и обращается въ слѣпой бѣшеный припадокъ, открыто при свидѣтеляхъ переходящій немедленно въ стремленіе къ самоубійству, какъ только вмѣстѣ съ убійствомъ кончается нервное напряженіе.

У преступника прирожденнаго предумышленность является приготовленіемъ: приготовленіемъ средства для приведенія въ исполненіе преступной идеи уже укоренившейся въ сознаніи безъ всякаго сопротивленія или отвращенія.

Въ первомъ случаѣ предумышленность имѣетъ источникъ альтруистическій, потому что проистекаетъ изъ заботы о жертвѣ, во второмъ — предумышленность имѣетъ характеръ эгоистическій, потому что проистекаетъ изъ желанія спасти себя самаго.

«Это было предумышленіе холодное, разсчетливое и упорное, продолжаетъ Гермиль, которое захватило всѣ мои чувства и способности. Эта преобладающая идея владѣла мною всѣмъ съ невѣроятной силой и упорствомъ *(потому что почва была хорошо приготовлена его врожденной безнравственностью)*. Въ то время какъ все мое существо было охвачено страшнымъ волненіемъ *(изъ эгоистическихъ заботъ однако)*, преобладающая мысль вела меня къ цѣли. Моя проницательность казалось утроилась *(преступникъ по страсти, напротивъ того, теряетъ способность управлять своими дѣйствіями)*. Ничто не ускользало отъ моего вниманія. Осторожность не оставляла меня ни на минуту. Я не сказалъ ни разу ничего такого, что могло бы возбудить подозрѣніе. Притворялся и скрывалъ все время свои чувства не только отъ моей матери и брата, но и отъ Джуліаны».

L'Innocente является лучшимъ образчикомъ вто-

рой фазы художественной эволюціи Габріеля Д'Аннунціо Форма, за немногими ненужными вычурностями, является образцомъ итальянскаго языка; психологическій анализъ тонокъ, проницателенъ; по моему онъ выше нежели анализъ Бурже. Въ началѣ и концѣ *Невиннаго* видно вліяніе Достоевскаго и Толстого.

Вотъ что говоритъ Тулліо Гермиль:

«Пойти къ судьѣ и сказать ему: Я совершилъ преступленіе. Это несчастное созданіе не умерло-бы еслибы я его не убилъ. Я задумалъ убійство дома. Я совершилъ его съ полною ясностью сознанія, очень точно и съ полною безопасностью. Потомъ я жилъ цѣлый годъ, храня мою тайну до сегодняшняго дня. Сегодня ровно годъ этому преступленію. Выслушайте меня, судите меня. Могу я идти къ судьѣ? Могу сказать ему эти слова?»

«И не могу и не хочу. Людское правосудіе меня не касается. Никакой земной судъ не могъ-бы меня судить. *(наоборотъ... очень легко постановить судебное рѣшеніе объ этомъ элегантномъ негодяѣ, прирожденномъ преступникѣ, высокомѣрномъ дегенератѣ: его слѣдуетъ отправить въ арестантское отдѣленіе сумасшедшаго дома).*

«А между тѣмъ нужно, чтобы я обвинилъ себя, чтобы я признался. Нужно открыть мою тайну кому нибудь».

«Кому?»

И онъ пишетъ свои признанія. Это похоже на *Преступленіе и наказаніе* Достоевскаго, но не достигаетъ только его высоты и силы.

Тулліо Гермиль услышавъ однажды, что новорожденный кашляетъ, вдругъ возымѣлъ мысль уморить его, простудивъ: для этого стоитъ только вѣдь высунуть его ненадолго въ окно на холодный сѣверный вѣтеръ; онъ это и дѣлаетъ однажды вечеромъ, когда родильница спитъ, а кормилица и родственники отсутствуютъ.

«На цыпочкахъ я подошелъ къ колыбели и прислушался. Невинный спалъ на подушкахъ на спинѣ; маленькія ручки были сжаты въ кулакъ, причемъ боль-

шой палецъ былъ обращенъ внутрь. Сквозь рѣсницы я видѣлъ его сѣрые зрачки. *Но изъ глубины моего существа не поднялось никакого слѣпого порыва ненависти или гнѣва.* Мое отвращеніе къ нему было менѣе остро, нежели прежде. *У меня не было того инстинктивнаго порыва*, который не разъ проникалъ все мое существо, дѣлая меня способнымъ на всякое преступленіе. *Я повиновался только импульсу воли холодной и ясной, вполнѣ сознавая, что я дѣлаю...* Я не колебался, ни одно изъ моихъ чувствъ не притупилось».

Несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ утонченной, цивилизованной формой дѣтоубійства; это типичный примѣръ преступности, которую я назову преступностью интеллектуальной въ противоположность «преступности атавической», дикой, первобытной, съ которой мы встрѣчаемся въ Bête humaine-Зола, или же съ типомъ преступности мускульной, какой является преступность Никиты во *Власти тьмы.* Конецъ романа Д'Аннунціо взятъ именно изъ *Власти тьмы.* Тулліо Гермиль въ присутствіи всѣхъ родственниковъ присутствующихъ при внезапной агоніи новорожденнаго, восклицаетъ: «Знаете ли вы кто убилъ этого невиннаго младенца?».

Но тогда какъ Никита, преступникъ случайный и алкоголикъ дѣйствительно признается во всемъ въ послѣдней сценѣ этой замѣчательной драмы,—Тулліо Гермиль, прирожденный преступникъ, удерживается отъ такого признанія и очень быстро оправляется и на слѣдующій день безстрастно присутствуетъ на похоронахъ и описываетъ съ мельчайшими подробностями, какъ преступленіе такъ и религіозную церемонію совершенно также, какъ настоящій прирожденный преступникъ въ судѣ присяжныхъ разсказываетъ безучастно о своемъ преступленіи съ мельчайшими подробностями, которыя запечатлѣлись фотографически въ его мозгу во время преступленія не вызывая въ немъ ничего кромѣ обыкновеннаго воспоминанія.

VIII.

Старая Европа не болѣе двѣнадцати лѣтъ (писано въ 1892 году), какъ испытываетъ могучее очарованіе молодой литературы Сѣвера, какъ въ театрѣ такъ и въ романѣ.

Ибсенъ, Толстой и Достоевскій являются мощной тріадой, причемъ изображеніе преступнаго человѣка въ романахъ Достоевскаго достигаетъ грандіозности дантовской и шекспировской.

Въ искусствѣ дѣйствительно «съ Сѣвера приходитъ свѣтъ» самой могучей современности, потому что художественныя проявленія всегда являются первыми въ психологіи народовъ; мы въ этомъ фактѣ имѣемъ также доказательство перемѣщенія цивилизаціи отъ экватора къ полюсу, съ юга на сѣверъ, какъ въ цивилизаціи расъ, такъ и въ цивилизаціи отдѣльныхъ народовъ, съ незначительными исключеніями въ подробностяхъ.

Какъ въ Старомъ такъ и въ Новомъ Свѣтѣ наиболѣе древнія цивилизаціи начались у экватора, перемѣщаясь потомъ все больше къ сѣверу: отъ Перу въ Мексику и въ Сѣверную Америку, отъ Халдеи въ Египетъ, отъ Ассиріи въ Персію, пройдя черезъ Грецію, Италію, Византію и Испанію до странъ Сѣверной Европы. Въ настоящее время наибольшее развитіе цивилизаціи мы видимъ въ расахъ германской и англо-саксонской; раса латинская представляетъ цивилизацію прошлую, а раса славянская быть можетъ дастъ цивилизацію будущаго.

Основною причиной этого закона перемѣщенія цивилизаціи, полагаю слѣдуетъ считать вліяніе почвы и климата на человѣческую энергію, откуда и происходитъ экономическое состояніе народа въ каждую данную эпоху, а это экономическое состояніе опредѣляетъ и всѣ прочія проявленія коллективной жизни: нравственныя, правовыя и политическія.

Высокая температура, равно какъ и слишкомъ большая высота надъ уровнемъ моря, разслабляютъ чело-

вѣческій арганизмъ. Физическая и умственная энергія людей увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ экватора къ сѣверу, также и отъ постоянной борьбы противъ суровой природы.

Новѣйшіе успѣхи сѣвернаго искусства являются однимъ изъ эпизодовъ этого вѣковаго странствія цивилизаціи, которая, какъ Вѣчный Жидъ, никогда не останавливается и никогда не разцвѣтаетъ съ одинаковой пышностью на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Изъ всѣхъ твореній Ибсена, *Призраки* являются драмой, гдѣ наиболѣе ясно очерчены линіи человѣческой патологіи раскрытыя современной наукой, хотя преступленіе тамъ обрисовывается очень туманно и заключеніе оставляетъ сомнѣнія даетъ мать своему сыну пораженному наслѣдственнымъ прогрессивнымъ параличемъ ядъ-освободитель или нѣтъ; здѣсь опять стало-быть возбуждается вопросъ о правѣ умереть и о правѣ разрѣшить другому убить себя, о чемъ я говорилъ по поводу Le bon crime— Коппе.

Ибсенъ дѣйствительо человѣкъ геніальный и совершенно ошибочно опредѣленіе Макса Нордау, который относитъ его къ числу людей «не вполнѣ душевно-больныхъ, но помѣшанныхъ. (Вырожденіе II, 285.) Ибсенъ напротивъ, человѣкъ геніальный, который естественно знакомъ со странностями характера безумнаго и дегенеративнаго. Но онъ внесъ на сцену дуновеніе новой жизни, могучій и сознательный протестъ противъ всѣхъ «Conventionnele Luegen» нашего времени въ быту семейномъ, общественномъ, религіозномъ, политическомъ; по правдѣ говоря, странно видѣть, что Максъ Нордау оригинальный изобразитель «Условной лжи» нашей цивилизаціи, благодаря злоупотребленію психо-патологическимъ критеріемъ считаетъ симптомами помѣшательства въ Ибсенѣ мимолетные указанія на различныя семейныя и общественныя теоріи, которыя находятся въ его комедіяхъ и которыя напротивъ, дышутъ такимъ возмущеніемъ противъ условной нравственности стараго міра.

А затѣмъ, такъ какъ Максъ Нордау самъ признаетъ,

что во второстепенныхъ лицахъ своихъ драмъ и во многихъ сценахъ Ибсенъ дѣйствительно является великимъ драматургомъ, то этого довольно для психіатра, чтобы заключить, что помѣшаннымъ въ научномъ значеніи этого слова, Ибсенъ быть не можетъ.

Дѣйствительно помѣшанный есть типъ, который можетъ имѣть талантъ въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ своего слабаго и ограниченнаго ума, но никогда не достигаетъ геніальныхъ порывовъ, потому что не является настоящимъ сумасшедшимъ. Сумасшедшій можетъ иногда имѣть проявленія геніальности и въ такомъ случаѣ это будетъ геніальный сумасшедшій, такъ же точно, какъ геній можетъ имѣтъ проявленія сумасшествія и въ такомъ случаѣ это будетъ сумасшедшій геній, но помѣшанный никогда не достигаетъ до вершинъ плодотворнаго вдохновенія, сколько бы странностей не выкидывалъ въ теченіи своей жизни. помѣшанный поэтому всегда остается въ той стадіи развитія сумасшествія, которую можно назвать средней.

Максъ Нордау совершенно вѣрно отмѣчаетъ въ мысляхъ Ибсена эготизмъ или преувеличенное чувство, гипертрофію своего Я, съ прочими странностями аристократіи духа: презрѣніемъ къ толпѣ и анархическимъ индивидуализмомъ. Но если все это является признакомъ вырожденія во многихъ мелкихъ эгоистахъ: символистахъ, декадентахъ, сатанистахъ и т. п., то вмѣстѣ съ тѣмъ является и специфическимъ признакомъ артистическаго темперамента.

Художникъ, фантазія котораго работаетъ также и въ одиночествѣ, воспѣвая море, небо, солнце и пустыню, очень легко можетъ начать слишкомъ высоко ставить собственную особу и презирать толпу, которая въ среднемъ не можетъ возвыситься до его чувствованій и пониманія прекраснаго; однако здравый смыслъ этой толпы противится страстямъ самонадѣяннаго и высокомѣрнаго дегенерата не обладающаго геніемъ и желающаго навязывать свои декадентскія или символистическія произведенія, какъ послѣднее слово искусства.

Только многостороннія натуры великихъ художниковъ

могутъ чувствовать ту солидарность которую имѣетъ ихъ генiй со всѣмъ человѣчествомъ, изъ котораго выходятъ, какъ изъ океана жизни всѣ формы, всѣ типы, всѣ ощущенiя, которыя увѣковѣчиваетъ искусство. Но даже и въ этомъ случаѣ психологiя художника проникнута гордостью, тщеславiемъ и эготизмомъ, благодаря причудливости его ума и благодаря тому, что онъ можетъ творить даже и въ сторонѣ отъ свѣта и людей.

Напротивъ того, ученый, а именно тотъ, который покинулъ фантастическую субъективность метафизики, постоянно изслѣдуетъ неизвѣстное, чувствуя однако, что всякая побѣда человѣческаго ума надъ тайнами природы и жизни открываетъ цѣлое море тайнъ, которыя надо еще раскрыть, мглу, которую надо освѣтить. Онъ чувствуетъ, что его личная работа возможна только благодаря накопленной работѣ безчисленныхъ поколѣнiй, которыя ему предшествовали, такъ что какъ-бы ни былъ онъ самъ высокъ, будь онъ Галилей или Ньютонъ, Дарвинъ или Марксъ, Пастеръ или Вирховъ, Вольта или Ломброзо, все же онъ является только звеномъ въ великой цѣпи борцовъ противъ неизвѣстнаго.

У художника, даже не дошедшаго до патологическихъ формъ вырожденiя, сильно индивидуалистическое чувство эготизма, тогда какъ въ ученомъ сильно чувство солидарности съ внѣшнимъ мiромъ, это чувство направляетъ умственное и нравственное сознанiе ученаго даже и въ томъ случаѣ, когда у него не хватаетъ мужества дойти до конечнаго вывода изъ этого сознанiя солидарности. Этотъ конечный выводъ тотъ, что отдѣльная личность цѣнна по стольку, по скольку составляетъ часть общества настоящаго и общества прошедшаго, которое однако постоянно живетъ въ немъ, благодаря наслѣдственности его органической и психической личности.

Вотъ почему, не говоря уже о позахъ разныхъ полоумныхъ, неправы индивидуалисты вообще, когда утверждаютъ, что они независимы отъ общества и, прикрываясь мишурой «умственной аристократiи» и пренебреженiя къ посредственности или къ «profanum vulgus»,

не признаютъ, что эта толпа, эта коллективность, представляетъ напротивъ того вѣчное хранилище здоровой и плодовитой жизни, изъ котораго по временамъ поднимается какая либо исключительно одаренная личность, но что нѣтъ монополіи ни въ богатствѣ, ни въ геніальности, ни во власти; все это, какъ говоритъ Данте, «rade volte discende per le rami» (рѣдко переходитъ къ потомкамъ) а если и переходитъ на нѣсколько поколѣній то затѣмъ угасаетъ благодаря слабости, идіотизму, преступленію, безплодію или самоубійству. Родъ, коллективность является великой вѣчной реальностью жизни; отдѣльная личность (которая является коллективностью, потому что въ абсолютномъ смыслѣ только атомъ является индивидуумомъ, но атомъ не думаетъ и не живетъ) имѣетъ конечно собственное личное существованіе по сравненію съ коллективностью, но не отдѣлимое отъ этой послѣдней.

Индивидуумъ и родъ суть два термина неотдѣлимыхъ отъ того, что есть живущее человѣчество; какъ все общество бываетъ неподвижнымъ, когда отсутствуютъ личности, которыя бы сосредоточивали въ себѣ и переводили бы въ общественное сознаніе потребности и стремленіе къ высшему жизненному укладу, такъ же точно и художникъ самый самобытный, былъ-бы ничто безъ общества, которому онъ обязанъ жизненной энергіей, вдохновеніемъ и желаніемъ славы.

Вотъ почему неправиленъ индивидуализмъ Ибсена и неправъ онъ, говоря устами доктора Штокмана во *Врагѣ народа*, что «самый сильный человѣкъ въ мірѣ это тотъ, кто одинокъ».

Не добро человѣку быть едину, справедливо говоритъ мудрость древнихъ, потому что «одинъ» всегда эгоистъ или же безсильный, если только не дегенератъ, антропофобъ.

Одинаковая участь постигаетъ въ началѣ новыя идеи въ наукѣ и новыя формы въ искусствѣ; кругомъ нихъ образуется пустота, благодаря враждебному отношенію массы, это уже неизбѣжный законъ. Новая идея или новая форма остается окончательно *одинокою*, никѣмъ

не признанной единственно, когда она не жизненна и невѣрна; если она вѣрна и имѣетъ въ себѣ достаточно жизненной силы, то въ концѣ концовъ всегда восторжествуетъ. Настоящій геній никогда не бываетъ геніемъ непонятымъ. Онъ можетъ быть непонятымъ въ теченіи нѣсколькихъ и даже многихъ лѣтъ, но если геній настоящій, то посредственная коллективность, «невѣжественная толпа» никогда не откажетъ ему въ справедливости въ концѣ концовъ и эти сужденія болѣе вѣрны и болѣе прочны, хотя и приходятъ не такъ скоро; въ жизни, въ искусствѣ и въ наукѣ время не щадитъ того, что сдѣлано, не принимая его въ разсчетъ.

За исключеніемъ этого односторонняго индивидуализма художественныя произведенія Ибсена дѣйствительно плодотворны и полны научныхъ данныхъ воспроизведенныхъ почти съ фотографической точностью.

Въ *Геддѣ Габлеръ* мы видимъ прекрасное изображеніе нервной, истеричной и преступной женщины, которая будучи замужемъ, снова вовлекаетъ въ связь съ собою своего перваго любовника и уничтожаетъ рукопись, которая прославила-бы его. Въ *Дикой Уткѣ* мы видимъ торжествующаго мошенника изъ современныхъ банковскихъ дѣятелей, которые пріобрѣли особенную силу въ наши «панамистическіе» дни. Въ *Столпахъ общества* Ибсенъ изображаетъ такъ называемыхъ «великихъ людей» въ политикѣ, невропатовъ и преступниковъ, которые въ новой обстановкѣ парламентаризма проявляютъ въ сущности тѣ-же наклонности, которые въ прежніе времена проявляли разбойники на большихъ дорогахъ: измѣнились только пріемы—сущность осталась та-же.

Въ *Призракахъ*, гдѣ изображена органическая основа преступленія и сумасшествія, конечно носологическое изображеніе Освальда не имѣетъ клинической точности, но это и не входитъ въ задачи искусства. Довольно, если искусство заимствуетъ отъ науки основныя и характерныя жизненныя данныя, а затѣмъ можетъ сгущать краски именно для того, чтобы лучше запечатлѣть эти произведенія въ сознаніи общества.

Подобно тому какъ Assommoir Зола внѣдрилъ въ сознаніе общества понятіе о тѣхъ несчастіяхъ, какія влечетъ за собою алкоголизмъ, такъ *Призраки* даютъ картину наслѣдственной передачи вырожденія отъ отца къ сыну, хотя и преувеличивая неизбѣжность одинаковыхъ признаковъ, которой въ природѣ не существуетъ. Гальтонъ говоритъ, что каждый индивидуумъ является біологическимъ произведеніемъ не только двухъ индивидуальностей, а именно отца и матери, но еще и X, которымъ являются всѣ ихъ предки а потому передача свойствъ отъ отца къ сыну не дѣлается съ математической точностью; здѣсь возможны скачки и измѣненія къ лучшему или къ худшему именно подъ вліяніемъ этого X, который называется *атавизмомъ*.

Въ видѣ исключенія у порочнаго дегенерата отца можетъ быть здоровый и геніальный сынъ въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній походитъ больше на мать, или на какого либо изъ предковъ и обыкновенно наслѣдственность чередуется по поламъ: дочери походятъ чаще всего на отца или на бабушку со стороны отца, а сыновья на мать или на дѣда со стороны матери. Также точно отъ здоровыхъ отца и матери можетъ въ видѣ исключенія произойти больной ребенокъ, который походитъ на какого либо предка—дегенерата.

Но во всякомъ случаѣ драматическое изображеніе прогрессивнаго паралича у Освальда, брата-кровосмѣсителя по незнанію достигаетъ у Ибсена дѣйствительно поразительной пластичности являясь вмѣстѣ съ тѣмъ данью уваженія которую искусство отдаетъ наукѣ [29]).

Объ Львѣ Толстомъ было уже столько написано, что я могу прямо приступить къ разбору двухъ типовъ

---

[29]) Доктора Морджіа и Бритто въ статьяхъ о *позитивной школѣ криминалистовъ и ея отношеніи къ литературѣ (Scuola criminale positiva e la leteratura)*, въ журналѣ *L'ipnotismo* издававшемся во Флоренціи съ 1894 г. указываютъ на согласіе новѣйшихъ выводовъ психіатріи и антропологіи въ отношеніи преступниковъ съ художественными твореніями Ибсена Зола, и Толстаго.

убійцъ встрѣчающихся въ его произведеніяхъ и приложить къ нимъ выводы криминальной психологіи [30]).

Въ *Крейцеровой Сонатѣ* развивается положеніе что половая любовь всегда достойна осужденія, даже и въ бракѣ; подобное заключеніе напоминаетъ ученіе скопцовъ и правъ Максъ Нордау (*Вырожденіе* I. 360) называя это произведеніе сумасшедшимъ. Главное дѣйствующее лицо, Позднышевъ, есть обыкновенный ревнивый мужъ изъ тѣхъ, которые убійствомъ жены мстятъ за нарушеніе права собственности на нее, слѣдуя такимъ образомъ нравственности дикихъ племенъ, у которыхъ нарушеніе супружеской вѣрности наказывается смертью наравнѣ съ воровствомъ.

Однако же личность этого убійцы изъ ревности, который долженъ-бы былъ быть преступникомъ по страсти, не имѣетъ ни одного антропологическаго признака таковаго.

Обстоятельства, при которыхъ происходитъ убійство указываютъ казалось-бы на убійцу по страсти, но тотъже самый Позднышевъ, разсказывая о своемъ преступленіи дѣлаетъ такой подробный и холодный анализъ того какимъ образомъ онъ ударилъ кинжаломъ свою жену, какой только могутъ дѣлать только прирожденные преступники. «Я слышалъ и помню мгновенное противодѣйствіе корсета и еще чего-то и потомъ погруженіе ножа въ мягкое».

Совершенно также какъ Селье, прирожденный преступникъ, который говорилъ слѣдователю, что «онъ дѣйствовалъ хладнокровно и былъ увѣренъ, что ранилъ смертельно, *потому что чувствовалъ, что ножъ вошелъ глубоко*»[31]). Это ясно указываетъ на ту физическую и нравственную нечувствительность къ страданіямъ другихъ, какая лежитъ въ основѣ характера прирожденнаго преступника, а никакъ не преступника по страсти. Есть еще характерный симптомъ характери-

---

[30]) Очень трезво написана книга: Guido Pompili-*Leone Tolstoi*. Milano 1895.

[31]) *L'omicidio nell'antropologia criminale:* Torino. 1895, стр. 336—337.

зующій Позднышева, какъ прирожденнаго преступника, это когда онъ разсказываетъ, что было съ нимъ послѣ того какъ прибѣжали слуги и онъ ушелъ въ свою комнату.

«Я всталъ, заперъ дверь, досталъ папироски и спички и сталъ курить. Я не докурилъ папироски, какъ меня схватилъ и повалилъ сонъ». Потомъ, когда постучались въ дверь онъ спрашиваетъ себя какъ-бы въ полуснѣ:

«Было это или не было? Да было. Я вспомнилъ сопротивленіе корсета и погруженіе ножа и морозъ пробѣжалъ по спинѣ, «Да было, да теперь надо и себя» сказалъ я себѣ. Но я говорилъ это и зналъ, что я не убью себя. Однако я всталъ и взялъ опять въ руки револьверъ».

Но у него не является стремленія къ самоубійству и это вмѣстѣ съ апатическимъ равнодушіемъ, съ которымъ онъ куритъ сигару тотчасъ послѣ убійства, не даетъ возможности причислить его къ преступникамъ по страсти.

Этотъ болѣзненный сонъ тотчасъ же послѣ преступнаго припадка заставляетъ скорѣе предполагать въ Позднышевѣ убійцу эпилептика или эпилептоида, но болѣе вѣрное заключеніе будетъ то, что эта фигура женоубійцы написана манерно, а не взята изъ дѣйствительности. Это только манекенъ, который служитъ автору для драматизаціи своего оригеновскаго основного положенія.

Личности преступниковъ во *Власти тьмы* очерчены гораздо сильнѣе и ближе къ дѣйствительности. Въ этой драмѣ мы находимъ живое и правдивое описаніе жизни русскихъ крестьянъ не только со стороны ихъ экономическихъ и половыхъ отношеній, (ибо хлѣбъ и любовь являются двумя могучими факторами въ первобытной жизни) но и также и со стороны ихъ религіозныхъ понятій причемъ авторъ съ замѣчательнымъ проникновеніемъ отмѣчаетъ существованіе религіознаго чувства наряду съ наклонностью къ преступленію (Матрена), не смотря на распространенный предразсудокъ, что религія является препятствіемъ къ

преступленію, (хотя имѣются ежедневныя доказательства того, что честные люди и мошенники встрѣчаются какъ между вѣрующими, такъ и между атеистами [32]).

Въ этой драмѣ, какъ у Шекспира, женщины являются гораздо болѣе испорченными и жестокими нежели главное дѣйствующее лицо—Никита, который убиваетъ такимъ жестокимъ образомъ своего незаконнаго сына, раздавливая его подъ доской вѣсомъ своего тѣла, такъ что потомъ все время слышитъ, «какъ хрустять косточки».

Никита есть настоящій типъ преступника не вполнѣ ненормальнаго или *криминалоида*, также какъ помѣшанный (mattoide) является не вполнѣ сумасшедшимъ; его характеръ вполнѣ отвѣчаетъ научнымъ даннымъ, такъ что очевидно взятъ изъ дѣйствительной жизни.

Никита не энергичный и не дѣятельный негодяй, но нравственное чувство у него атрофировано въ особенности въ половыхъ сношеніяхъ; онъ безсердечный человѣкъ какъ, называетъ его Акулина, которая слышитъ съ какой холодностью онъ бросаетъ и прогоняетъ бѣдную Маринку имъ обольщенную (Дѣйствіе I—сцена XVI); однако же онъ чувствуетъ ужасъ къ отравленію Петра (дѣйств. II, сцена XIV) которое дѣлаетъ Анисья; умъ его ограниченъ, онъ съ трудомъ понимаетъ нашептыванья матери о томъ, какъ надо устроить бракъ съ Анисьей, когда та овдовѣетъ. (Дѣйств. II, сцена XVII).

Такъ что онъ является человѣкомъ слабовольнымъ, который отупѣвъ отъ пьянства и обжорства послѣ своей богатой женитьбы, даетъ себя увлечь двумъ женщинамъ, хотя и не безъ борьбы, на совершеніе ужаснаго дѣтоубійства.

Но затѣмъ, именно потому что онъ убійца случайный—чувствуетъ весь ужасъ убійства даже ужасъ физическій въ «хрустѣніи костей» и терзается угрызеніями совѣсти до тѣхъ поръ пока на свадьбѣ Акулины, не смотря на противодѣйствіе женщинъ, не признается рѣшительно во

---

[32]) Ferri. *Religion et criminalité*, въ *Revue des Revues* 15 Октября 1895 г.

всемъ, взявъ на себя вину въ отравленіи Петра, спасая такимъ образомъ жену; эта черта вѣрно подмѣченная Толстымъ свойственна случайнымъ преступникамъ, тогда какъ преступники прирожденные любятъ губить своихъ сообщниковъ, выдавая ихъ.

Полагаю, что нельзя закончить это обозрѣніе преступныхъ типовъ въ литературѣ, не упомянувъ о неподражаемыхъ художественныхъ твореніяхъ Достоевскаго.

Какъ наблюдатель жизни преступниковъ, Достоевскій соединялъ въ себѣ качества строгаго и глубокаго художника съ такимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ людямъ, съ какимъ только могъ къ нимъ относиться кроткій страдалецъ-идеалистъ.

Находясь на каторгѣ въ Сибири, закаленный страданіями, онъ нашелъ въ себѣ силы для глубокаго изслѣдованія человѣческаго сердца. Онъ далъ своей родинѣ и всему міру цѣлый рядъ мастерскихъ произведеній, въ которыхъ, слѣдуя истинному назначенію искусства не останавливается на безплодной эстетикѣ, а вноситъ свѣжую струю въ сознаніе молодыхъ поколѣній стремящихся къ идеалу. Въ психологическомъ романѣ Достоевскій является тѣмъ-же чѣмъ Данте въ гражданской поэзіи и Шекспиръ въ драмѣ,

Многіе люди бывшіе въ тюрьмѣ по политическимъ дѣламъ писали свои впечатлѣнія о тюремной жизни; начиная съ Miei prigioni-Сильвіо Пеллико до *Записокъ изъ Мертваго Дома*-Достоевскаго, а среди новѣйшихъ— Крапоткина-*Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ* (London 1889) мы имѣемъ разнообразные типы заключенныхъ.

Le mie i prigioni—Сильвіо Пеллико являются автобіографической хроникой, ясной и объективной когда рѣчь идетъ о различныхъ эпизодахъ тюремной жизни и искренней при повѣствованіи о собственныхъ чувствахъ, но которая проста, какъ фотографія, не заключая въ себѣ того анализа самаго себя, окружающихъ людей и среды, который является уже преобладающимъ въ другихъ болѣе позднихъ записокъ изъ тюремной жизни.

Кропоткинъ мало занимается психо-антропологическими наблюденіями и все свое вниманіе сосредоточиваетъ или на средѣ тюремной въ строгомъ смыслѣ, или же на средѣ общественной въ широкомъ смыслѣ, изслѣдуя ихъ болѣе или менѣе ненормальныя условія и тѣ условія, которыя ихъ опредѣляютъ. Достоевскій же напротивъ того изслѣдуетъ физіо-психологическія условія людей живущихъ и борящихся въ этой средѣ, не забывая условій среды, но не отводя имъ много мѣста.

Записки изъ Мертваго Дома хотя великолѣпны какъ произведеніе художественное, но тѣмъ не менѣе фантазія автора участвуетъ въ немъ мало; оно не стоитъ на срединѣ между настоящимъ романомъ и точнымъ научнымъ трудомъ.

Въ сущности это рядъ психологическихъ наблюденій изложенныхъ не научнымъ, а художественнымъ образомъ и хотя имѣетъ прелесть романа и въ особенности романа психологическаго, но быть можетъ имѣетъ еще большую притягательную силу для антрополога, какъ цѣнный сборникъ человѣческихъ документовъ относительно преступныхъ типовъ.

Самая форма, манера разсказа медленная со многими отступленіями доказываютъ полную искренность и точность разсказчика, который попавъ въ тюрьму, гдѣ содержались каторжники осужденные за преступленія уголовныя, понемногу побѣждаетъ свое отвращеніе образованнаго человѣка и политическаго идеалиста, а также и ихъ недовѣріе и даетъ картины этого новаго міра съ такой точностью и вѣрностью линій, что до сихъ поръ еще никто его въ этомъ не превзошелъ. Такимъ обравсякій, кто съ научной цѣлью и съ достаточными познаніями въ психологіи и психопатологіи преступниковъ провелъ нѣсколько времени въ каторжной тюрьмѣ, при чтеніи этой книги встрѣтитъ типы уже знакомые.

Я лично больше мѣсяца дѣлалъ наблюденія надъ каторжниками въ Пезаро, въ Августѣ 1881 года, съ цѣлью почерпнуть психологическія данныя для моей книги объ убійствѣ; я разговаривалъ съ ними по долгу,

наблюдалъ ихъ, не будучи ими замѣчаемъ, въ разные моменты ихъ жизни въ тюрьмѣ и могу сказать, что у наиболѣе характерныхъ типовъ описанныхъ Достоевскимъ достаточно перемѣнить имена, чтобы въ моей памяти воскресли наиболѣе любопытные или опасные жильцы итальянскихъ каторжныхъ тюремъ.

Достоевскій очень рѣдко указываетъ на характерныя физіологическія, черты а также на черты лица каторжниковъ Сибири, хотя и вспоминаетъ ихъ «ужасныя и отталкивающія черты лица» и ихъ «громадныя уродливыя головы», но въ его разсказѣ мы встрѣчаемъ такое обиліе и разнообразіе психологическихъ данныхъ, что должны признать его произведенія за новое доказательство того, что искусство предшествуетъ наукѣ въ раскрытіи тайнъ психологіи человѣка, на что уже неразъ указывали въ этой книгѣ.

Донна Концесіонъ Ареналь, изслѣдовательница тюремной жизни въ Испаніи, подтверждая многія мои положенія относительно угрызеній совѣсти у преступниковъ, (которыя у нихъ въ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ, вопреки на общепринятому мнѣнію) говорила однако, что мои выводы не могутъ быть цѣликомъ приложены къ испанскимъ преступникамъ и заключила, что въ каждой странѣ должны производиться отдѣльно наблюденія надъ психологіей преступниковъ [33]); между тѣмъ наблюденія Достоевскаго подтверждаютъ мнѣніе криминалистовъ антропологовъ, которые заключаютъ, что главнѣйшія черты психологіи преступниковъ равно какъ и ихъ физіономіи одинаковы во всѣхъ странахъ, несмотря на различія расъ и обстановки.

Причина этого явленія будетъ ясна, если мы вспомнимъ, что нормальные люди и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи зависятъ отъ той среды, въ которой находятся; такъ національный типъ Джонъ-Буля становится Янки, перейдя изъ Англіи въ Америку и за-

---

[33]) Mad. Arenal—*Psychologie comparée du criminel* въ *Bulletin de la Société des Prisons*, Paris 1886 стр. 647.

тѣмъ переходитъ въ другую разновидность, въ Австраліи.

Наоборотъ, вся печальная толпа дегенератовъ въ формѣ ли преступности, наслѣдственнаго сумасшествія или идіотизма получаетъ отъ самого вырожденія общій отпечатокъ, являющійся возвращеніемъ назадъ къ примитивнымъ формамъ и формамъ менѣе разнообразнымъ.

Уже въ I главѣ *Мертваго дома* мы встрѣчаемся съ отсутствіемъ угрызеній совѣсти у большей части каторжниковъ. «Я зналъ изъ нихъ даже убійцъ до того веселыхъ, до того никогда не задумывавшихся, что можно было биться объ закладъ, что никогда совѣсть не сказала имъ никакого упрека». Конечно, тщеславіе, дурные примѣры молодечества, ложный стыдъ во многомъ тому причиною... Но вѣдь можно же было во столько лѣтъ хоть что нибудь замѣтить, поймать, уловить въ этихъ сердцахъ, хоть какую нибудь черту, которая бы свидѣтельствовала о внутреннемъ страданіи. Но этого не было, положительно не было». Мы встрѣчаемся въ книгѣ Достоевскаго съ описаніями случаевъ свирѣпой мести, которая подготовляется исподволь; говоритъ онъ также и о безчувственности каторжниковъ не только физической, но и нравственной. Они безсовѣстно обкрадывали другъ друга и наносили другъ другу страшные побои; очень рѣдко они кричали отъ боли подъ розгами (Глава I часть II). Во второй главѣ своей книги, Достоевскій отмѣчаетъ органическое отвращеніе каторжниковъ къ постоянному и производительному труду (атавистическій отголосокъ дикой жизни, или же слѣдствіе неврастеніи вырождающагося человѣка), въ главѣ III, онъ говоритъ объ одномъ преступникѣ по страсти, у котораго психологическіе признаки были совсѣмъ другіе нежели у другихъ, потому что онъ ближе подходитъ къ нормальному человѣку. Много другихъ характерныхъ чертъ преступнаго человѣка узнаемъ мы изъ этой книги; такова напримѣръ дѣтская любовь къ бросающимся въ глаза нарядамъ и Достоевскій не одинъ разъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что преступники это «взрослые дѣти», также

точно какъ антропологъ криминалистъ говоритъ объ ихъ «дѣтствѣ», упоминаетъ онъ и о глубокомъ религіозномъ чувствѣ, которое вопреки ходячему мнѣнію, очень часто встрѣчается среди преступниковъ. Кенанъ тоже замѣчаетъ, что «русскій преступникъ можетъ быть убійцей и разбойникомъ, но никогда не забудетъ перекреститься, или прочесть молитву». (*Сибирь*); итальянскіе разбойники увѣшаны амулетами и глубоко и искренне религіозны, хотя конечно эта вѣра чужда тѣхъ идеаловъ, какіе имѣетъ вѣрующій образованный человѣкъ; эта вѣра во всякомъ случаѣ не удерживаетъ ихъ отъ преступленій по тѣмъ причинамъ нравственной динамики, о которыхъ я говорилъ въ другомъ мѣстѣ.

Такъ въ *Преступленіи и Наказаніи*, когда Раскольниковъ будучи въ Сибири, стоитъ за обѣдней съ равнодушнымъ видомъ атеиста, другіе каторжники начинаютъ къ нему враждебно относиться, «какъ къ еретику».

Отмѣчая среди преступниковъ грубый эротизмъ, склоность къ выдачѣ товарищей, наклонность къ пьянству, Достоевскій не упустилъ изъ виду «сна праведныхъ» являющагося одной изъ характерныхъ особенностей самыхъ свирѣпыхъ прирожденныхъ преступниковъ, объ которыхъ англійскій тюремный врачъ Томсонъ говорилъ (въ противность общераспространенному мнѣнію объ ихъ тяжеломъ снѣ): «Я видѣлъ этихъ убійцъ спящими такъ крѣпко и спокойно, какъ честные люди или какъ самый невинный человѣкъ у себя дома» (Psychology of criminals, 1871, стр. 26).

«Полное отсутствіе личности» является другимъ основнымъ признакомъ преступника; благодаря этому онъ всегда подчиняется обстоятельствамъ даннаго момента, или волѣ того, кто умѣетъ на него влiять; это есть физіологическое основаніе безпрекословнаго повиновенія, которое оказываютъ разбойники своимъ атаманамъ.

«Эти люди такъ и родятся объ одной идеѣ всю жизнь безсознательно двигающей ихъ туда и сюда; такъ они и мечутся всю жизнь пока не найдутъ себѣ дѣла

вполнѣ по желанію; тутъ имъ и голова нипочемъ... Дивился я на него тоже, когда онъ, несмотря на видимую ко мнѣ привязанность обкрадывалъ меня. Находило это на него какъ то полосами. Это онъ укралъ у меня библію, которую я ему далъ только донести изъ одного мѣста въ другое. Дорога была въ нѣсколько шаговъ, но онъ успѣлъ найти въ дорогѣ покупщика, продалъ ее и тотчасъ пропилъ деньги. Вѣрно ужъ очень пить ему захотѣлось, а ужъ что очень захотѣлось, то *должно* было быть исполнено. Вотъ такой-то и рѣжетъ человѣка за четвертакъ, чтобы за этотъ четвертакъ выпить косушку, хотя въ другое время пропуститъ равнодушно сотни тысячъ. Вечеромъ онъ мнѣ самъ объявилъ о покражѣ, только безъ всякаго смущенія и раскаянія, совершенно равнодушно, какъ о самомъ обыкновенномъ приключеніи. Я было пробовалъ хорошенько его побранить, да и жалко мнѣ было мою библію. Онъ слушалъ не раздражаясь, даже очень смирно, соглашался, что библія очень полезная книга, *искренно жалѣлъ, что ея у меня теперь нѣтъ*, но вовсе не сожалѣлъ о томъ, что укралъ ее».

Мы, психологи-криминалисты можемъ назвать эту характерную черту прирожденнаго преступника «наслѣдственнымъ дефектомъ задерживающихъ центровъ», «психической и физической анестезіей»; перо Достоевскаго въ этихъ немногихъ строкахъ обрисовало съ недосягаемымъ мастерствомъ нравственный образъ преступнаго человѣка, типъ встрѣчающійся очень часто; но изображаемый совершенно иначе художниками не изучающими дѣйствительности, или же нормальными людьми, которые этой дѣйствительности не наблюдаютъ. Вотъ напримѣръ, какъ объясняется популярность между каторжниками надзирателя поручика Смекалова (часть II, глава 2): этотъ антропологическій типъ преступнаго человѣка хотя и не нарушившаго ни одной статьи уложенія о наказаніяхъ изъ за всякихъ пустяковъ давалъ каторжникамъ розогъ... но во время порки острилъ и шутилъ съ наказываемыми.

Не скрылось отъ наблюдательности Достоевскаго и вліяніе, которое оказываетъ на преступность среди арестантовъ время года; вліяніе это выражается въ томъ, что въ жаркіе мѣсяцы болѣе часты случаи неповиновенія надзирателямъ и кровавыя драки между заключенными, (это подтверждаетъ, что причины преступности заключаются не только въ условіяхъ среды). (Глава 5, во II части). Въ наукѣ это наблюденіе сдѣланно Марро. Достоевскій также подмѣтилъ въ преступникахъ и описалъ въ отдѣльной главѣ (6-й, во II части) любовь къ животнымъ, которая вмѣстѣ съ любовью къ мучительству ихъ являются однимъ изъ признаковъ вырожденія у взрослыхъ; эта же любовь у дѣтей является вполнѣ нормальной и преходящей; дѣти и въ этомъ случаѣ, какъ вообще во всей своей психической жизни отражаютъ характеръ первобытныхъ людей.

Достоевскій въ *Запискахъ изъ Мертваго Дома* не ограничивается простымъ указаніемъ признаковъ психологіи преступника. Онъ является также глубокимъ психологомъ и знатокомъ человѣческаго сердца, а такъ какъ въ преступникахъ, какъ я уже доказывалъ, остаются многія черты и чувства нормальныя, которыя переживаютъ крушеніе чувства общественности, или существуютъ наряду съ врожденной атрофіей этого чувства, то Достоевскій умѣетъ отмѣчать эти нормальныя черты въ преступникахъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Такъ онъ объясняетъ большую радость преступниковъ при празднованіи Рождества тѣмъ, что они празднуя этотъ день, чувствовали себя въ нравственномъ общеніи съ внѣшнимъ міромъ, отъ котораго они были оторваны навсегда. Достоевскій съ увлекательной простотой описываетъ случай съ орломъ, попавшимъ въ руки каторжниковъ и отпущеннымъ на свободу, потому что не поддавался никакимъ ласкамъ. Красивая птица, сначала неувѣренно удаляется по полю покрытому высокой травой; потомъ, почувствовавъ увѣренность въ своихъ силахъ поднимается на воздухъ и взмываетъ высоко, изчезая изъ глазъ каторжниковъ, которые слѣдятъ за нимъ какъ

очарованные, пока надзиратели не приказываютъ имъ возвращаться въ тюрьму. Они медленно туда возвращаются: но орелъ «почуялъ свободу» и свободу онъ получилъ отъ нихъ...

Достоевскій отмѣчаетъ развращающее вліяніе всякой неограниченной власти, велика ли она или мала; наклонности палача дремлютъ и въ тѣхъ людяхъ, которые умѣютъ не задѣвать уложенія о наказаніяхъ, проходя очень близко отъ него; онъ дѣлаетъ также прекрасное описаніе народнаго агитатора, который вездѣ одинаковъ, какъ въ тюрьмѣ, такъ и на свободѣ».

Помимо этого Достоевскій дѣлаетъ также существенныя замѣчанія по поводу многихъ жестокихъ и безсмысленныхъ тюремныхъ порядковъ, благодаря которымъ люди находящіеся подъ слѣдствіемъ и могущіе оказаться невинными, содержатся строже нежели уже осужденные. Говоритъ онъ также о необходимости раздѣлять преступниковъ на разныя категоріи; въ наше время это является однимъ изъ основнхъ положеній позитивной школы криминалистовъ; между тѣмъ въ настоящее время законодательство и тюремныя инструкціи подводятъ всѣхъ преступниковъ подъ одинъ средній типъ, обращая только вниманіе на различіе статей закона нарушенныхъ преступленіемъ, вмѣсто того чтобы сообразовать приговоры и наказанія съ различіемъ физическихъ и нравственныхъ наклонностей различныхъ категорій преступниковъ.

Наконецъ въ *Мертвомъ Домѣ* встрѣчаются (рѣдкіе какъ и въ дѣйствительной жизни) свѣтлые типы и хорошіе поступки осужденныхъ даже и среди преступниковъ уголовныхъ.

Такова напримѣръ кроткая фигура молодого Алея, виновнаго только въ томъ, что подчинился сильному характеромъ старшему брату и послѣдовалъ за нимъ для выполненія кровавой мести. Достоевскій упоминаетъ также о деликатности больныхъ арестантовъ, о любви ихъ къ справедливости (глава 11, часть II), что приходилось отмѣчать и мнѣ среди преступниковъ и что я называлъ нравственнымъ дальтонизмомъ.

Такимъ образомъ всѣ главныя черты психологіи преступника, которыя въ настоящее время съ трудомъ устанавливаются наукой съ цѣлью найти болѣе дѣйствительные и болѣе человѣчные способы предохраненія отъ того вида индивидуальной и общественной болѣзни, которая называется преступленіемъ,—эти черты, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ уже были подмѣчены геніальнымъ художникомъ.

Изъ всѣхъ мастерскихъ произведеній искусства, которыя вышли изъ подъ пера Достоевскаго отъ *Бѣдныхъ людей* до *Униженныхъ и Оскорбленныхъ*, *Идіота* и *Бѣсовъ* (политическіе преступники), гдѣ онъ описываетъ различныя формы нравственной болѣзни, печальную тріаду сумасшествіе — крушеніе разума, — самоубійство — крушеніе воли и преступленіе — крушеніе общественнаго чувства, романъ *Преступленіе и Наказаніе* доставилъ автору широкую извѣстность и является дѣйствительно лучшимъ выраженіемъ его художественнаго генія и какъ психологическій романъ не имѣетъ себѣ равныхъ. Это романъ потрясающій душу; мастерски изображена нравственная язва, подтачивающая Раскольникова—преступника сумасшедшаго со склонностью къ убійству; Соня—публичная женщина, пошедшая по этому пути съ голоду, также изображена мастерскими штрихами; здѣсь слышенъ протестъ противъ условій общественной жизни, протестъ тѣмъ болѣе краснорѣчивый, что онъ читается между строкъ. Романъ кончается *надеждою* на нравственное возрожденіе Раскольникова осужденнаго на семь лѣтъ каторги. Соня сопровождаетъ его въ Сибирь и тамъ они въ первый разъ признаются другъ другу въ любви и чувствуютъ, что эта любовь ихъ возродитъ, потому что «въ сердцѣ одного былъ неизсякаемый источникъ жизни для сердца другаго». Но, будучи вѣрнымъ изобразителемъ дѣйствительности, Достоевскій не очень настаиваетъ на этомъ нравственномъ возрожденіи, которое болѣе чѣмъ вѣроятно въ проституткѣ изъ за голода, но невѣроятно въ убійцѣ прирожденномъ; Достоевскій заключаетъ свой разсказъ, не

противорѣча неумолимой истинѣ и не разочаровывая вмѣстѣ съ тѣмъ того, кто читая этотъ романъ чувствуетъ увлеченіе старымъ романтизмомъ и мечтаетъ о новомъ существованіи среди розъ, млека и меда.

«Въ началѣ своего счастія, въ иныя мгновенія они оба готовы были смотрѣть на эти семь лѣтъ, какъ на семь дней. Онъ (Раскольниковъ) даже не зналъ того, что новая жизнь не даромъ же ему достанется, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великимъ будущимъ подвигомъ...

«Но тутъ ужъ начинается новая исторія,—исторія постепеннаго обновленія человѣка, исторія постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомство съ новою, доселѣ совершенно невѣдомой дѣйствительностью. Это *могло-бы* составить тему новаго разсказа, но теперешній разсказъ нашъ конченъ».

А вотъ какимъ образомъ авторъ въ немногихъ строкахъ даетъ простую основу своего замѣчательнаго романа.

Раскольниковъ очень бѣдный студентъ одинъ разъ услышалъ и *воспринялъ* такое разсужденіе:

«Позволь я тебѣ серьезный вопросъ задать хочу, загорячился студентъ. Ну, смотри, съ одной стороны глупая, безсмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и напротивъ всѣмъ вредная, которая сама не знаетъ для чего живетъ и которая завтра же сама собою умретъ. Понимаешь? Понимаешь?

— Ну, понимаю, отвѣчалъ офицеръ, внимательно уставясь въ горячившагося товарища.

— Слушай дальше. Съ другой стороны, молодыя свѣжія силы, пропадающія даромъ безъ поддержки и это тысячами и это всюду! Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и направить на старухины деньги обреченныя въ монастырь. Сотни, тысячи можетъ быть существованій направленныхъ на дорогу, десятки семействъ спасенныхъ отъ нищеты, отъ разложенія, отъ гибели, отъ разврата, отъ венерическихъ бо-

лѣзней,—и все это на ея деньги. Убей ее и возьми ея деньги, съ тѣмъ чтобы съ ихъ помощью посвятить потомъ себя на служеніе всему человѣчеству и общему дѣлу: какъ ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступленьице тысячами добрыхъ дѣлъ? За одну жизнь — тысячи жизней спасенныхъ отъ гніенія и разложенія. Одна смерть и сто жизней взамѣнъ — да вѣдь тутъ ариѳметика! Да и что значитъ на общихъ вѣсахъ жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не болѣе какъ жизнь вши, таракана, да и того не стоитъ, потому что старушонка вредна! Она чужую жизнь заѣдаетъ! Она намедни Лизаветѣ палецъ со зла укусила: чуть-чуть не отрѣзали!

— Конечно она недостойна жить, замѣтилъ офицеръ— но вѣдь тутъ природа.

— Эхъ братъ, да вѣдь природу поправляютъ и направляютъ, а безъ этого пришлось бы потонуть въ предразсудкахъ. Безъ этого ни одного бы великаго человѣка не было. Говорятъ «долгъ, совѣсть». Я ничего не хочу говорить противъ долга и совѣсти, но вѣдь какъ мы ихъ понимаемъ? Стой, я тебѣ еще задамъ одинъ вопросъ: слушай!

— Нѣтъ, ты стой; я тебѣ задамъ вопросъ, слушай!

— Ну!

— Вотъ ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мнѣ: убьешь ты *самъ* старуху или нѣтъ?

— Разумѣется нѣтъ! Я для справедливости... Не во мнѣ тутъ и дѣло...

— А по моему коль ты самъ не рѣшаешься такъ нѣтъ тутъ никакой и справедливости!.. Пойдемъ еще партію!»

Всѣ эти разсужденія, которыя у здоровыхъ и нормальныхъ людей кончаются такъ, какъ мы видѣли, западаютъ въ больной умъ Раскольникова и пускаютъ тамъ корни. Логическія разсужденія, при которыхъ не принимаются во вниманіе ни нравственное чувство, ни человѣчность, дѣлаются только для упражненія въ ораторскомъ искусствѣ и тотчасъ же разбиваются, встрѣ-

чая въ нормальномъ человѣкѣ сопротивленіе этихъ двухъ силъ, они остаются логическими и становятся теоріей, которую можно осуществить только въ такомъ индивидуумѣ, въ которомъ такого сопротивленія не встрѣчается.

Умъ Раскольникова всецѣло наполненъ этой идеей. Онъ утверждаетъ, что предназначенъ совершить великія дѣла [34]) и говоритъ, что если-бы Наполеонъ I отступилъ передъ убійствомъ одного человѣка или тысячи, то никогда бы не достигъ своей славы, такъ и онъ не долженъ останавливаться передъ убійствомъ старой ростовщицы.

Онъ начинаетъ приготовлять средства, *для того чтобы дѣйствовать*. Прежде всего идетъ къ старой ростовщицѣ, чтобы сдѣлать „генеральную репетицію" предпріятія, онъ узнаетъ какъ расположена квартира, разсчитываетъ, гдѣ долженъ быть сундукъ, какіе отъ него ключи изъ тѣхъ, что она носитъ съ собою. Запасается топоромъ, укрѣпляетъ его глухой петлею подъ пальто, завертываетъ въ бумагу кусочекъ дерева, который долженъ изображать серебрянный портсигаръ для заклада у старой ростовщицы.

Въ семь часовъ вечера онъ направляется къ дому Алены Ивановны. Входитъ, показываетъ свертокъ и, пока старуха старается его развернуть, повернувшись къ окну, онъ наноситъ ей ударъ топоромъ по головѣ. Въ то время какъ Раскольниковъ ищетъ денегъ въ сосѣдней комнатѣ, входитъ сестра старухи, вошедшая въ дверь по случайности незапертую, т.-е. незапертую благодаря обычной непредусмотрительности преступниковъ. Онъ принужденъ убить также и сестру, для того, чтобы не быть пойманнымъ. Находясь въ страшномъ волненіи (поэтому онъ не прирожденный преступникъ), онъ не успѣваетъ украсть почти что ничего: беретъ только нѣсколько золотыхъ вещей и маленькій кошелекъ. Онъ не умѣетъ даже воспользоваться ими потомъ: убѣжавъ изъ квартиры, въ то время когда туда должны были

---

[34]) Вотъ дегенератъ... высокомѣрный.

придти знакомые старухи, онъ хочетъ бросить вещи въ Неву, но потомъ прячетъ ихъ во дворѣ подъ большимъ камнемъ... [35])

Здѣсь начинается ужасная внутренняя борьба въ душѣ убійцы, который не будучи прирожденнымъ преступникомъ не обладаетъ равнодушнымъ отношеніемъ къ совершенному преступленію и, будучи дегенератомъ высшаго порядка, не имѣетъ достаточной энергіи чтобы скрывать то, что въ немъ происходитъ, какъ это вообще не удается всѣмъ слабымъ и импульсивнымъ существамъ. Здѣсь сила художника и писателя достигаетъ своего апогея и поднимается прямо на высоту равную генію Шекспира.

---

[35]) По этому поводу интересно замѣтить, что Достоевскій, конечно самъ не зная того, повторяетъ точное психологическое наблюденіе, которое такъ хорошо описалъ Алессандро Манцони, когда Ренцо вырвавшись изъ рукъ полиціи, не можетъ рѣшиться у кого спросить дорогу и дѣлаетъ при этомъ быструю оцѣнку различныхъ типовъ, которые ему встрѣчаются и къ которымъ онъ не рѣшается обратиться, такъ какъ думаетъ, что они не обратятъ вниманія на его слова, или потому что одинъ—дѣловой человѣкъ хмурый и куда-то спѣшащій, а другой лавочникъ стоявшій у дверей своей лавки болѣе склонный къ тому чтобы распрашивать, нежели къ тому чтобы давать какія-либо свѣдѣнія и такъ далѣе, причемъ это описаніе даетъ удивительныя психологическія подробности и является однимъ изъ наиболѣе яркихъ въ романѣ *Promessi Sposi (Обрученные)*.

Такъ и Раскольниковъ, убѣжавъ изъ того дома, гдѣ совершилъ убійство, направляется къ рѣкѣ, чтобы бросить туда украденныя вещи «но и подумать нельзя было исполнить намѣреніе: или плоты стояли у самыхъ сходовъ и на нихъ прачки мыли бѣлье, или лодки были причалены и вездѣ люди такъ и кипатъ, да отовсюду съ набережныхъ и со всѣхъ сторонъ можно видѣть, замѣтить: подозрительно, что человѣкъ нарочно сошелъ, остановился и что-то въ воду бросаетъ. А ну какъ футляры не утонутъ, а поплывутъ? Да и конечно такъ. Всякій увидитъ. И безъ того уже всѣ такъ и смотрятъ, встрѣчаясь оглядываютъ, какъ будто имъ и дѣло только до него».—«Отчего бы такъ, или мнѣ можетъ быть кажется», думалъ онъ.—И удивился онъ вдругъ: какъ это онъ цѣлые полчаса бродилъ въ тоскѣ и тревогѣ и въ опасныхъ мѣстахъ, а этого раньше не могъ выдумать.

«. . . Онъ пошелъ къ Невѣ по В—му проспекту; но дорогою пришла ему еще мысль: «Зачѣмъ на Неву? Зачѣмъ въ воду? Не лучше ли уйти куда нибудь очень далеко, опять хоть на Острова и тамъ гдѣ нибудь въ одинокомъ мѣстѣ, въ лѣсу, подъ кустомъ зарыть все это и дерево пожалуй замѣтить» (Часть II). Здѣсь, какъ въ *Гамлетѣ* мы видимъ абулію или параличъ воли, свойственный сознательному сумасшедшему: между тѣмъ въ *Обрученныхъ*, воля Ренци, крестьянина, которому чужда неврастенія дегенератовъ высшаго порядка, не парализуется психологическимъ анализомъ разныхъ типовъ встрѣчныхъ людей и онъ быстро и рѣшительно, какъ нормальный и здоровый человѣкъ направляется къ Миланскимъ воротамъ, предпочитая всему свободу.

Послѣ безполезнаго преступленія Раскольниковъ испытываетъ страшную душевную тоску, онъ дѣлаетъ лихорадочныя усилія, чтобы не выдать себя сначала въ полицейскомъ участкѣ куда его призвали на другой день послѣ убійства, съ тѣмъ чтобы онъ заплатилъ долгъ квартирной хозяйкѣ и гдѣ онъ услышавъ, что говорятъ объ убійствѣ старухи, упалъ въ обморокъ, чѣмъ возбудилъ нѣкоторыя подозрѣнія въ одномъ полицейскомъ офицерѣ.

Раскольниковъ возвращается, какъ лунатикъ на мѣсто совершенія преступленія (подобное явленіе наблюдается у многихъ преступниковъ), звонитъ въ колокольчикъ, который звонилъ въ тотъ вечеръ, когда совершено было преступленіе; идетъ снова на то мѣсто, гдѣ было совершено преступленіе; разспрашиваетъ сосѣдей и развлекается и мучается, говоря о преступленіи и о томъ кто-бы могъ быть его виновникомъ.

Затѣмъ описана съ удивительною психологической тонкостью борьба между Раскольниковымъ, умнымъ хотя и ненормальнымъ человѣкомъ и тонкимъ знатокомъ души преступника проницательнымъ судебнымъ слѣдователемъ, который подозрѣваетъ Раскольникова, но не знаетъ какъ доказать это, если тотъ не признается, а вмѣстѣ съ тѣмъ не хочетъ требовать этого признанія, зная что подобное требованіе вызвало бы рѣшительное отрицаніе, а потому обращается съ нимъ ласково, вкрадчиво, но пугаетъ его страшными намеками, какъ котъ играетъ съ мышью передъ тѣмъ, какъ задушить ее.

Наконецъ Раскольниковъ сдается передъ Соней, этой чудной дѣвушкой пожертвовавшей своимъ дѣвичьимъ тѣломъ, для того чтобы прокармливать свою голодную семью; Соня, читая евангеліе говоритъ ему, «*покайся*!» [36].

Мельхіоръ де Вогюе въ общемъ разбираетъ произведенія Достоевскаго съ точки зрѣнія обыденной психоло-

---

[36]) G. Pozzi, *Th. Dostoievsky e gli strangolatori della vecchia* по поводу одного процесса въ судѣ присяжныхъ въ Римѣ)—въ *Scuola positiva nella giurisprudenza penale* Іюнь 1894 года, стр. 353.

гіи, высказывая много невѣрныхъ и банальныхъ мыслей, но совершенно справедливо отмѣчаетъ слѣдующее: «этотъ человѣкъ открываетъ новые горизонты, показываетъ души различныя отъ нашихъ: онъ открываетъ намъ новый міръ, людей болѣе могучихъ какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ, болѣе сильныхъ въ страданіи и въ хотѣніи» [37].

Мы знаемъ теперь почему психологическій романъ Достоевскаго обладаетъ такой поразительной силой, несмотря на страшную многословность психологическаго анализа; Достоевскій черпаетъ свою силу въ воспроизведеніи дѣйствительности, онъ не рисуетъ фантастическихъ или искусственныхъ фигуръ преступниковъ, пользуясь данными общей психологіи, какъ Бурже, но изображаетъ «ихъ души различныя отъ нашихъ».

Но этого мало: въ изображеніи каждаго типа преступника Достоевскій вѣренъ психологической дѣйствительности. Политическіе помѣшанные въ *Бѣсахъ* изображены другими нежели прирожденные преступники и рѣдкіе преступники по страсти въ *Мертвомъ Домѣ*; Раскольниковъ, преступникъ — сумасшедшій, отличается отъ всѣхъ прочихъ и въ немъ можно найти главныя чкрты, которыя я, напримѣръ, нашелъ послѣ долгаго изученія тысячи судебныхъ экспертизъ и послѣ изслѣдованія тысячъ преступниковъ и сумасшедшихъ на каторгѣ и въ сумасшедшихъ домахъ.

Вотъ почему напримѣръ, совершенно неправильно сужденіе о *Преступленіи и Наказаніи* одного судьи, человѣка умнаго, но не знающаго психологіи преступниковъ, и руководящагося общей психологіей.

«Можно было-бы назвать книгу Достоевскаго «трактатъ о зарожденіи преступленія въ человѣческомъ умѣ», до такой степени авторъ показываетъ въ немъ, какъ дурная мысль, неясное желаніе, мечта, незамѣтный зародышъ постепенно выростаетъ въ чудовищное дѣйствіе.

---

37) M. de Vogüé, *Le roman russe*. Paris 1887.

Необузданное воображеніе создаетъ призраки и кончаетъ тѣмъ, что порождаетъ преступленіе» [38]).

Это не правда: тысячи мечтателей могутъ въ воображеніи своемъ создавать тысячи преступленій, включая и «преступленіе мандарина» Жанъ-Жака Руссо... и не породятъ ни одного преступленія по той простой причинѣ, что въ противность общераспространенному мнѣнію убійцей не является тотъ кто хочетъ, точно также какъ съума сходитъ и кончаетъ съ собой тоже не тотъ кто хочетъ. Для того, чтобы такая мечта превратилась въ дѣйствительность, надо имѣть мозгъ ослабленный, больной или неуравновѣшенный.

Въ одномъ петербургскомъ трактирѣ офицеръ и студентъ спорятъ объ убійствѣ, говорятъ парадоксы; ни въ одномъ изъ нихъ однако эта отвлеченная идея не получаетъ такой физіо-психологической импульсивности чтобы перейти въ конкретную идею, а еще менѣе въ тускульное дѣйствіе. Для этого нужно имѣть разстроенные задерживающія центры, что имѣется только у дегенератовъ; для прирожденныхъ преступниковъ и для преступниковъ сумасшедшихъ достаточно одного появленія смысли въ мозгу, тогда какъ для преступниковъ случайныхъ и преступниковъ по страсти этого не довольно, а требуются еще внѣшнія обстоятельства, которыя съ непреодолимой силой толкали бы его къ совершенію преступленія. Вотъ почему невѣрны выводы Берара-де-Глэйе, когда онъ говоритъ слѣдующее: «Оставимъ въ сторонѣ особенности происхожденія процесса Раскольникова: все то что осужденный въ ссылку въ Сибирь доказалъ, осужденные въ центральныхъ французскихъ тюрьмахъ чувствовали; въ той стадіи слѣдствіи когда петербургскій студентъ признался въ своемъ преступленіи слѣдователю Порфирію, парижскіе преступники признались бы слѣдователю Аталэну. Поканчиваютъ съ собою всюду однимъ и тѣмъ-же способомъ и признаются въ своемъ преступленіи повсюду въ одинъ и тотъ-же моментъ» (стр. 53).

[38]) Berard des Glayeux (Предсѣдатель Суда). *Les passions criminelles*, Paris 1893, стр. 49.

Это не вѣрно: чтобы убить, какъ Раскольниковъ нужно быть дегенератомъ одержимымъ непреодолимымъ стремленіемъ къ преступленію; для того чтобы сознаться такъ, какъ это сдѣлалъ онъ, надо быть дегенератомъ высшаго порядка не вполнѣ лишеннымъ общественнаго чувства, которое переживаетъ крушеніе его воли и его практическаго разума.

Тропманъ и Пранцини, Мисдеа и неизвѣстный Джекъ вспарыватель животовъ и убиваютъ разно и сознаются въ своихъ преступленіяхъ не въ одинъ и тотъ же моментъ и не однимъ и тѣмъ же образомъ, также какъ убиваютъ разно и различнымъ образомъ сознаются въ своихъ преступленіяхъ Макбетъ, Гамлетъ и Отелло.

Эта истина нова въ области криминологіи, но стара въ области искусства.

Искусство и типы честныхъ людей.

Такимъ образомъ въ бѣгломъ очеркѣ мы познакомились съ цѣлой толпой преступниковъ, на которыхъ искусство бросило свои лучи, очень часто располагая общество въ ихъ пользу; эти дегенераты всегда болѣе достойны состраданія нежели ненависти, но во всякомъ случаѣ достойны его гораздо менѣе нежели другіе страждущіе, которые несмотря на страданія нищеты и хроническаго голода, остаются честными и слѣдуютъ внушенію чувствъ человѣчности и нравственности, по которымъ насиліе человѣка всегда внушаетъ отвращеніе даже въ моменты крайности; послѣднимъ протестомъ противъ несправедливости общественнаго уклада у такихъ людей является самоубійство.

Искусство уже слишкомъ много занималось преступниками и теперь казалось-бы должно обратить свои живительные лучи на страждущихъ.

Заря этого обновленія занимается [39]).

Уже черезчуръ много мы видѣли и на сценѣ въ романахъ фигуръ преступниковъ отвратительныхъ благодаря умственному и матеріальному убожеству, или же

---

[39]) Litzmann, — *Zur Entwikelung des modernen Deutschen Romans* въ *Deutsche Revue*, Іюнь 1895 года.—Portal, *La jeunesse littéraire et le socialisme* въ *Art social*, Мартъ 1894 года. Bettini, *L'arte proletario all'esposizione artistica di Milano* въ *Critica sociale*, 16 Сентября 1894 года. Его-же, *La poesia sociale* (M. Hood, G. A. Costanzo, M. Rapisardi, C. Corradino, Ada Negri, Argia Castiglioni) въ *Critica sociale* 1895 года, V. № 2, 3, 10, 11. Chiappelli, *Socialismo ed arte* въ *Nuova Antologia* 1 Августа 1895 г. Поэтому не точно замѣчаніе сдѣланное имъ съ такимъ доброжелательствомъ въ *L'Art moderne* (Bruxelles 1 Дек. 1895 г.) по поводу этой книги, а именно, что моя критика символистовъ, декадентовъ и т. п. противорѣчитъ моей склонности по всякому новому теченію мысли или чувства. Я полагаю, что дѣйствительно искусство можно обновить и что это обновленіе уже начинается въ томъ направленіи, на которое я указалъ; символизмъ-же, декадентство и т. п. имѣютъ только нѣкоторые проблески этого прогрессивнаго обновленія и очень часто остаются и по своей сущности и по своимъ побудительнымъ причинамъ изящнымъ но безплоднымъ кривляньемъ высокомѣрныхъ дегенератовъ.

благодаря испорченности подлой души. Индивидуалистическій міръ «свободной конкурренціи» и «homo homini lupus est» привилъ въ кровь и плоть людей ядъ насилія, восхваляя или уничтожая насильниковъ, смотря потому полезны они или нѣтъ для классовыхъ интересовъ (Наполеонъ III былъ сдѣланъ императоромъ, а Орсини—гильотинированъ); конечно и искусство принуждено было дышать этимъ воздухомъ пропитаннымъ насиліемъ и изображать фигуры преступниковъ.

Но въ настоящее время уже, на зарѣ новаго общественнаго сознанія, міръ идетъ къ другой нравственности, которая отвергаетъ насиліе, которое, будь оно индивидуальное или коллективное, всегда грубо и безплодно.

Душа міра обращается теперь не къ насильникамъ, а къ жертвамъ и народъ изъ безымяннаго хора греческой трагедіи становится главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ грандіозной драмѣ гражданской исторіи.

Сознаніе человѣчества обращается теперь къ другимъ людямъ и искусство являющееся отраженіемъ жизни не можетъ не слѣдовать за нею.

Пускай неуравновѣшенные или же холодные и надменные умы упорствуютъ въ своихъ заблужденіяхъ и уединяются отъ міра, прославляя «я»—Маркса Штирнера, «интеллектуальную аристократію» декадентовъ или сверхъ-человѣка» Ницше. Міръ имъ отвѣчаетъ только возгласомъ удивленія, и послѣ первыхъ увлеченій и ошибокъ человѣческій и общественный здравый смыслъ возстаетъ противъ подобныхъ заблужденій самонадѣянныхъ и высокомѣрныхъ дегенератовъ.

Толпа, толпа... вотъ новый человѣческій міръ гдѣ искусство должно теперь черпать свое вдохновеніе, свои муки, свои пожеланія, какъ это уже сдѣлала фламандская школа, а въ Италіи Франческо Паоло Миккетти. Толпа, изможденная, «дурно питающаяся», грязная, грубая, испорченная — но также и простая, трудолюбивая, безсознательно альтруистичная и добрая, дѣлающаяся человѣчной едва лишь лучъ свѣта проникнетъ въ мрачные вертепы и въ грязныя трущобы городовъ и забро-

шенныхъ деревень, гдѣ у взрослыхъ изъѣдены всѣ фибры души и тѣла, гдѣ у женщинъ отравлены источники святаго материнства, гдѣ у дѣтей отнимаются даже проблески радостей: всѣ унижены, покинуты, забыты... вся эта безымянная толпа пригвождена вѣками къ кровавому кресту работы илотовъ...

Но на этихъ то несчастныхъ, на этихъ забытыхъ теперь упалъ свѣтъ искусства и появились такія произведенія какъ Erede — Патини, Proximus tuus — Д'Орси, Riflessioni di un affamato — Лонгони, Donne all'aratro — Томинетти, Nostre schiave — Гидони, Minatore — Бутти — также точно какъ въ поэзіи произведенія Раписарди, Коррадино, Костанцо, Ады Негри, послѣдніе разсказы Де-Амичиса и драматическія произведенія Камилло Антоно Траверси или Гауптмана.

И литература, которая *Хижиною Дяди Тома* и *Записками Охотника* дала рѣшительный толчокъ сознанію общества, указавъ на ужасы рабства въ Америкѣ и крѣпостнаго права въ Россіи, *Записками изъ Мертваго Дома* Достоевскаго возбудила негодованіе цивилизованнаго міра противъ мерзостей рабства политическаго. Искусство дастъ новой человѣческой культурѣ, (которая уже предчувствуется тѣми, кто съ замираніемъ сердца слѣдитъ за ея неизбѣжнымъ развитіемъ) искусство повторяю я, дастъ новой культурѣ силы для борьбы съ рабствомъ экономическимъ.

Тогда сумасшедшіе, преступники, дегенераты будутъ считаться несчастными, безвинно страдающими, тогда психіатрія и антропологія преступнаго человѣка будутъ однѣ руководить дѣйствіями общества по отношенію къ этимъ несчастнымъ.

Оглавленіе.

Изданія С. Е. Коренева.

А. Лоріа. *Рабочее движеніе.* Переводъ съ итальянскаго. Спб. 1905. Цѣна 1 р. 50 к.

Очевидно, что не только тѣ, кто непосредственно заинтересованъ въ явленіяхъ данной категоріи, но и всякій человѣкъ желающій сознательно относиться къ окружающей жизни, долженъ ознакомиться съ основными элементами рабочаго движенія какъ соціальнаго фактора. Небольшая [около 200 стр. средней формы и средней печати] книга г. Лоріа можетъ сослужить при этомъ хорошую службу.

Русское Богатство № 9. 1905 г.

А. Салюччи—*Теорія стачки.* Пер. съ итальянскаго Спб. 1906. Цѣна 40 к.

Дж. Г. Маккей—*Анархисты.* Картины нравовъ конца XIX в. Пер. съ нѣмецкаго. Цѣна 70 к. Спб. 1906.

Л. Цукколи—*Офицеры, унтеръ-офицеры, капралы и солдаты.* Романъ. Пер. съ итальянскаго. Цѣна 70 к. Спб. 1907. (Съ рисунками въ текстѣ).

Изданіе С. Е. Коренева и К°.

О. фонъ-Сотенъ: *Какъ вели войну Наполеонъ и Мольтке.* Популярные очерки изъ военной исторіи XIX в. Пер. съ нѣм. Цѣна 1 р. (съ чертежами).

Знакомство съ этой книгой полезно безусловно для всѣхъ тѣхъ русскихъ, которымъ дорого ихъ отечество.

Ежем. литературн. и популярно-научныя приложенья къ «Нивѣ» 1907 г. № 11.

Складъ всѣхъ изданій С. Е. Коренева въ книжныхъ складахъ «Книгопродавческая Складчина» въ С.-Петербургѣ (Екатерининская, 4); и въ Москвѣ (Моховая, д. Баженова).

Кромѣ того они продаются: *въ С.-Петербургѣ* въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Березовскаго, «Военное Дѣло», Базлова, Козлова (Кабинетская, 5) и др. *Въ Царскомъ Селѣ* у Н. П. Митрофанова. *Въ Кіевѣ* у Іогансона.

Изданія С. Е. Коренева.

А. Лоріа—Рабочее движеніе. (Происхожденіе-Формы-Развитіе). Пер. съ итальянскаго. Спб. 1905. Цѣна 1 р. 50 коп.

Небольшая около 200 стр. средней формы и средней печати книга г. Лоріа можетъ сослужить хорошую службу при ознакомленіи съ рабочимъ движеніемъ. «Русское Богатство». 1905 г. № 9.

А. Салюччи—Теорія стачки. Пер. съ итальянскаго. Цѣна 40 коп. Спб. 1906.

Дж. Г. Маккей—Анархисты. Картины нравовъ конца XIX вѣка. Пер. съ нѣмецкаго Цѣна 70 к. Спб. 1907.

Л. Цукколи—Офицеры, унтеръ-офицеры, капралы и солдаты. Сатирическій романъ (съ рисунками). Пер. съ итальянскаго Спб. 1907. Цѣна 70 коп.

О. Фонъ-Сотенъ—Какъ вели войну Наполеонъ и Мольтке. Популярные очерки изъ военной исторіи XIX вѣка. (Съ чертежами) Переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 1 руб. Спб. 1907.

Знакомство съ этой книгой безусловно полезно для всѣхъ тѣхъ русскихъ, которымъ дорого ихъ отечество.
Ежем. литературныя и популярно научныя приложенія къ «Нивѣ» 1907 г. Ноябрь.

Складъ всѣхъ изданій С. Е. Коренева, въ книжныхъ складахъ «Книгопродавческая Складчина» въ С.-Петербургѣ (Екатерининская 4) и Москвѣ (Моховая д. Баженова); кромѣ того они продаются въ *СПБургѣ* въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», В. А. Березовскаго, И. И. Базлова, «Военное Дѣло», Главнаго Штаба, М. В. Попова, И. Е. Козлова (Кабинетская 5) и др. въ *Царскомъ-Селѣ* у Н. П. Митрофанова. Въ *Кіевѣ* у Іогансона.

Тип. В. Я. Мильштейна, Нижегородская, 14.